

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ЦЕНТР ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ
КНУ им. Ж. БАЛАСАГЫНА

*Посвящается
2200-летию
кыргызской
государственности*

Джениш Джунушалиев

ВРЕМЯ
СОЗИДАНИЯ И ТРАГЕДИЙ
20–30-е годы XX в.

Бишкек • Илим • 2003

Д 40

Джунушалиев Джениш

ВРЕМЯ СОЗИДАНИЯ И ТРАГЕДИЙ. 20–30-е годы XX в. / Отв. ред. академик К.К. Каракеев / Институт истории НАН КР, ЦЭиУ КНУ им. Ж. Баласагына. – Бишкек: Илим, 2003. – 248 с.

ISBN 5-8355-1258-9

В монографии проанализированы мотивы, ход и последствия преобразовательных процессов в Кыргызстане в 20–30-е годы XX в. Исследование проведено на базе широкого круга архивных материалов, подавляющее большинство которых впервые вводится в научный оборот.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, на историков и студентов.

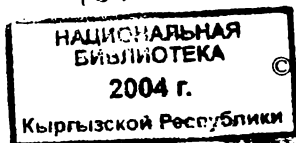
Ответственный редактор
академик *К.К. Каракеев*

Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории НАН КР и Научно-методическим советом ЦЭУ
КНУ

*Автор выражает глубокую благодарность директору
Центра экономики и управления КНУ им. Ж. Баласагына
Токсобаевой Бактыгуль Асановне,
благодаря помощи которой книга вышла в свет.*

1927

ISBN 5-8355-1258-9

© Д. Джунушалиев, 2003 г.

Извечная мечта любого народа – быть хозяином собственной судьбы – для кыргызов стала близка к воплощению лишь на исходе XX века. Однако нация и молодое суверенное государство с первых же шагов столкнулись со сложнейшими задачами: от решения проблем элементарного выживания в условиях острейшего экономического кризиса до превращения в цивилизованную современную нацию; от сохранения целостности и обретенного суверенитета республики до превращения ее в правовое государство; от недопущения утраты самобытности нации до создания общества открытого типа, восприимчивого к прогрессивным инновациям эпохи.

Решение этих и других судьбоносных задач – дело не одного десятилетия и не одного поколения кыргызстанцев. Успех, как показывает мировая историческая практика, определяется не безоглядным разрушением былого, не насильственным насаждением чего-то иного или самозабвенным реформаторством во имя очередного светлого “изма”, а выбранными, с учетом исторического опыта и специфики народа, стратегией и тактикой развития. При этом задачи эти могут быть успешно реализованы лишь тогда, когда движение по пути прогресса основывается прежде всего на интересах и потребностях собственного народа, а не “мирового пролетариата” или “мировой цивилизации” в целом, когда целенаправленные созидательные действия будут опираться на все положительное и прогрессивное из прошлого опыта, а зарубежные образцы будут использоваться в качестве дополнительного ускорителя.

В научно обоснованном и всесторонне взвешенном выборе главного направления общественного развития не оценимо значение общественных наук, в том числе и исторической. Это закономерно. Исторический опыт – это не только прошлое, что безвозвратно кануло в Лету. Значительную часть этого опыта составляет то, что, повторяясь в действиях и поступках поколений людей, превратилось в стержень общественной психологии, социальной практики и

поведения. Особую ценность представляют уроки, извлеченные как из позитивных, так и негативных моментов истории.

Пренебрежение этими обстоятельствами или недостаточный учет специфики народа при реформации самих основ общества есть не что иное, как нарушение главного принципа всякого поступательного развития – принципа преемственности. Оно, как показывает мировая и отечественная практика, оборачивается топтанием на месте, проявляющимся в невыполненных решениях, резолюциях и планах, недействующих законах и указах – в лучшем случае, а в худшем – в общественной нестабильности, утрате народом своей самобытности.

Для каждого этапа общественного развития наибольшую практическую ценность из прошлого имеет исторический опыт того периода, в котором решались аналогичные или близкие к современным задачи. Таковыми для сегодняшней общественной практики Кыргызстана бесспорно являются глубокие преобразовательные процессы 20-х и 30-х годов XX столетия, исследованию которых посвящена предлагаемая вниманию читателей работа.

Безраздельно господствовавшую долгие годы в общественной науке концепцию прямого, относительно легкого (в течение жизни одного поколения) и безболезненного перехода от феодализма “к вершинам современного прогресса” сегодня потеснили пессимистические выводы, основывающиеся, как правило, на анализе не всей совокупности общественной жизни тех лет, а лишь отдельных ее аспектов, процессов и периодов.

Как бы там ни было, противостояние концептуальных подходов в понимании нашего ближайшего исторического прошлого, обостряемое политическими столкновениями в условиях нынешнего плюрализма мнений, потребности современной общественной практики Кыргызстана придают объективному анализу процессов тех лет не только академическое, но и очевидное практическое значение.

Актуальность всестороннего научного анализа мотивов, хода и последствий преобразовательных процессов 20-х и 30-х годов бесспорна со всех точек зрения.

Истинность формулы “Кто владеет прошлым, тот владеет будущим” сегодня становится особенно очевидной. Обществу нужна историческая правда во всей ее полноте, сложности и противоречивости, а не подмена одной лжи другой.

Перепутье в общественном развитии, на котором оказался Кыргызстан, а также интересы выхода из всеобщего кризиса выдвинули на первый план задачу выявления истоков и сущности многочисленных деформаций как в недавнем прошлом, так и в настоящем. В первую очередь это относится к так называемому периоду строительства социализма, минуя капитализм. Ибо именно тогда в основном было завершено возведение заслонов под эгидой вульгаризированного марксизма на пути естественно-исторического развития общества, произошли трагические для народов деформации в их духовном и нравственном развитии, а научный анализ реалий общества подменен служением извращенной доктрине.

Но было и другое. В течение полутора-двух десятилетий кыргызский народ вернул значительную часть своей этнотерритории, перешел к оседлости, достиг определенного уровня грамотности, на что у многих народов ушли столетия. И самое главное – в те годы он обрел государственность (пусть и в урезанном, формализованном виде), чего подавляющее большинство народов мира добивалось в результате длительных братоубийственных междоусобиц или продолжительных национально-освободительных войн, когда в ходе столкновений с лица земли исчезали целые народы. Обретение в 1924 г. Кыргызстаном государственности, хотя и в форме ограниченной автономии, стало решающей предпосылкой демократического провозглашения полного его суверенитета в 1991 г.

В этой связи глубокое научное значение имеет правдивый ответ на естественный вопрос: что приобрел, что утратил, к чему пришел кыргызский народ в процессе такого ускоренного развития, и каким оно было – без конъюнктурных прикрас и огульного очернительства?

Объективный научный анализ истории исследуемого периода имеет и исключительно важное прикладное значение. Как и 90-е годы, 20-е и 30-е годы прошлого века были поворотными в судьбе кыргызского народа. И тогда, как и сейчас, происходила коренная ломка жизненного уклада. Со всей остротой встали проблемы: обретение самостоятельной государственности, хотя бы под “тройным подчинением” (Ю.Абдрахманов); сохранение этнической территории и выработка ее оптимального административного деления; создание демократических институтов народовластия и защита жизненных интересов трудового народа; выбор приоритетных направлений развития народного хозяйства и

привлечение масс к активному созидательному труду; забота об интеллектуальном развитии народа и сохранение мира, согласия, взаимопомощи и взаимопонимания между представителями различных наций, проживающих в Кыргызстане, и т.д.

Правда, решались тогда эти проблемы характерными для той эпохи способами, средствами и методами, во многом с трагичными последствиями. Но можно и нужно извлечь уроки из прошлого, выявив причины генезиса и формы политических репрессий в Кыргызстане, механизм превращения партии в орудие диктатуры номенклатуры. Особый, и не только научный, интерес представляют отвергнутые или до конца не доведенные альтернативы решения названных выше проблем, за которые многие заплатились жизнью.

То, что произошло в 20–30-е годы, одним может нравиться, а другим – нет. Но это наша история, созданная предыдущими поколениями. Одни в преобразованиях видели зло и боролись, как могли. Другие, их было большинство, верили партии большевиков и создавали то, что было намечено ее программой. Правда, обещанного “светлого будущего” не случилось. Но кыргызстанцы, имевшие в 1917 г. худшие, чем афганцы, иранцы, иракцы, стартовые возможности (не было общей территории, государственности, выхода к мировым морским путям, богатых нефтяных и других месторождений), обогнали их не только в интеллектуальном, но и в экономическом развитии и почти догнали турок – наследников когда-то мощнейшей Османской империи, перед которой трепетала почти вся Европа.

А значит, что это большинство создало и то, чем могут гордиться и будущие поколения. И вряд ли нравственно огульное охаивание его самого и всего сделанного им, как было в недавнем прошлом в отношении другой части – меньшинства. И большинство, и меньшинство исходило из своего миропонимания и считало, что действует во благо народа.

Поэтому критерием оценки деятельности участников тех поистине революционно преобразующих процессов должна быть степень соответствия их поступков интересам всего кыргызского народа в общественном прогрессе, а не только класса и его партии. Правомерность такого подхода обусловлена не только ныне модным отходом от оценки общественных явлений с вульгарно-классовых позиций, но и тем, что в те годы классовообразующие процессы в среде кыргызов были достаточно сложными, не совпадающими с идеологической схемой. Кроме того, только при таком подходе займут свое достойное место в истории истинные народные герои,

действия которых могут стать предметом гордости и подражания для будущих поколений, а не выдвигенцы прошлой или нынешней политической конъюнктуры.

Как видно из сказанного выше, научная и практическая актуальность осмысления истории исследуемого периода с позиции новых подходов не вызывает сомнений. Задача важная и сложная. Ее решение требует комплексных исследований в философском, экономическом, правовом, политическом и историческом аспектах, иными словами, – совместных усилий широкого круга обществоведов.

Сознательно допуская фрагментарность в раскрытии отдельных моментов исторических процессов 20–30-х годов, которые, по мнению автора, в прошлом достаточно полно и объективно освещены, в монографии исследуются лишь узловые вопросы периода “успешного построения социализма, минув капитализм”, т.е. с 1921 по 1938 г.

Определение именно этих хронологических рамок исследования не случайно. До 1921 г., хотя процесс установления советской власти в Кыргызстане был завершён к лету 1918 г., из-за гражданской войны коренных социально-экономических преобразований, глубоко затрагивающих уклад жизни населения республики, особенно кыргызов, не произошло. Его почти не затронули даже самые леворадикальные мероприятия советской власти времен так называемого “военного коммунизма” – продразверстка, всеобщая трудовая повинность.

Глубокие преобразования на советский лад начались именно с 1921 г. – с переходом к новой экономической политике – практической реализации партийных директив, изложенных в постановлении ЦК РКП(б) “Об основных задачах РКП(б) в Туркестане” (1920 г.) и резолюции X съезда партии по национальному вопросу. Завершились они преобразованием Киргизской АССР в союзную республику (1936 г.), принятием новой Конституции и выборами в Верховный Совет Киргизской ССР (1938 г.). К этому моменту Кыргызстан прочно встал на идентифицированный для всех народов и наций СССР путь развития в условиях сверхцентрализованного тоталитарного государства.

Преобразовательные процессы 20–30-х годов всегда были объектом углубленного исследования обществоведов. В результате накоплена обширная научная литература почти по всем сферам общественной жизни Кыргызстана тех лет.

В историографии исследуемой проблемы, как и всей послеоктябрьской истории республики, на наш взгляд, можно выделить три периода, отличающихся не только временными рамками, количеством и квалифицированным уровнем исследователей, но и концептуальными подходами и обобщающими выводами.

Первый период длился от победы Октября 1917 г. до начала 30-х годов. Это был период анализа и оценки исторических процессов с позиции не только чисто классового подхода, но и анализа реалий жизни недавнего прошлого.

Вульгаризированный “краткокурсовой” схемой второй период, когда то усиливался, то несколько ослабевал идеологический нажим, продолжался до середины 80-х годов.

Третий период начался с критического анализа прошлого с позиций “нового мышления”, в котором, к сожалению, преобладает, скорее, всеобщее отрицание, нежели стремление к научной истине.

Согласно научной логике и потребностям общественной практики, по-видимому, в скором будущем начнется новый период, в котором займет должное место объективная научность, свободная от псевдомарксистской и лжедемократической изоциренности, если не появится новый “изм” и как следствие – не произойдет очередной кульбит в позиции какой-то части исследователей.

В *первом периоде* развития историографии, когда еще отсутствовала “краткокурсовая” методология, а стремление исследователей к объективности не всегда находило реальное воплощение не только из-за невысокой квалификации исследователей и отсутствия архивных, сравнительно-статистических материалов, но и вследствие слабого знания языка, быта и традиций главного объекта исследования, особое внимание уделялось преимущественно тем проблемам, целесообразность разработки которых определялась практическими потребностями преобразовательного процесса. В трудах той поры дается почти однозначно негативная оценка всему, что было в дооктябрьский период, и столь же позитивная – всему свершившемуся в послеоктябрьский.

Период завершился утверждением в исторической науке так называемых марксистско-ленинских принципов в сталинском их толковании. “Вооружение” же исследователей канонами “Краткого курса истории ВКП(б)” было “подкреплено” установлением специальным постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. морального и физического террора против всякого инакомыслия.

Публикации первого периода в зависимости от их практической и идеологической направленности, адекватности реалиям действительности можно подразделить на шесть групп.

1. Материалы экономико-статистических обследований, в которых содержатся ценные сведения о социально-экономическом положении Кыргызстана. Но поскольку переписи были проведены из практических нужд хозяйственного строительства, имели сугубо прикладное назначение, эти ценные во многих отношениях публикации не содержали широких научных обобщений. Их научная ценность в определенной степени снижается и тем, что по многим позициям отсутствуют сравнительные сведения дореволюционного периода¹.

2. Материалы этнографических исследований, проводившихся не только в научных целях, но и для решения практически-политических задач “классового расслоения” кыргызского аила, усиления борьбы против бай-манапства, поиска оптимального варианта районирования Кыргызстана с учетом региональных, родоплеменных делений, ликвидации пережитков патриархальщины в общественных отношениях и быту.

Несмотря на значительную идеологическую нагрузку, этнографический материал, собранный на этом этапе, имеет большое научной и практическое значение².

¹ Материалы переписей 1917 и 1920 гг. по уездам Кыргызстана содержатся в изданиях: Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 и 1920 гг. – Вып. 1–3. – Ташкент, 1924–1925; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. по Пишпекскому уезду Семиреченской области по категориям населения в сравнении с итогами Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. – Верный, 1921; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. по Каракольскому и Нарынскому уездам Семиреченской области по категориям населения в сравнении с итогами Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. – Верный, 1921; Промышленная перепись в Туркестанской республике. – Вып. 2, 4. – Ташкент, 1924; Материалы по статистике Киргизской АССР. – Вып. 1, 2. – Фрунзе, 1928; Итоги земельно-водной реформы в южных кантонах Киргизии. – Фрунзе, 1928; Краткий статистический справочник хозяйственного и социально-культурного строительства Киргизской ССР за 20 лет Великой Октябрьской социалистической революции. – Фрунзе, 1937 и др.

² Дублицкий В.Н. Родословная таблица кара-киргиз, проживающих в Джетысуйской области и краткая их история. – Алма-Ата, 1923; Голубков А. Кара-киргизская деревня // На аграрном фронте. – 1925. – № 7–8;

3. Публикации по материалам конкретных социологических исследований, содержащие добротные фактические сведения первоисточникового значения о кыргызской деревне середины 20-х годов.

В них имеются попытки научного анализа эволюции социальных типов и социально-экономических отношений в кыргызском аиле. И хотя эти исследования проводились почти одновременно, в некоторых вопросах авторы делали противоположные выводы. Это было следствием не только недостаточного владения научной методологией, в чем раньше упрекали исследователей, но и естественным проявлением многоукладности экономики, в известной степени открытости общественного строя, наличия плюрализма мнений в условиях нэпа¹.

4. Историко-экономические труды, выполненные в основном в угоду “задачам дня”: социалистического переустройства всех сфер общественной жизни, усиления классово-борьбы, популяризации политики партии и советского правительства.

Они написаны по свежим следам и на интересном материале преобразовательного процесса. Тщательность в отражении некоторых деталей быта и хозяйственной структуры придает этим работам известную этнографическую ценность. Однако, являясь в подавляющем большинстве популярно изложенным вариантом официальных документов о хозяйственном, культурном и государственном строительстве, они содержат много неточностей и искажений в интерпретации классово-структуры кыргызского аила

Дыренкова Н.П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов // Сборник этнографических материалов. – 1917. – № 2; *Кушнер (Кнышев) П.П.* Манапство в горной Киргизии революционный Восток. – 1917. – № 2; *Сыдыков А.* Родовое деление киргизов // В.В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927; *Абрамзон С.М.* Современное манапство в Киргизии // Сов. этнография. – 1931. – № 3–4; *он же.* Манапство и религия // Сов. этнография. – 1932. – № 2; *Бурдуков А.В.* Каракольские калмыки (сарт калмыки) // Сов. этнография. – 1935. – № 6 и др.

¹ Типы хозяйства Туркестана: Труды семинария экономики и организации сельского хозяйства при САГУ. – Вып. I. – Ташкент, 1924; *Кушнер (Кнышев) П.П.* Горная Киргизия (социологическая разведка). – М., 1929; *Погорельский П. и Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана. – М., 1930; *Сахаров М.Г.* Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. – М., 1934.

и института манапства, в оценке последствий социально-экономических и политических преобразований¹.

5. Труды, претендующие на первоначальное научное обобщение истории Кыргызстана послеоктябрьского периода.

Изучение отдельных вопросов установления советской власти и гражданской войны в Кыргызстане начинается в самом начале 20-х годов. Первые исследования проводились в общетуркестанском масштабе с привлечением материалов и по Кыргызстану². Попытки самостоятельного изучения исторических процессов в республике начались после обретения государственности³. Особое место среди исследователей тех лет принадлежит Ю.Абдрахманову, который благодаря природному таланту, включенности в активную работу в высших эшелонах партийной и государственной власти стал и первым исследователем истории своего народа с позиций присущей ему честности⁴.

6. Официальные документы партийно-советских органов всех уровней, в которых содержатся главные сведения о путях, средствах и масштабах реализации задач социалистического строительства.

В условиях приоритетности партийно-классового подхода к изучению общественных явлений эти документы служили не только источниковой базой, но и методологической основой исторической

¹ *Фатьянов И.А.* Хозяйственное и культурное строительство Киргизии. – Фрунзе, 1927; *Буров-Петров.* На борьбу с байством и манапством. – Фрунзе, 1927; *Залесов С.* Культурная революция в Киргизии, ее препятствия, трудности и пути осуществления // Коммунистическая революция. – 1928. – № 15; *Шоруков Х.* Киргизия на фронте латинизации // Алфавит Октября. – М.; Л., 1934.

² *Сафаров Г.* Колониальная революция (опыт Туркестана). – М., 1921; *Рыскулов Т.* Революция и коренное население Туркестана (сборник главнейших статей, докладов, речей, тезисов). – Ч. 1. 1917–1919. – Ташкент, 1925; *он же* Джетысуйские вопросы. – Ташкент, 1923; *он же.* Киргизстан. – М., 1935; *Божко Ф.* Гражданская война в Средней Азии. – Ташкент, 1932 и др.

³ *Зорин А.Н.* Революционное движение в Киргизии (северная часть). – Фрунзе, 1931; *Денисов К.* Временное правительство и классовые противоречия в Киргизии (по материалам Центрархива Киргизии) // Киргизия во 2-й пятилетке. – М.; Ташкент, 1933.

⁴ *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма Сталину. – Фрунзе, 1991; Юсуп Абдрахманов. – Бишкек, 2001.

науки¹. Их целевые установки, подбор фактических материалов и толкование общественных процессов требуют критического анализа, сопоставления с другими данными и сведениями. Но документы эти, безусловно, сохраняют свое первоисточниковое значение в понимании мотивов, масштабов и последствий социально-экономических, политических и духовных преобразований.

Второй период историографии характеризуется ростом количества и квалификации исследователей, их организационным объединением, расширением источниковой базы науки, углублением уже выявившихся и развитием новых направлений в исследовании истории Кыргызстана.

Но это было и время полного господства “краткокурсовой” методологии и схемы, если не считать незначительных обновлений “фасадного” характера в виде критики последствий культа личности Сталина. Правда, многочисленные проявления начетничества, схематизма, искажений, имеющих в подавляющем большинстве работ, выполненных на данном этапе, были обусловлены не только методологическими изъянами. Сказалось и то, что их молодые авторы (в 50-е и 60-е годы они все были таковыми) не имели возможности в полной мере опереться на предыдущие исследования по истории Кыргызстана, так как многие их предшественники были репрессированы, а их труды изъяты из обращения. Кроме того, из-за боязни исследователей быть обвиненными в одном из многочисленных “измов”, широкое распространение получило изучение и изложение истории республики по аналогии с историей других регионов страны.

Однако при всех недостатках исследователи данного этапа были и останутся первопроходцами в научной разработке истории

¹ Отчетный доклад Революционного комитета Кара-Киргизской автономной области РСФСР I съезду Советов РК и ДД области. Ноябрь 1924 – март 1925 г. – Пишпек, 1925; Резолюция I Кара-Киргизской областной конференции РКП(б). 23–27 марта 1925 г. Пишпек (б.г.); Отчет Киргизского областного комитета РКП(б) II областной конференции. – Пишпек, 1925; Отчет о работе правительства Киргизской АССР за два года (март 1927 – апрель 1929 г.) II Всекиргизскому республиканскому съезду Советов рабочих, дехканских, крестьянских и красноармейских депутатов. – Фрунзе, 1929; Материалы к отчету Киргизского областного комитета ВКП(б) VI областной партийной конференции. Январь 1929 – май 1930 г. – Фрунзе, 1930; Материалы к отчету областного комитета первому съезду КП(б) Киргизии (за 1934–1937 гг.). – Фрунзе, 1937; Первая сессия Верховного Совета Киргизской ССР. 18–20 июня 1938 г.: Стеногр. отчет.– Фрунзе, 1938 и др.

Кыргызстана. Введенные ими в научный оборот фактические данные, их научные выводы исключительно важны хотя бы потому, что являются исходными для критического анализа и сопоставления. В многосторонности освещения послеоктябрьских обретений кыргызского народа в экономический и социально-культурной сферах жизни они пока остаются непревзойденными.

В 50 – начале 80-х годов тематическая направленность исторических исследований в основном не выходила за рамки проблем, охваченных “Кратким курсом истории ВКП(б)”, и была представлена следующими темами с различными вариациями: история Октябрьской революции и гражданской войны в Кыргызстане; республика в годы новой экономической политики и вопросы развития национальной государственности; история строительства социализма сокращенным путем через форсированную индустриализацию, коллективизацию и осуществление культурной революции.

Появились интересные исследования, отражающие в какой-то мере специфические особенности, движущие силы революции в Кыргызстане, борьбу политических партий и движений за влияние на массы и власть, на результаты первых социалистических преобразований, вопросы создания органов советской государственной власти и борьбы с контрреволюцией¹.

¹ *Джамгерчинов Б.Д.* Нарынский мятеж (тезисы диссертации) // Тр. ИЯЛИИ Кирг. ФАН СССР, 1944; *Элебаев Б.* Классовая борьба в Северной Киргизии накануне свержения царизма и в период борьбы за Советскую власть (1916 – конец 1918 г.) // Ученые записки исторического факультета КГУ. – Вып. IV. – Фрунзе, 1955; *он же.* В жарких классовых боях (из истории гражданской войны в Киргизии) // Коммунист (Фрунзе). – 1957. – № 11; *Семенов В.Н.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов. – Фрунзе, 1962; *Кабелькова М.Т.* Советы Киргизии в 1918 г. – Фрунзе, 1967; *Зима А.Г.* Победа Октябрьской революции в Киргизии. – Фрунзе, 1966; *Тутлис В.П.* Некоторые особенности расстановки политических сил в Семиречье после свержения самодержавия // Труды КГУ. Серия историч. наук. Вып. X. – Фрунзе, 1967; *Малабаев Д.М.* Октябрьская революция и роль ревкомов в упрочении Советской власти в Киргизии // Юбилейная научная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. – Фрунзе, 1967; *Жантауров С.Б.* В огненном кольце. – Фрунзе, 1968; *Никишов П.П.* Борьба большевиков за упрочение власти Советов в Киргизии. – Фрунзе, 1976; *Кунин А.И.* Южная Киргизия в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). – Фрунзе, 1981; *Абылгазиев В.И.* Крах политического бандитизма (на материалах Киргизии). – Фрунзе, 1984 и др.

В изучении истории Кыргызстана периода новой экономической политики имелись свои взлеты и застои. Интерес к проблемам социально-экономического развития доколхозного аила и деревни, наблюдавшийся до середины 30-х годов, заметно снизился на десятилетия в связи с утратой практического значения проблемы в условиях “победы социализма в основном”. С середины 50-х годов вновь повысился интерес к проблеме с “ростом международного значения опыта строительства социализма в бывших колониальных окраинах СССР”¹.

Исследование истории кыргызской государственности началось позже изучения других тем. До начала 50-х годов, если не считать некоторых разделов юбилейных сборников и оставшихся не опубликованными работ Ю. Абдрахманова, то серьезных научных публикаций по этой проблематике не было. В последующем появился целый ряд исследований по истории национальной государственности, освещающих ее либо в контексте перехода кыргызского народа к социализму сокращенным путем, либо формирования кыргызской социалистической нации².

¹ Ухватов П.И. Земельно-водная реформа в Киргизии. – Фрунзе, 1957; Ильясов С.И. Кооперативно-колхозное строительство в Киргизии (1918–1929 гг.). – Фрунзе, 1959; Будянский Д.М. Земельно-водная реформа в Южной Киргизии в 1927–1928 гг. – Фрунзе, 1968; Шерстобитов В.И. Социально-экономические отношения в аиле, кыштаке и деревне Киргизии до коллективизации сельского хозяйства (Материал для обсуждения на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР). – М., 1961; он же. Новая экономическая политика в Киргизии. – Фрунзе, 1964; он же. Ленин и крестьянство Советского Востока (по материалам Киргизской ССР). – Фрунзе, 1969; Батманова Н.И. Создание предпосылок социалистического переустройства сельского хозяйства в Киргизии. – Фрунзе, 1974; Бактыгулов Дж. Из истории перехода кыргызского крестьянства к оседлости и социалистическим способам хозяйствования. – Фрунзе, 1976; Хелимский Е.И. Социально-экономическое развитие кыргызского аила в начале 20-х годов // Изменение социальной структуры народов СССР: Сб. статей. – М., 1982 и др.

² Джунусов М.С. О некапиталистическом пути развития кыргызского народа к социализму. – Фрунзе, 1958; Малабаев Д.М. Образование СССР и развитие национальной государственности кыргызского народа. – Фрунзе, 1969; Тургулбеков Р. Становление и развитие суверенного государства кыргызского народа. – Фрунзе, 1969; Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР. – Ч. 2. – Фрунзе, 1970; Орозалиев К.К. 40 лет Киргизской ССР. – Фрунзе, 1986; он же. Исторический опыт перехода кыргызского народа к социализму, минуя капитализм. – Фрунзе, 1974; Каракеев К.К. Образование СССР – торжество ленинской национальной

В этих работах, внесших серьезный вклад в изучение истории становления государственности кыргызов, процесс преподносится беспроblemно, а так называемые суверенные права республики при ее фактической ограниченной автономии обосновываются не столько анализом реалий жизни, сколько изложением или цитированием официальной партийной доктрины.

Скромные попытки правдиво осмыслить процесс истории государственного строительства в Кыргызстане были предприняты в начале 70-х годов К. Нурбековым и Р. Тургунбековым. Первый в учебном пособии для студентов юридического факультета лишь затронул проблему образования Кара-Киргизской горной области в 1922 г., не пытаясь проанализировать всю сумму исторических фактов. Но даже это вызвало принятие специального решения бюро ЦК Компартии Киргизии (1 сентября 1972 г.)¹, а затем перевод опального профессора из университета на должность младшего научного сотрудника. “Попало” и Р. Тургунбекову за позицию, близкую к нурбековской.

Историография строительства социализма сталинской модели довольно широка. В ней с особой скрупулезностью, хотя в несвободной от “краткокурсовской” концепции, исследованы многие аспекты промышленного развития и переустройства аграрного сектора, имеющие неоднозначные последствия. В публикациях на убедительных фактических материалах показывается рост численности промышленных предприятий, колхозов и совхозов, посевных площадей, энерговооруженности народного хозяйства и т.д., однако в значительной степени остаются в тени вопросы влияния преобразований на материальное благосостояние, изменение жизненных позиций, быта, традиций, духовных и материальных ценностей населения. Критический же анализ хода этих процессов не выходит за рамки строго лимитированных оценочных положений официальных партийных документов².

политики. – Фрунзе, 1982; *Шерстобитов В.П.* Развитие наций и национальных отношений в СССР: Исторический опыт и его роль в революционном обновлении мира. – Фрунзе, 1984 и др.

¹ *Усубалиев Т.У.* Интернациональное воспитание трудящихся. – М., 1979, – С. 27–59.

² *Ильясов С.И.* Победа социалистических отношений в сельском хозяйстве Киргизии. – Фрунзе, 1961; *Есенов Н.С.* Промышленное строительство в ранее отсталых окраинах (исторический опыт Советской

По-видимому, при любом критическом отношении к истории и историографии советского периода не потеряют своего значения труды, посвященные борьбе за всеобщую грамотность, проблемам организации системы народного образования и развития культуры в целом. Успехи в этих сферах действительно были и они в основном положительные¹.

С начала 50-х годов, после создания Института истории партии при ЦК Компартии Киргизии – Киргизского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, проводилась широкомасштабная работа по изучению политической истории Кыргызстана, которая по существу была историей Коммунистической партии республики, а точнее – панегириком ей.

Исследования проводились в тех же, перечисленных выше, направлениях и рамках с особым акцентом на раскрытии руководящей роли партийной организации в преобразовательном процессе, а также проблем внутривнутрипартийной жизни². О

Киргизии). – Фрунзе, 1962; *Чормонов Б.Ж. и Сидоров А.Ф.* Промышленный процесс в Киргизской ССР. – Фрунзе, 1963; *Мусин Х.М.* Рабочий класс Советской Киргизии. – Фрунзе, 1963; *Татыбекова Ж.С.* История каменноугольного рудника “Кызыл-Кия”. – Фрунзе, 1964; *Байбулатов Б.Б.* От кочевья к социализму (из истории оседания кочевого и полукочевого населения Киргизии в 1917–1937 гг.). – Фрунзе, 1969; *Аттокуров С.А.* Из истории промышленности Киргизии. – Фрунзе, 1971; *Дуйшемалиев Т.Д.* Победа ленинского плана социалистического преобразования сельского хозяйства в Киргизии. – Фрунзе, 1972; *Чыймылова Б.Д.* История развития социалистического соревнования в промышленности Киргизии. – Фрунзе, 1977; *Бактыгулов Д.С.* Социалистическое преобразование киргизского аила (1928–1940). – Фрунзе, 1978 и др.

¹ *Каракеев К.К.* Из истории культурного строительства в Киргизстане. – Фрунзе, 1968; *Каниметов А.К.* Развитие народного образования в Советской Киргизии. – Фрунзе, 1962; *он же.* Народное образование Советской Киргизии за полвека. – Фрунзе, 1972; *Соктоев И.А.* Формирование и развитие Советской интеллигенции Киргизстана. – Фрунзе, 1981; *Данияров С.С.* Культурное строительство в Киргизской ССР в годы довоенных пятилеток. – Фрунзе, 1980; *он же.* Становление киргизской советской культуры (1917–1924 гг.). – Фрунзе, 1983 и др.

² *Малабаев Д.М.* Борьба киргизской парторганизации за укрепление Советов. – Фрунзе, 1962; *Байбулатов Б.Б.* Борьба парторганизации Киргизии за проведение оседания кочевого народа. – Фрунзе, 1965; *Ибраимов И.И.* Партийная организация Киргизии в борьбе за развертывание колхозного движения. – Фрунзе, 1965; *Малабаев М.М.* Партийная

масштабности партийно-политического направления исследований говорит и то, что с 1951 г. по декабрь 1990 г. было защищено 112 кандидатских и 14 докторских диссертаций – исключительно на материалах Кыргызстана.

Недостатки, наиболее характерные для этого периода историографии, присутствуют в партийно-политических исследованиях в большей степени, чем в исследованиях гражданской истории. Однако сделанное трудом нескольких поколений исследователей стало неотъемлемой частью историографии Кыргызстана.

Активом исторической науки республики, безусловно, является подготовка и выпуск обобщающих коллективных трудов как по отдельным этапам и проблемам, так и всей истории исследуемого периода, которые станут базой для дальнейшего развития науки¹.

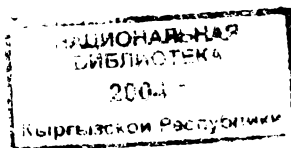
Третий период историографии начался с переосмысления исторического прошлого в условиях расширившейся демократии и плюрализма мнений. Опубликованы многочисленные научные статьи, посвященные критическому анализу противоречивых преобразований 20-х и 30-х годов². Среди них отличаются

организация Киргизии в борьбе за развитие промышленности в реконструктивный период. – Фрунзе, 1967; *Данияров С.С.* Борьба Компартии Киргизии за всеобщую грамотность. – Фрунзе, 1980; *Чокушев Б.Ч.* Классовая борьба в киргизских аилах (1918–1932 гг.). – Фрунзе, 1990 и др.

¹ Формирование и развитие киргизской социалистической нации. – Фрунзе, 1957; История советского рабочего класса Кыргызстана. – Фрунзе, 1966; история киргизской советской литературы. – М., 1970; История киргизского искусства. – Фрунзе, 1971; Осуществление ленинского кооперативного плана в Киргизии. – Фрунзе, 1976; Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. – Фрунзе, 1979; История Кыргызской ССР. – Т. III. – Фрунзе, 1986 и др.

² *Каракеев К., Шерстобитов В.* Великий Октябрь и построение социализма в Киргизии // Коммунист Кыргызстана. – 1989. – № 7–8; *Бактыгу-*

лов Д. Коллективизация киргизского аила // Коммунист Кыргызстана. – 1990. – № 3; *Каракеев К., Плоских В.* Из хроники “белых пятен” // Коммунист Кыргызстана. – 1990. – № 11, 12; *Семенов И., Джунушалиев Д.* Ю.Абдрахманов: Штрихи к политическому портрету // Коммунист Кыргызстана. – 1989. – №3; *Плоских В.* Самый обычный гениальный человек // Коммунист Кыргызстана. – 1990. – № 10; *Семенов И.* На пути к суверенитету // Слово Кыргызстана. – 1992. – 29 февраля, 7, 14, 21 и 28 марта; Тридцать седьмой год в Киргизии. – Фрунзе, 1991; *Абдрахманов Ю.*

1927

17

документальной достоверностью, объективностью анализа и обобщения книги Т. Ожукеевой, статьи Амана Газиева, И. Семенова, З. Курманова, А. Джуманалиева, В. Плоских и др.¹ Однако большинство публикаций раскрывают лишь отдельные моменты событий тех лет и имеют преимущественно публицистический характер. Но особую ценность представляет вовлечение в научный оборот ранее недоступных секретных документов и переосмысление на их основе ряда этапов истории республики.

1916. Дневники. Письма Сталину. – Фрунзе, 1991; *А. Газиев*. Дело о Социал-Туранской партии // *Res'publika*. – 1992, декабрь; 1993, январь; *Ожукее-*

ва Т.О. XX век: возрождение национальной государственности в Кыргызстане. – Бишкек, 1993.

¹ *Ожукеева Т.О.* XX век: возрождение национальной государственности Кыргызстане. – Бишкек, 1993; *Плоских В.М.* Манас не признал себя виновным. – Бишкек, 1993; *Джуманалиев А.* Политическое развитие Кыргызстана (20–30-е годы). – Бишкек, 1994; *Курманов З.К.* Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. – Бишкек, 1997.

СОЗДАНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

1. Трудный путь обретения самостоятельности

Из широкого круга научных проблем истории Кыргызстана советского периода остается наименее изученным и наиболее искаженно представленным вопрос, связанный с обретением государственности. До недавнего времени позитивные моменты этого сложного вопроса, считавшегося во многих своих моментах “щепе-тильным”, раздувались до небес, а на негативные – налагалось табу. Почти через тысячелетие, в 1924 г., восстановилась утраченная государственность кыргызов, которая не имела территориальной, государственно-правовой и исторической преемственной связи со своей предшественницей. Государственность кыргызов создавалась на совершенно новой экономической, политической и правовой основе.

Объективный анализ истории образования союзных республик, в том числе Кыргызской, показывает, что процесс этот был далеко не прямолинейным. Общеизвестно, что равноправие наций и их право на самоопределение провозглашались первой Программой партии большевиков. Они были закреплены и во второй Программе партии, принятой в 1919 г. VIII съездом РКП(б). При этом партия признавала федеративное объединение государств, организованных по советскому типу, одной из “переходных форм на пути к полному единству”¹. Нацеленное на длительную перспективу теоретическое положение, как показала дискуссия на этом съезде, способно было вызвать не только эйфорию революционного нетерпения.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 9-е изд. – Т. 2. – С. 79 (Далее: КПСС в резолюциях...).

Задачи осуществления программных положений партии после свержения самодержавия подтолкнула Ленина к идее создания “свободного союза свободных наций” на основе утверждения власти Советов в рамках возникающих национальных государств. Но уже тогда значительная группа партийцев считала, что требование национальной независимости утопично и реакционно, поскольку социалистическим методом решения национального вопроса является борьба под лозунгом “Долой границы!”.

Имели место и попытки выхолостить сам принцип права наций на самоопределение. Обусловлены они были тем, что когда право народов и наций на самоопределение стало реальностью политической жизни страны, возникли опасения, что эксплуататорские круги на окраинах страны смогут использовать это право в своих, классовых, интересах. Встал вопрос: за кем признавать это право – за нацией в целом, включающей в себя все классы, или только за пролетариатом, или за всеми трудящимися?

Выступая на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г., И.В. Сталин высказался за “необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации”¹. Член комиссии по подготовке Программы партии Н.И. Бухарин на VIII съезде партии вообще отверг лозунг о праве наций на самоопределение. Он сказал: “Понятие нации включает в себя все классы данного общества. Поэтому, поскольку мы держим сейчас курс на пролетарскую диктатуру, мне кажется, мы не можем выставлять лозунг права наций на самоопределение... В комиссии я, опираясь на заявление, сделанное т. Сталиным на III съезде Советов, предлагал формулу: самоопределение трудящихся классов каждой нации”².

Материалы VIII съезда свидетельствуют, что не только Сталин и Бухарин не могли отказаться от такого понимания развития, когда реальные общественные процессы втискиваются в абстрактно-логические рамки. Томский, в частности, утверждал: “Я думаю, в этом зале не находится ни одного человека, который сказал бы, что самоопределение наций, национальное движение является нормальным и желательным. К этому мы относимся как к нежелательному злу”³. По мнению Осинского, лозунг о праве наций

¹ Сталин И.В. Соч. – Т. 4. – С. 31–32.

² VIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков): Стеногр. отчет. – М., 1919. – С. 41.

³ Там же. – С. 71.

на самоопределение – лишь один из условных демонстративных лозунгов, которые партия “неоднократно! использовала в первый период пролетарского движения”¹. Пятаков предлагал отказаться от лозунга “самоопределение трудящихся” и “твердо стать на строгий путь пролетарской централизации и пролетарского объединения”².

В.И. Ленин решительно возражал против предложения заменить “самоопределение наций” “самоопределением трудящихся”, указав, что последнее “принципиально не приемлемо”³. По его мнению, говорить о самоопределении трудящихся можно только тогда, когда пролетариат, осознав противоположность своих интересов интересам буржуазии, дифференцируется от нее. А этого нет ни в одной стране, кроме России. Каждая нация должна получить право на самоопределение, и это способствует самоопределению трудящихся⁴. Съезд поддержал ленинскую позицию – самоопределение наций для самоопределения трудящихся.

Но в вопросе о “носителе воли нации к отделению” Программа включала формулу: “РКП(б) стоит на исторически классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т.п.”⁵ Тем самым партия фактически поставила под сомнение естественное право ранее отсталых народов на самостоятельное решение своей собственной судьбы.

X съезд РКП(б), состоявшийся в 1921 г., определил, что задача партии состоит в том, чтобы “помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке;

¹ VIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков): Стеногр. отчет. – С. 78.

² Там же. – С. 70.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 162.

⁴ Там же. – С. 161.

⁵ КПСС в резолюциях... – Т. 2. – С. 79.

г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую очередь для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения”¹.

В соответствии с решениями X съезда партии по всей стране усиливается виток первого парада суверенитетов народов, что нашло свое отражение и в Кыргызстане.

Кыргызы – древнейший народ Центральной и Средней Азии, когда-то имевший свою великую державу, в течение тысячелетия не смогли восстановить свою государственность. Положение не изменялось долгое время и после установления советской власти. Кыргызы были раздроблены, разбросаны по отдельным областям и уездам Туркестанской АССР, где составляли этническое меньшинство, вследствие чего зачастую игнорировались их культурно-экономические интересы. Шла реальная ассимиляция кыргызов, проживавших в Ферганской области узбеками, а в Сырдарьинской и Джетысуйской – казахами. Дело дошло до того, что сами кыргызы стали называть часть южных кыргызов “чала сарт” (полуузбеки), а северных – “чала казах” (полуказахи).

Лишь к концу гражданской войны, когда политическая обстановка в стране начала более или менее стабилизироваться, было принято постановление ЦК “О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами” (сентябрь 1920 г.). В нем говорилось: “Признать необходимым проведение в жизнь автономии в соответствующей конкретным условиям форме для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений...”².

В этой благоприятной ситуации и было возбуждено ходатайство об образовании самостоятельной Киргизской горной области. До последнего времени историки, в том числе и автор этих строк, считали, что идея возникла в 1922 г. На многие до сих пор неясные моменты попытки создания Горной области проливает свет лишь недавно опубликованная работа Ю. Абдрахманова, который был не только первым исследователем события, но и одним из инициаторов

¹ КПСС в резолюциях... – Т. 2. – С. 366.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 342.

организации области, т.е. знал историю не понаслышке, не только по документам, а изнутри.

По свидетельству Ю. Абдрахманова, вопрос об образовании самостоятельной административной области кыргызов в составе Туркестанской области впервые поднимался не в 1922 г., а в 1921 г. во время приезда в Алма-Ату руководящих работников Турккомиссии ВЦИКа и Туркестана Сафарова и Ходжанова¹. Необходимость образования области мотивировалась прежде всего тем, что “распыленное” состояние кыргызского населения по отдельным областям, уездам и даже участкам Туркестанской республики не давало возможности в полной мере обслуживать культурно-бытовые и хозяйственные нужды кыргызских трудящихся масс в отдельных областях, в которых кыргызы были на положении национальных меньшинств, а также непрекращающимся и все обостряющимся антагонизмом между отдельными группами казахских и кыргызских руководящих работников².

Кроме того, по мысли инициаторов, подобное образование должно было “способствовать ускорению ликвидации басмачества в южной части Киргизии”.

Последняя мысль подтверждена впоследствии и одним из руководителей басмачества на юге Киргизии Тюрякулом Джанызаковым, который в письме к руководящим работникам Туркестанской республики выставлял в качестве одного из условий скорейшей ликвидации басмачества образование отдельной административной Киргизской области в составе Туркестанской республики³.

Была и другая причина. Именно в это время в стране началась реализация решений X съезда партии о развитии и укреплении самостоятельной советской государственности наций и народностей и создании на этой базе Союза Советских Социалистических Республик. Кроме того, в конце 1921 г. ЦИК Киргизской (Казахской) АССР ходатайствует перед Президиумом ВЦИК о включении Сырдарьинской и Джетысуйской областей в состав образованной в 1920 г. автономии казахов. 21 марта 1922 г. коллегия Наркомнаца принимает решение о проведении совещания о границах республики. Оно состоялось 4 апреля 1922 г. с участием Председателя ТуркЦИК А.Рахимбаева, секретаря Киробкома

¹ См.: Юсуп Абдрахманов. – Бишкек, 2001. – С. 263.

² Там же. – С. 265.

³ ЦГА РК, ф. 21, оп. 6, д. 134, л. 58–59.

А.Асылбекова, уполномоченного ЦК РКП(б) Юдовского и других ответственных работников, в том числе Р.Худайкулова, представлявшего джетысуйских кыргызов. На совещании со стороны представителей Туркестана, в частности Худайкулова, принципиальных возражений против передачи двух областей Киргизской (Казахской) АССР не было¹. Вопрос, как видим, в принципе был решен.

Таким образом, устраивалась судьба казахского населения Сырдарьинской и Джетысуйской областей, но усложнялась проблема национального суверенитета кыргызского народа. Создавалась реальная опасность для его консолидации. В этой обстановке народ, особенно его образованная часть, не мог оставаться безучастным к происходящим событиям, потому-то и был поднят вопрос о Киргизской горной области.

В то время, когда некоторые руководящие работники Джетысуйского облисполкома из числа кыргызов лишь поддерживали спущенную сверху идею о создании национальной государственности, в известной степени исходя из личных интересов, на юге Кыргызстана боролись за нее с оружием в руках. Спустя ровно год после X съезда РКП(б) и приблизительно девять месяцев после того, как был поднят вопрос об образовании Киргизской горной области, 25 марта 1922 г. Секретариат ЦК КП(б) Туркестана принимает следующее решение:

“Слушали: 10. О районировании Семиреченской области.

Постановили: Президиуму ТуркЦИКа поручить опубликование декрета об организации Горной области в составе Туркестанской республики, которая образуется из уездов: 1) Пишпекского, 2) Пржевальского, 3) Нарынского и 4) Горного участка Аулие-Атинского уезда. Вопрос о горной части Ферганы, населенной каракиргизами, оставить открытым до перехода Ферганы на мирное положение. Проект внести на утверждение Исполбюро”².

В соответствии с этим решением ЦК КП(б) Туркестана малый Президиум ЦИКа Советов Туркестанской республики 26 марта 1922 г. принимает решение “Об образовании особой области районов, населенных киргизами”, после чего заместитель председателя ТуркЦИКа Ходжанов ведет переговоры по прямому

¹ См.: *Бейсембаев С.Б.* Ленин и Казахстан. – Алма-Ата, 1986. – С. 157.

² ЦГА РК, ф. 21, оп. 6, д. 134, л. 59.

проводу с руководителями Семиреченского облгоркома и облисполкома и дает указание по подготовке учредительного съезда.

19 апреля 1922 г. совместное заседание Семиреченского обкома партии и облисполкома принимает решение “О выделении Горной области, согласно постановления (принципиального решения) ТуркЦИКа от 26 марта 1922 г.” Проведение съезда намечается не ранее июня 1922 г., создается организационная комиссия по его созыву, в состав которой входят Сыдыков, Брюханов и Удалаев.

Однако, как пишет Ю.Абдрахманов, вопрос об образовании Горной области вызвал сопротивление у известной части кыргызских работников во главе с Худайкуловым. Они начинают вести работу против созыва съезда и образования области. Их поддерживают и вдохновляют часть казахских руководящих работников как в Ташкенте, так и в Алма-Ате, рассматривавших кыргызское население как “ответвление” – часть казахов и еще не отказавшихся от позиции алашордынцев, провозгласивших: “Нашим отцом является Алаш и поэтому не может быть разговора о различии между киргизами и казахами”¹.

В последующем и руководящие работники Туркестана и Семиречья вопреки своим первоначальным решениям переходят “на позиции казахских работников и Худайкулова”².

Исполбюро Семиреченского облгоркома КП(б) Туркестана и Президиум облисполкома, заслушав информацию Худайкулова по вопросу выделения Горной области, фиксируют в своем протоколе от 22 мая 1922 г. следующее: “Вопрос этот был возбужден семиреченской делегацией в Ташкенте, причем последовало определенное заявление ТуркЦИКа, что вопрос решен лишь принципиально, проведение его зависит от партии. Тов. Худайкулов, как ответственный работник, находит, что при настоящем экономическом и политическом положении Семиречья выделение Горной области, безусловно, несвоевременно и тяжело отзовется как на вновь выделяемой области, так и на прочей части Семиречья.

Не закончив классовое расслоение и земельно-водную реформу, не доведя до конца борьбу с кулачеством и байством, не изживя патриархально-родовых отношений, было бы огромной политической ошибкой произвести выделение, которого так добиваются более обеспеченные классы, руководимые т. Сыдыковым, и за которое отнюдь не высказываются беднота и

¹ ЦГА РК, ф. 21, оп. 6, л. 134, л. 63.

² Там же, л. 64.

батрачество. В этом же направлении высказывается ряд других работников кара-киргиз... Возражает только один т. Арабаев, находящий, что съезд необходимо провести, но при этом следует позаботиться о предоставлении на нем места подлинной киргизской бедноте, услышать ее решающий голос”¹.

На основе изложенного выше обком и облисполком принимают решение: “а) если трудящиеся массы кара-киргизского народа изъявят свою волю на национальное самоопределение в форме, предусмотренной ТурЦИКом (объединение кара-киргиз в отдельную административно-хозяйственную область), то на первом учредительном областном съезде Советов Горной области в лице комфракции съезда заявить, что практическое выделение Горной области целесообразнее осуществить тогда, когда во всем Семиречье будут ликвидированы пережитки племенной и родовой вражды, земреформа завершена и аппарат советской власти на местах упрочен настолько, что будет в силах обеспечить интересы бедноты и трудящихся;

б) констатировать факт, что в связи с избиркампанией к съезду Горной области кара-киргизское население охвачено волной внеклассового народно-освободительного движения, характеризующегося усилением манапско-байского влияния и возрождением борьбы за родовые интересы; в) для подготовки сознательного и самостоятельного мнения бедноты о выделении Горной области, немедленно командировать в г. Пишпек от облгоркома КП(б) комиссию в составе тт. Худайкулова, Подмосковного и Бидаикова; г) вопрос о т. Сыдыкове передать на рассмотрение комфракции съезда Советов Горной области”².

Таким образом, обком и облисполком ровно через два месяца после принятия ими решения об образовании Горной области резко меняют свои позиции и ставят такие предварительные условия, часть которых так и не была реализована даже через 80 лет. Хуже того, созданием комиссии Худайкулова “для подготовки сознательного и самостоятельного мнения бедноты”, как справедливо указывал Ю. Абдрахманов, “семиреченские руководители официально оформили и узаконили групповую борьбу среди киргизских работников”³.

¹ Там же, л. 65.

² ЦГА РК, ф. 21, оп. 6, д. 134, л. 65–66.

³ Там же, л. 71.

К моменту открытия съезда позицию семиреченских руководителей занимают и туркестанские, а объяснялось это не только тем, пишет Ю.Абдрахманов, что не была, как говорили тогда, подведена материальная база под выделяемую область, но и соображениями “группового порядка” – противостояния между отдельными руководящими казахскими работниками в Ташкенте¹. Ходжанов, Асфендияров и Тюрякулов, которые играли в то время решающую роль в политической жизни Туркестана, знали, что большинство кыргызских работников поддерживают их политического противника Т. Рыскулова. В случае выделения области именно они и окажутся на ключевых постах, а не сторонники Худайкулова².

Все это привело к тому, что съезд, созванный 4 июня 1922 г., с санкции самих туркестанских и семиреченских властей по указанию Сталина был распущен. Оставаясь на антиленинских позициях в понимании права наций на самоопределение как права самоопределения трудящихся масс, а не всей нации, Сталин усмотрел в пестром классовом составе делегатов учредительного съезда опасность возникновения буржуазно-националистического образования. Решающую роль в этом сыграла и групповая борьба делегатов, разделенных по родоплеменному принципу.

Факт роспуска съезда по прямому указанию самого Сталина предопределил характер оценки этого события как проявление буржуазного национализма и наложил своеобразное табу на последующие исследования вопроса с иных позиций.

В исторической литературе, в том числе и в таких обобщающих работах, как “Очерки истории Компартии Киргизии” (1979 г.), “История Киргизской ССР” (Т. 3, 1986 г.), попытке создания Горной области дается негативная оценка, а сам проект объявляется антинародным. При этом приводятся следующие доводы: будто бы по проекту область создавалась только на территории современного Северного Кыргызстана, о национально-государственном устройстве южных кыргызов проект якобы “умалчивал”; тем самым буржуазные националисты, защищавшие интересы баев и манაпов, якобы хотели увековечить искусственное разделение единой кыргызской народности, вели дело к срыву проводимой советской властью огромной работы по подготовке размежевания Средней Азии и созданию советских национальных образований на ее

¹ Там же.

² Там же, л. 71–72.

территории¹; инициаторами образования области якобы были бай-манапские элементы, имевшие целью завладеть областными партийными и советскими органами, приспособить их к потребностям эксплуататоров².

Объективный анализ архивных документов и даже простая логика порождают много вопросов по поводу состоятельности приведенных выше “доводов”. Вот некоторые из возникающих вопросов.

Каким образом проект, предусматривающий удовлетворение вековых чаяний ранее разрозненного кыргызского народа о создании своей советской национальной государственности, может стать “антинародным”?

Но как этот проект может “увековечить” искусственное разделение кыргызского народа, если предусматривает присоединение Южного Кыргызстана к Горной области после завершения борьбы с басмачеством?

На каком основании надо было отказывать отдельным представителям имущих классов в праве быть выразителями общенародных интересов в некоторых особенно важных для всего народа проблемах, какими являются, например, социально-политическая, экономическая самостоятельность, суверенное, тем более советское государственное образование, даже если они не вполне оформленные коммунисты, а всего лишь представители национально-демократического крыла революционного движения?

Думается, при оценке попытки создания государственного образования определяющим должно быть признание самостоятельной значимости национальных интересов, неподчиненности их конъюнктурным моментам, совпадение этого стремления с коренными интересами основной массы кыргызского народа, а также со стратегической линией революционных преобразований, общественного прогресса.

Если подходить к проблеме с этой позиции, то попытка создания Горной области в полной мере отвечала жизненным интересам кыргызского народа, в том числе и в первую очередь трудящихся. Образование автономной области открывало путь для консолидации народа, создавало важную предпосылку для

¹ История Кыргызской ССР. – Фрунзе, 1986. – Т. 3. – С. 323.

² Очерки истории Компартии Киргизии. – Фрунзе, 1979. – С. 131.

ускоренного решения неотложных и перспективных социально-экономических проблем. В то же время оно полностью совпадало с главным принципом национальной политики партии – о праве наций на самоопределение, законодательно закрепленном еще II Всероссийским съездом Советов в октябре 1917 г.

Но из-за групповой борьбы, давшей повод Сталину для проявления на практике своей позиции в вопросе о праве наций на самоопределение, исполнение естественного желания кыргызского народа на свое суверенное государственное образование было отложено на неопределенное время.

В апреле 1923 г. состоялся XII съезд РКП(б), который стал последним съездом партии, где отдельным вопросом обсуждалась и принималась резолюция по национальной политике. На нем был закреплен курс партии на самоопределение наций, ликвидацию их фактического неравенства. Это стало толчком для возобновления движения кыргызов за самостоятельную государственность.

В январе 1924 г. делегаты XII съезда Советов Туркестанской АССР из числа кара-киргизов (как тогда их называли) – Абаев, Баялинов из Нарынского уезда; Абдрахманов, Ачакеев, Тойчинов – из Каракольского; Айдарбеков, Садаев – из Пишпекского; Иманходжаев, Карабеков, Туленов, Умарбеков – из Ошского; Кулбосунов, Сарыбаев – из Андижанского; Ботбаев, Мамбеталиев, Саликов – из Наманганского; Абланов, Бабаджанов, Маймулов и Токбаев – из Аулие-Атинского уезда обращаются с докладной запиской в ЦК РКП(б) и Национальный Совет ЦИК СССР.

В записке указывается, что руководящему аппарату партии и государственной власти страны до сих пор остается неизвестным существование в Туркестане наряду с узбеками, таджиками и кайсак-кыргызами, еще одной нации – кара-кыргызов, численность которой достигает миллиона душ. Существование этой нации – реальность, которую не может отрицать ни один работник, мыслящий по-коммунистически¹.

В качестве основных причин “непризнанности” до сих пор кара-кыргызов авторы записки указали: во-первых, некоторое сходство в языке, однотипность образа жизни и хозяйствования (кочевое животноводство), в силу чего европейцы принимали и склонны дальше принимать кайсак-кыргызов и кара-киргизов за одну нацию;

¹ ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, д. 68, л. 71.

во-вторых, стремление некоторых руководящих работников Туркестана к слиянию их в “единую нацию”¹.

Отстаивая право кара-кыргызов на сохранение самобытности, они подчеркивали, что подчинение одной исторически существовавшей нации другой (внутри которых существовало коренное противоречие) из-за некоторого сходства языка и образа жизни является актом, противоречащим национальной политике партии и советской власти².

При этом авторы докладной записки попытались обратить внимание вышестоящих партийных и государственных инстанций на вопиющие негативные результаты “неизвестности” кыргызов. Во-первых, многие заселенные кыргызами регионы остаются вне влияния компартии и советской власти, ибо при конструировании даже уездных аппаратов государственной власти, не говоря уже об областных, не принимаются во внимание “национальные моменты”³. Во-вторых, в Туркестане задача повышения кара-кыргызской культуры еще никем – ни партией, ни советской властью – не ставилась. «Практическим доказательством этого служит то, что за время революции не выпущены не только журналы, брошюры, газеты, но даже не представлены странички в газетах для напечатания статьи на родном кара-кыргызском языке, в результате чего развитие национальной культуры осталось на “точке замерзания”, а если не будет обращено серьезное внимание, то эта культура окончательно и бесповоротно должна замереть. Это в эпоху пролетарской диктатуры и руководства политикой государства Коммунистической партией»⁴. В-третьих, отсутствует активное включение представителей кара-кыргызских трудящихся масс в партийно-государственную работу. “Это не объясняется тем, что из среды кара-киргиз нет члена партии, могущего быть членом ЦК, а потому, что кара-киргизская нация еще не признана самой партией как нация, что, по нашему [мнению], противоречит решениям самой партии”⁵.

Далее, описывая территорию, природные условия и хозяйственный потенциал Кыргызстана, авторы записки отмечали: “Мы считаем необходимым требовать от компартии следующее: 1)

¹ Там же, л. 72.

² Там же.

³ Там же, л. 73.

⁴ ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, д. 68, л. 74.

⁵ Там же, л. 74–75.

Признать кара-киргизский народ самостоятельной нацией наравне с другими национальностями (узбеками, туркменами, кайсак-киргизами).
2) Констатируя отсутствие представителей кара-киргизской трудящейся массы в руководящих органах партии и государственной власти в Туркестане, признать необходимым включение таковых в вышеуказанные органы, однако выдвигаемые товарищи должны выдвигаться по признакам социально-классовой принадлежности их.
3) Выделение из государственных сумм денег для культурно-просветительной работы среди кара-киргизских трудящихся на их родном языке, в первую очередь для отпечатывания учебников и других подготовленных материалов”¹.

Хотя авторы записки открыто не ставили вопроса о создании самостоятельной кыргызской области (еще была свежа память о попытке создания Горной области), главный замысел ясен. От достижения признания кыргызской нации партией и советской властью, очертания границ ее территории до самостоятельной области совсем недалеко. Кроме того, авторы указывали на то, что предлагаемые ими “меры необходимо провести срочно, во исполнение резолюции XII съезда РКП по национальному вопросу и постановления совещания ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей”², в которых право наций на самоопределение толковалось однозначно положительно.

Значение особого упора на признание нации станет понятнее, если учесть, что после разбора очередного скандала между руководящими работниками Туркестана Сталин, как свидетельствует Рахимбаев, приходит к окончательному решению: “Среднюю Азию нужно размежевать по национальным признакам, где каждая народность организуется в свою республику”³.

В качестве одной из подготовительных мер размежевания Исполнительного бюро ЦК Компартии Туркестана проводит 10 марта 1924 г. совещание членов и кандидатов в члены ЦК, членов Президиума ТурЦИКа и некоторой части руководящих работников края. На нем обсуждаются вопросы национального размежевания и дальнейшего государственного строительства Туркестана.

¹ Там же, л. 76–77.

² ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, д. 68, л. 77.

³ Там же, л. 7.

Доклад Рахимбаева на совещании и выступления участников не отличались глубоким анализом реалий жизни, знанием насущных интересов и потребностей наций и народностей региона и даже логичностью рассуждения. Тем не менее материалы совещания имеют большое значение в смысле выяснения позиций и мнений работников высшего эшелона власти Туркестана о причинах, целях и задачах национального размежевания.

Так, Рахимбаев отметил, что вопрос о национальном размежевании раньше не возникал “потому, что мы чувствовали себя коммунистами – гражданами Советской республики”¹. В последующем, по мнению докладчика, начинают возникать “всякие ненормальности”, открытые и скрытые “трения” по вопросам удовлетворения культурно-образовательных нужд той или иной нации, участия представителей наций в структурах партийной и государственной власти, из-за сепаратистских устремлений кыргызских (казахских) и туркменских работников². Вся аргументация докладчика в пользу национального размежевания свелась к тому, что если узбекский бедняк будет бороться с узбекским кулаком, туркменский бедняк – с туркменским, кыргызский – с кыргызским, то классовая борьба не будет затушевываться национальными моментами; кроме того, национальное размежевание, как показала 7-летняя практика – единственное средство укрепления советской власти на местах³. В заключение он предложил свой вариант размежевания: организовать самостоятельную Узбекскую республику, Туркменскую республику, Киргизскую (Казахскую) республику, состоящую из Семиреченской и Сырдарьинской областей, но не входящую в большую Киргизскую республику (Казахскую АССР), чтобы не получилось слишком большой территории у последней⁴; в целях экономии средств не создавать федерацию и федеральных органов этих республик; сохранить лишь экономическое и политическое единство Средней Азии через власть Средазбюро ЦК РКП(б) и Среднеазиатский экономический совет⁵. В докладе ничего не было сказано о судьбе кара-кыргызов, таджиков и кара-калпаков. Только из ответов Рахимбаева на вопросы из зала стало ясно, что кара-кыргызы

¹ Там же, л. 3.

² Там же, л. 3–5.

³ ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, д. 68, л. 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 9.

Ферганской области объединяются с семиреченскими и организуют автономную область в составе Киргизской (Казахской) республики¹.

Выступивший в прениях Красновский заявил, что вопрос о кара-кыргызах в свое время достаточно обсуждался, был представлен проект Горной области, при этом кыргызы Ферганской области должны были присоединиться к нынешней Джетысуйской области. Однако их нельзя присоединять, так как никаких экономических связей, кроме обмена скотом, между ними нет, поскольку сообщение кыргызов Ферганской области с Джетысуйской областью с ноября до марта совершенно невозможно, а в остальные месяцы можно сообщаться только посредством перехода по узким тропам, по которым можно перегонять скот, но нельзя перевозить другие продукты².

Следующий оратор – Ходжанов – был еще более откровенен. Суть его выступления сводилась к тому, что нельзя дробить сложившуюся экономическую целостность Туркестана, обещать на словах кара-кыргызам избавление от узбекского засилия, ибо они сами по экономическим причинам “лезут” в это самое засилие. Выделение кара-кыргызов из Ферганской области, которым нужна, по мнению оратора, не автономия, а школы, является “ерундой”. Остановившись на недовольстве кыргызов, в стиле ханских вельмож он предложил, “проанализировать, почему дураки-кыргызы недовольны?... разве узбеки виноваты в том, что их не одурачивают кыргызы так же, как узбеки – их”³. Выступивший следующим Асфендияров также заявил, что кара-кыргызов отделять от Ферганы нельзя⁴.

Из 12 выступивших на совещании лишь И.Арабаев выразил недовольство тем, что кыргызам (кара-кыргызам), интересы которых ущемляются больше всех, не предоставлено право на образование самостоятельной республики, хотя они многочисленны и резко отличаются от казахов (кайсак-кыргызов). Не согласившись с утверждением об отсутствии экономических связей ферганских и джетысуйских кыргызов, он предложил вопрос об их автономной области решать независимо от того, войдет ли Джетысуйская область в состав Киргизской (Казахской) АССР или останется в составе Туркестана. При этом И. Арабаев требовал предоставить

¹ Там же, л. 11.

² Там же, л. 15.

³ ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, л. 68, л. 25–26.

⁴ Там же, л. 27.

право самому кыргызскому народу решить вопрос о присоединении к Туркестану, Кыргызской (Казахской) АССР или к РСФСР¹.

Совещание пришло к выводу о необходимости создания Узбекской республики (с автономией (областью) для таджиков) и Туркменской республики, о передаче кыргызских областей и районов Туркестана в состав Кыргызской (Казахской) АССР с обеспечением в ее пределах автономии для кара-кыргызов².

28 апреля 1924 г. Средазбюро ЦК РКП(б) принимает постановление о целесообразности размежевания среднеазиатских республик по национально-территориальному признаку. Образуются временные (Узбекская, Туркменская, Кыргызская, Казахская и Таджикская) территориальные комиссии. 12 июня подписывается постановление ЦК РКП(б) “О национально-государственном размежевании республик Средней Азии”. 14 октября II сессией ВЦИК Советов утверждается постановление ЦИК Туркестанской АССР о национальном размежевании республик. В тот же день принимается постановление ВЦИК об образовании Кара-Кыргызской автономной области в составе РСФСР. Спустя почти 3 года после первой неудачной попытки образования Горной области, 27–30 марта 1925 г. состоялся I Учредительный съезд Советов Кара-Кыргызской автономной области, законодательно закрепивший образование кыргызской государственности на советских началах.

Кыргызстан, прошедший в своем национально-государственном строительстве путь от автономной области в составе РСФСР до союзной республики, как и другие советские республики, в полной мере испытал плоды самовластия “отца всех народов”, деформаций изначальных принципов решения национального вопроса. Каждый новый шаг на этом пути провозглашенного равноправия и свободного самоопределения давался ценой нележкой, а порой трагической борьбы, о которой, провозгласив лозунг полной решенности национальных проблем, многие годы старались не говорить.

“Решались” же эти проблемы почти сразу после смерти В.И. Ленина далеко не демократическими, а силовыми методами. Уже в 20-е годы, когда действовала Конституция 1924 г. (кстати, заметим, более демократичная, чем Конституция 1977 г.), в определении перечня законов, тех, которые вправе принимать Союз и которые представляют прерогативу составляющих его республик,

¹ Там же, л. 31–32.

² Там же, л. 52–53.

все более определенно проявились проблемы, касавшиеся взаимоотношений союзных, автономных республик, других национальных образований и центра.

Поиск конкретных путей их урегулирования обусловил создание Центральным Комитетом партии сразу же после XIII съезда РКП(б) специальной комиссии, известной как Комиссия Калинина. Она должна была подготовить предложения по дальнейшему совершенствованию конституционных норм, регулирующих взаимоотношений автономий с центром, а также законодательно закрепить их права. И так как работа комиссии затягивалась, по инициативе Отдела национальностей при Президиуме ВЦИК и по просьбе представителей автономных образований в ноябре 1926 г. во время III сессии ВЦИК было созвано совещание представителей национальных образований.

Намереваясь помочь Комиссии под председательством М.И. Калинина ускорить работу, участники совещания, на котором интересы Кыргызстана представляли Ю. Абдрахманов и А. Орозбеков, обсудили вопросы советского строительства (построение местной власти, коренизация аппарата, язык, школа, суд), хозяйственного (развитие промышленности, создание местных пролетарских кадров, кооперация, земельный вопрос), а также партийного строительства, в том числе и вопрос о расширении компетенции местных партийных органов.

Участники совещания исходили из того, что политические противоречия между нациями внутри Союза преодолены, а противоречия в сфере культуры и особенно народного хозяйства только еще складываются и оформляются, но проявляются достаточно остро. Они были единодушны в оценке роли Отдела национальностей при Президиуме ВЦИК как органа, “удельный вес которого как в работе ВЦИКа, так и наркоматов, очень незначителен”, и предложили создать государственный орган, который бы в повседневной работе защищал интересы национальных автономий от усиливающегося давления центральных ведомств. В частности, Ю. Абдрахманов настаивал на расширении правовых полномочий национальных республик и автономий, а также на созыве очередного полномочного совещания в ЦК ВКП(б) по проблемам национальной политики, на котором следовало бы подвести предварительные итоги осуществления решений XII съезда партии, так как все более усиливались унитаристские тенденции и “каждое здоровое предложение национальных работников

рассматривается как выражение местного национализма в грубейшей форме”¹.

Совещание представителей национальных образований просило пополнить Комиссию Калинина работниками из республик, предлагало включить в повестку ее работы рассмотрение вопроса о национальных меньшинствах, не объединенных в автономные единицы, а также восстановить издание газеты “Жизнь национальностей”.

Сегодня совершенно ясно, что поддержка и внимательное рассмотрение предложений участников совещания содействовали бы решению многих вопросов, которые в последующем в итоге стали причиной распада СССР. Вместо этого совещание было объявлено “частным”, неофициальным, а его предложения оставлены без внимания.

Сам факт участия Ю. Абдрахманова в совещании и смысл его выступления обсуждался на заседании Исполбюро Киробкома партии. Видимо, этим и подобными “силовыми давлениями” вызвана горькая фраза в его “Дневнике” о том, что провозглашенное равенство, как подтверждает жизнь, не дается без борьбы. И он продолжал борьбу.

Председатель СНК Киргизской автономной республики Ю. Абдрахманов дважды – в 1928 и 1930 гг. – обращался к Сталину по поводу устранения трудностей социально-экономического развития республики, созданных ее “тройным подчинением”.

«С точки зрения конституционно-правовой, – писал он, – мы являемся составной частью РСФСР и, казалось бы, это должно предопределить наши взаимоотношения с органами РСФСР по части обеспечения бесперебойно-правильного руководства Правительством РСФСР нашим культурно-хозяйственным развитием.

Но то обстоятельство, что Кирг. АССР по характеру своей экономики и географическому положению является неразрывной частью экономической единицы – Средней Азии, на практике привело к тому, что мы очутились в положении тройного “подданства”, тройной подчиненности: правительству РСФСР, с одной стороны, органам Средней Азии (Средазбюро ЦК ВКП(б), СредазЭКОСО, Средазводхоз, Уполнаркомторга, Уполнарком РКИ, Уполнаркомпочтель Союза и т.д.) – с другой стороны, СССР – с третьей. Эта тройственная подчиненность республики, как показал

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 66, л. 35.

опыт работы, влияет самым отрицательным образом при разрешении хозяйственно-культурных задач Киргизии, следовательно, является тормозящим элементом. С организацией союзного Наркомзема, вероятно, последует назначение его уполномоченного в Средней Азии, таким образом, Киргизия в отношении планирования ее сельского хозяйства как неразрывная часть Средней Азии явится подчиненной Наркомзему Союза, ввиду чего отпадает последняя связь Киргизии с РСФСР в отношении хозяйственного руководства последней».

Несостоятельность тройной системы планирования при последовательном ослаблении и снижении роли федерального органа руководства была очевидной. Все три планирующих и регулирующих органа (СССР, РСФСР и среднеазиатские) полагали, что реализация намеченных мероприятий в республике должна идти по линии иного соподчинения, «кивая друг на друга». ЭКОСО Средней Азии, устанавливая хозяйственный план по Кыргызстану на год, полагал, что реализация его будет осуществлена главным образом по линии Союза, который регламентирует мероприятия по хозплану республики при рассмотрении плана Средней Азии. Подведение же материальной базы под этот план относилось к функциям РСФСР, а последняя, занимаясь планированием республики, входящей в ее состав, и не осведомленная об общем построении хозплана Средней Азии, планировала со своей «РСФСРовской» точки зрения. «При этом мы имели, и будем иметь, – писал Абдрахманов, – руководящие указания от других центров (Москва, Ташкент), взаимно исключаящие друг друга»¹.

Помимо того, что такое многоступенчатое управление затрудняло работу партийных и советских органов Кыргызстана, оно снижало темпы работы по быстрой ликвидации фактического неравенства, вело к искривлению национальной политики партии в практической работе.

Ю. Абдрахманов, как и другие государственные деятели Средней Азии, один из выходов из создавшегося положения видел в образовании Среднеазиатской федерации, куда Кыргызстан вошел бы на равных правах. Но решение поднятого в правительственных органах в 20-е годы вопроса о федерации было отложено на неопределенный срок. И как считал Ю. Абдрахманов, оставалось «другое решение вопроса, а именно, преобразование Киргизской АССР в союзную республику».

¹ *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма Сталину. – С. 212.

21 апреля 1930 г. Ю. Абдрахманов из Москвы, где находился в командировке, направил членам бюро Киргизского обкома ВКП(б) Кулькову, Токбаеву и Садаеву копию второго письма Сталину. «Материалы, имеющиеся в вашем распоряжении (посланные нами), – пишет он, – по-моему, достаточны, чтобы бюро обкома вынесло решение о необходимости преобразования Киргизии в союзную республику и возбудило об этом ходатайство перед Средазбюро и Политбюро ЦК ВКП(б).

Было бы очень желательно, если бы вы приняли решение и заручились постановлением Средазбюро ЦК ВКП(б) до 16-го партийного съезда, чтобы во время съезда наша делегация смогла поставить этот вопрос перед ЦК в официальном порядке от имени партийной организации”¹.

Никаких мер по существу поднятых руководством республики вопросов принято не было.

Воистину история поднимается, повторяясь, по спирали прогресса, несмотря на зигзаги и попятные движения. Если в условиях ограниченной автономии стоял вопрос о расширении прав и полномочий республики через повышение статуса республики и создание Среднеазиатско-Казахстанской федерации равноправных республик, то сегодня, в условиях нынешнего суверенитета, задача состоит в достижении реальной самостоятельности путем укрепления связей и сотрудничества, в первую очередь с ближайшими соседями – Россией, Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Китаем.

2. Территориальное разграничение и районирование Кыргызстана

Территории, занимаемые народами Средней Азии, находившимися до Октябрьской революции на положении колониальной зависимости сначала от Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств, а затем и царского самодержавия, не имели четко сложившихся и документально зафиксированных границ. Многие из этих народов вели кочевой образ жизни, перемещаясь с одного места на другое и располагаясь вперемежку с оседлым населением.

В ходе национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924–1925 гг. границы устанавливались высшими

¹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма Сталину. – С. 76.

законодательными органами – ВЦИК РСФСР и ЦИК СССР и, как правило, условно и недостаточно точно. В результате, как показывают архивные документы, процесс определения границ для разных народов оказался “неравноценным”: для одних (например, казахов и узбеков) он был достаточно благоприятным, другим, в том числе кыргызам, пришлось преодолеть немалые трудности, чтобы собрать в национально-государственном образовании хотя бы основную часть этноса.

Подготовкой и проведением национально-государственного размежевания занималась Среднеазиатская комиссия по районированию, созданная 13 июня 1924 г. Руководство ею было возложено на представителя Совета Труда и Оборона (СТО) в Ташкенте Шелехеса. Материалы, подготовленные этой комиссией, сначала рассматривались Ликвидационным комитетом (Ликвидкомом), задача которого состояла в распределении госимущества предприятий и организаций, состоящих на государственном бюджете¹. В Ликвидком сначала входили представители Узбекистана, Кыргызстана и Туркмении, а позже – представители таджикского, кара-калпакского и казахского народов.

Материалы, подготовленные Комиссией по районированию и рассмотренные Ликвидкомом, направлялись в высшие законодательные органы для окончательного узаконения.

В работе комиссии и Ликвидкома тон задавали представители Узбекистана, представлявшие более многочисленный и ранее имевший свою государственность народ. Значительную роль в этом сыграл и тот факт, что Ташкент одновременно являлся столицей ликвидируемой Туркестанской АССР и здесь находились все представительные-уполномоченные органы центральной власти в Средней Азии и были сосредоточены соответствующие кадры руководящих органов.

В силу этих причин в основу принципов разграничения территории были положены предложения, подготовленные партийным бюро Узбекской ССР (будущим ЦК КП(б) Узбекистана). Среди работников уполномоченных органов центра (Средазбюро ЦК РКП(б), СТО), призванных выражать интересы не только центра, но и народов всего региона, преобладало отношение к разграничению границ новых государственных образований, не как к процессу, определяющему дальнейшие судьбы народов, а как к процессу административно-территориального районирования региона единой

¹ ЦГА ОриР, ф. 3316, оп. 18, д. 238, л. 156.

страны с целью облегчения политико-экономического управления Средней Азией. Сказывалось влияние гипертрофированно и в безнациональном выражении понятой идеи интернационализма и условности границ государств трудящихся.

Поэтому принципы разграничения территорий, выдвинутые Узбекским бюро, несмотря на то, что их никак нельзя было считать бесспорными, принимались на том этапе размежевания всеми высшими инстанциями. И с ними, безусловно, вынуждены были считаться и представители национальностей, стремившихся к своей государственности, хотя бы и в урезанном виде.

Принципы, на основе которых устанавливались границы, в целом были справедливыми, но их было много, и они имели противоречивые и взаимоисключающие моменты, которые давали основания для принятия какого угодно решения, в зависимости от политических, экономических и других конъюнктурных соображений. Так и было на практике, что вызывало множество недовольств, взаимных претензий, разбирательств в 1925–1930 гг., в период, когда была еще какая-то возможность отстаивать интересы своей республики, нации. В последующем эти противоречия были загнаны внутрь, но они вновь “всплыли” в период борьбы с последствиями культа личности. И если в 50–80-е годы в условиях единого унитарного государства взаимные территориальные претензии между республиками решались политическими методами при посредничестве центра, то в нынешних условиях полной суверенности каждой республики, можно ожидать какого угодно поворота.

Не только в научном, но и практическом плане, на случай попыток ревизии сложившихся границ, исключительно важно выяснение сущности главных принципов территориального размежевания государственных образований.

В чем же суть этих принципов и каковы последствия их применения для Кыргызстана?

1. *Принцип определения границы по национальному признаку.* Подход общепринятый и в целом справедливый. Но в условиях Средней Азии тех лет применение данного принципа требовало глубокого учета специфики образа жизни кочевых народов: туркменов, казахов, кыргызов, кыпчаков и т.д., которые, составляя подавляющее большинство населения местности в одно время года, оказывались меньшинством, среди оседлых, – в другое.

Необходимо было учитывать и последствия долговременной, непрекращающейся до сих пор ассимиляционной политики, которая берет свое начало еще со времен владычества в регионе Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств. В результате этой политики еще в дооктябрьский период многие таджики, кыргызы, не говоря о тюрках, кыпчаках, уйгурах и т.д., насильственно учитывались как узбеки. В подготовленной уже в советское время Узбекским партийным бюро докладной записке “Основные принципы проекта организации Узбекской республики” говорилось: “а) Узбекская республика должна включать себя таджиков и те народы Бухары и Хорезма, которые говорят по-узбекски и считают себя родственными узбекам, а именно: узбеков, кураминцев, кашкарлыков (так называемых кашгарских сартов. – Д.Д.), тюрков, кара-калпаков и кыпчаков...”¹.

О масштабе и последствиях ассимиляционной политики досоветского периода судить трудно из-за отсутствия демографических данных, но имеются сопоставительные данные за 65 лет, прошедших после национально-государственного размежевания. Так, если кыргызское население Узбекистана со 112 тыс. человек в 1925 г. увеличилось лишь до 230 тыс. в 1989 г. (на 205%), то узбекское население Кыргызстана за этот же период возросло с 94 тыс. почти до 600 тыс. (638%).

Однако в ходе национально-государственного размежевания эти моменты учитывались не всегда. И потому после размежевания каждый пятый кыргыз оказался вне пределов Кыргызстана.

II. *Принцип фактического пользования местностью на момент размежевания.* Как видно из документов национально-государственного размежевания вначале и решения многочисленных земельных споров в последующем, главным и решающим признаком фактического землепользования считалось лишь оседлое орошаемое земледелие. В связи с этим в первую очередь пострадали территориальные интересы кочевых и полукочевых народов. Уже в советское время в правовом плане узаконивались последствия колониальной политики бухаро-кокандского и царского режимов, в результате которой кочевые народы, в том числе и кыргызы были насильственно отчуждены от плодородных, пригодных для обработки территорий.

III. *Принцип экономической целесообразности.* Больше всего пострадали интересы Кыргызстана в реализации данного принципа.

¹ ЦГА РК, ф. 20, оп. 1, д. 11, л. 179.

Это наиболее отчетливо видно из решений паритетных комиссий Петровского, Белобородова и Кульбешерова, созданных ЦИК СССР в 1925–1926 гг. для решения спорных территориальных вопросов в Средней Азии.

Отмечая вопиющую несправедливость в решениях Среднеазиатского ликвидкома по установлению границ по решению подкомиссии по уточнению границ Комиссии по районированию Кара-Киргизской автономной области от 10 и 11 апреля 1925 г., Кыргызстан предъявил претензии на Бакса-Сибиргеновскую, Исфанейскую, Чапкулуцкую, Ханабадскую волости полностью по национальному признаку; по тому же признаку – частично на Курган-Тепинскую, Кара-Суйскую, Чемионскую, Манякскую, Булак-Башинскую, Мархаматскую волости, угольные копи Сулюкты, на урочища Уртукай, Бетегелуу-Койташ, Аксай, Каланташ, Джалал-Тюбе, Улар-Ойнон, Кочкор-Ата, Мук-Су; по соображениям экономической целесообразности – на железнодорожные станции Уч-Курган и Кара-Су, на селения Варзык, Вуадиль, Чимион, Заркент¹.

Однако высокие комиссии из экономических соображений оставили в Узбекистане исконно кыргызские территории.

а) Урочище Бетегелуу-Койташ в верховьях р. Ангрэн, использовавшееся кыргызами как зимнее пастбище. По тысячелетним традициям всех кочевых народов, признающих основным местом жительства кочевников их зимовья, урочище принадлежало кыргызам. Но комиссии оставили его в составе Узбекистана. Мотивы: по справке Ташентского областного земотдела пастбище используется не только кыргызами, но также казахами и узбеками; опасение Среднеазиатского управления водным хозяйством о возможном осложнении управления водным хозяйством в бассейне реки Ангрэн при передаче урочища Кыргызстану².

б) Урочище Уртукай. Оно было оставлено в пределах Узбекистана по той же причине, что и урочище Бетегелуу-Койташ. Правда, была восстановлена справедливость в отношении урочищ Аксай, Каланташ, Джалал-Тюбе, Улар-Ойнон, Кочкор-Ата, не имевших особого значения в ирригационном отношении³.

¹ ЦГА ОриР, ф. 3316, оп. 18, д. 241, л. 241 об.

² ЦГА РК, ф. 1246, оп. 1, д. 142, л. 42–43.

³ Там же, л. 45–46.

в) Не смотря на просьбы жителей Ханабадской волости Джалал-Абадского округа и правительства Кыргызстана (47,9% население волости составляли кыргызы, 36,5% – узбеки, 10,9% – уйгуры¹), две трети волости были оставлены в Узбекистане из-за того, что на этой территории находился водораспределитель Кампыр-Рабадской оросительной системы с двумя важнейшими для хлопководства оросительными каналами: Андижан-Сай, Шаарихан-Сай².

г) Была отклонена и претензия Кыргызстана на населенные кыргызами части Аимской, Кара-Суйской, Чимионской, Курган-Тепинской, Джалал-Кудукской волостей, поскольку, как было заявлено, “нерационально было бы в верхней части таких важнейших для хлопкового хозяйства Союза оросительных каналов, как Андижан-Сай, Шаарихан-Сай территории, отдавать Киргизской области” только потому, что киргизское население этого района исчисляется крупными цифрами – почти 24789 чел. За Кыргызстаном была оставлена лишь правобережная часть Аимской волости. Во всех остальных волостях выделять кыргызские селения не сочли возможным, “чтобы не дробить экономически важнейший хлопковый район”³.

д) Не были приняты во внимание и доводы правительства Кыргызстана по поводу претензий на Манякскую волость Андижанского уезда, хотя селения Куюк-Мазар и Айдар были чисто кыргызскими, а Манякское – со смешанным составом жителей. Из этой волости к Кыргызстану было присоединено лишь селение Ардайское, пограничное с Кыргызстаном. Причина отказа – нельзя разрушать “экономически компактный хлопковый район”⁴.

е) Действие принципа экономической целесообразности, точнее – “прохлопковая” ориентация центра, особенно четко прослеживается в решении вопроса о Мархаматской зоне.

Комиссия Петровского признала, что из 30-тысячного населения Мархаматской волости лишь 6110 человек – узбеки, остальные кыргызы, таджики, тюрки и тем не менее 5 селений этой волости из 9 решила передать Узбекистану, поскольку они связаны с источниками орошения, которые питаются водой из Араван-Сая, орошающего узбекские земли. Два чисто кыргызских села

¹ ЦГА ОриР, ф. 3316, оп. 18, д. 241, л. 12.

² ЦГА РК, ф. 1246, оп. 1, д. 142, л. 46–48.

³ Там же, л. 48–50.

⁴ Там же, л. 52–53.

(Мангытское, Тулекенское) были оставлены в составе Кыргызстана. Но совсем невероятным было решение в отношении двух других селений: Дунганского (преимущественно с узбекским населением) и Кулхатурского (преимущественно с кыргызским населением), примыкающих по источникам орошения к Мархаматской волости. Комиссия пришла к выводу: судьбу этих селений решать после рассмотрения претензий Кыргызстана на Мархаматскую волость, в которой оказались два кыргызских сельских общества – Кучинское и Туя-Муюнское.

Комиссия постановила: присоединить к Кыргызстану Туя-Муюнское общество, а Кучинское оставить в Узбекистане как находящееся внутри узбекских земель. При этом была проигнорирована просьба не только 2374 жителей сельского общества Кучинское, но и 3964 жителей Карабагышского общества Мархаматской волости, которые и “отделяли” селение Кучинское от Кыргызстана¹, но коллективно просили присоединить их к Кыргызстану¹.

После того, как “справедливо” – в интересах хлопководства – была решена судьба кыргызских сельских обществ Мархаматской волости в пользу Узбекистана, Комиссия решила передать ему же селения Дунганское и Кулхатурское Араванской волости как тесно связанные с одной ирригационной системой Мархаматской волости².

ж) Хотя всем и всегда было ясно, что копи Сулюкты находятся на территории Кыргызстана и на них работают в основном кыргызы, из-за опасения, что КАО может закрыть шахты вместо модернизации их, долго не решался вопрос о передаче их Кыргызстану³.

Как видно из приведенных выше фактов и других многочисленных материалов территориального разграничения республик, решения спорных вопросов и уточнения границ, принцип экономической целесообразности почти всегда был не в пользу Кыргызстана.

IV. Принцип недопущения чрезмерных чересполосиц, кривых линий в границах и вкраплений в чужие территории. Принцип приемлемый, особенно целесообразный в плане облегчения управления. Однако, как показывают материалы тех лет и нынешняя

¹ ЦГА ОРР, ф. 3316, оп. 19, д. 317, л. 1–1 об.

² ЦГА РК, ф. 1246, оп. 1, д. 142, л. 55–57.

³ Там же, л. 62–63.

реальность, которая сложилась в результате ранее принятых решений, принцип этот в жизнь проводился однобоко и в ущерб интересам Кыргызстана и кыргызов. Ни одна республика Средней Азии, кроме Кыргызстана ныне не имеет внутри чужих территорий, хотя регионы компактного проживания кыргызов имелись и имеются и в Узбекистане (в Бухарской, Джизакской, Ташкентской, Наманганской, Андижанской, Ферганской областях), и в Таджикистане (Мургабский, Джергетальский районы). В интересах “хлопководства и недопущения чрезмерных кривых линий и вкраплений” только в Карасуйской, Чимионской, Курган-Тепинской, Джалал-Кудукской волостях Андижанского уезда были оставлены более 30 тыс. кыргызов и кыпчаков, составлявших почти половину 73,6-тысячного населения региона.

V. Принцип условности границ национальных государственных образований, согласно которой земли фактически не принадлежали нациям и даже их государственным образованиям, а были общенародной собственностью единой неделимой страны – СССР. На правах полноправного хозяина землей распоряжалось союзное правительство, исходя из политических, военно-стратегических и хозяйственных соображений, население республик было поставлено в положение лишь землепользователей. Союзное правительство в лице Наркомата (позднее Министерства) сельского хозяйства своим приказом могло передать в вечное или долгосрочное пользование обширнейшие территории одной республики другой.

Так, в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б), признавшим целесообразность неделимости высокогорного Памира, Мургабский район в нарушение всех других принципов (национального признака, экономической целесообразности, фактического землепользования, недопущения чересполосиц и вкраплений в чужие территории) оказался в составе Таджикистана¹.

Итак, на основе изучения архивных документов можно резюмировать следующее.

1. Границы между Кыргызстаном и его соседями были установлены волевым административным способом. Полномочный орган центральной законодательной власти – ЦИК СССР – при этом исходил не столько из национально-территориальных интересов суверенных народов, сколько из унитарных интересов СССР, в частности, из стремления любой ценой и в кратчайший срок

¹ ЦГА ОРиР, ф. 3316, оп. 17, д. 330, л. 1.

значительно величить производство хлопка, возделывание которого было лучше всего освоено в те годы населением долинной зоны (узбеками и таджиками), имевшим давние традиции орошаемого земледелия. Кыргызам же отводились предгорные и горные зоны Ферганской долины как более соответствующие их основной деятельности – животноводству.

2. Не было соблюдено обязательное требование к установлению не только постоянных, но и временных границ (сказывался принцип их условности): не проводилось обследование и четкое описание границ на месте, пограничная линия устанавливалась по картам разной степени достоверности, а также описаниям, сделанным в разные годы, в том числе Переселенческим управлением. Такое формальное отношение к проведению границ приводило к казусам. Например, уже в 30-е годы Всесоюзное картографическое управление официально признало свою ошибку в нанесении на карту границ Ленинадской области Таджикистана с Кыргызстаном: в Ленинадскую область были включены значительные территории Кыргызстана, вошедшие в его состав еще по решению Средазликвидкома. Это ошибочное начертание границы до сих пор используется таджикской стороной в качестве аргумента в своих претензиях к Кыргызстану.

3. Категоричные заключения комиссией Петровского, Белобородова, Кульбешерова (20-е годы), многочисленных паритетных комиссий Таджикистана и Кыргызстана (50–80-годы) о необходимости уточнения и утверждения кыргызско-таджикской и кыргызско-узбекской границ на местности выполнены не были.

В результате национально-государственного размежевания в состав вновь образованной Узбекской ССР вошло 82,6% всех узбеков, проживавших на территории СССР (72,4% населения республики); в состав Туркменской ССР – 94,2% туркмен (71,9% населения республики); Таджикской АССР – 75,2% таджиков (71,2% населения республики); Киргизской автономной области – 86,7% кыргызов (66,2% населения области); Каракалпакской автономной области – 79,3% каракалпаков (38,1% населения области). В Казахскую АССР вошло 94% казахов, проживавших в СССР и составлявших 53,4% населения республики.

Хотя ныне ставится под сомнение правильность некоторых моментов территориального размежевания Средней Азии в 1924 г., справедливости ради, следует отметить, что вряд ли возможно было в то время достижение еще большей однородности национального

состава вновь образуемых государственных образований в регионе, где представители различных наций и народностей издревле жили смешанными общностями, а значительная часть их были кочевниками.

Самое важное – впервые кыргызы и их исконные территории, ранее разделенные административными барьерами, в основном воссоединились в рамках самостоятельного государственного образования. Это открыло большие перспективы для социально-экономических преобразований, поставило заслон ассимиляции кыргызов более многочисленными соседями, способствовало оформлению у них устойчивой территориальной, экономической, культурной общности, всех процессов консолидации народа в нацию.

Не менее сложной оказалась проблема правильного районирования территории ККАО. Необходимость пересмотра ее административного деления диктовалась не только устарелостью структурного строения вновь созданной области из отдельных частей трех бывших областей, но и потребностям дальнейшего развития производительных сил с оптимальным использованием людских ресурсов, природных богатств и условий, приближения органов государственной власти к населению с учетом его национального и родоплеменного состава.

Первоначальный проект Туркестанской комиссии по районированию, предусматривавший деление области на два округа – Пишпекский и Джалал-Абадский, оказался недостаточно обоснованным. В основу проекта были положены материалы поволостных таблиц переписей 1917 и 1920 гг. и таблицы предварительных итогов переписи 1917 г. по Джетысуйской области и принимались во внимание лишь следующие признаки: общее направление хозяйства, орошенность, направление земледелия, полеводства и скотоводства.

Поэтому президиум только что образованного Революционного комитета КАО под председательством Иманалы Айдарбекова на своем первом же заседании 15 ноября 1924 г. создает комиссию по районированию области (в нее вошли Янгулатов, Тойчинов, Малышев и Дублицкий) и принимает специальное решение об уточнении границ и издании карты Кыргызстана².

¹ ЦГА ОРиР, ф. 6984, оп. 1, д. 204, л. 3–24.

² ЦГА РК, ф. 1246, оп. 1, д. 687, л. 1–1 об.

Главной задачей комиссии по районированию области было “выявить с достаточной ясностью внешние границы и связать эти разрозненные куски б. областей и уездов в новые самостоятельные и жизнеспособные единицы, согласно принятым принципам административно-территориального деления”¹.

Ревком КАО 3 декабря 1924 г. по предложению названной комиссии временно устанавливает административную структуру области: в составе КАО 4 округа – Пишпекский, с 21 волостью и центром в Токмаке; Каракольский – с 16 волостями и временным центром в Караколе; Джалал-Абадский – с 19 волостями; Ошский – с 20 волостями².

При этом районирование по-новому не затронуло низовую структуру, ибо “о немедленном проведении нового внутриокружного деления на районные (укрупненные) волости и о создании параллельно с этим новой сети сельсоветов, нечего было и думать, так как без серьезного изучения всех фактов, так или иначе влияющих на процесс районирования в условиях местной действительности, нельзя было подойти безукоризненно к верным комбинациям в объединенных волостных и сельских единицах, ...что несомненно могло бы привести к развалу низового административного, хозяйственного аппарата”³. Комиссия по районированию резонно считала, что острая необходимость в немедленном проведении коренного переустройства сети низовых объединений отсутствует, поскольку при национальном размежевании мелкие административно-хозяйственные единицы (сельские общества, волости), за редким исключением, не подвергались раздроблению. Это позволило правительству КАО и Комиссии по районированию, не форсируя чрезмерно темп, подойти к решению важного вопроса более обстоятельно с учетом специфических особенностей Кыргызстана⁴.

Хотя в основу первого проекта административного деления области были положены принципы и материалы по районированию бывшей Туркестанской республики, Комиссия по районированию Кыргызстана, к ее чести, своевременно поняла, что Комиссия по районированию при ТЭС, придав сугубое значение экономическим признакам, недостаточно учла национальные, особенно родовые

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 49, л. 69.

² ЦГА ПД РК, ф. 14, оп. 14, д. 227, л. 78.

³ Там же.

⁴ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 49, л. 69–70.

признаки, “которые несомненно в некоторых случаях, благодаря специфическим особенностям типа и бытового уклада среднеазиатских народностей, должны доминировать в общей массе иных факторов, обуславливающих те или иные изменения в системе административно-территориальных объединений”¹. Кроме того, Комиссия по районированию КАО обнаружила, что ход событий последних лет “столь резко изменил хозяйственно-экономическую физиономию отдельных районов и даже местами создал национальные и родовые перегруппировки, что статистические материалы, коими пользовались в своих работах Комиссия по районированию ТЭСа, уже потеряли свою первоначальную ценность”².

Комиссия совершенно правильно поступила, решив, что “в целях достижения наивысшей жизнедеятельности районов”, проект “должен быть дан на обсуждение населения и согласован с его мнением”³.

Но в то же время, главную цель районирования – создание административно-хозяйственной структуры области, части которой “представляли бы максимум удобства в административном управлении” и в то же время являлись бы самостоятельными хозяйственными единицами, обладающими достаточными ресурсами для развития народного хозяйства, Комиссия оставила неизменной и в основу районирования положила следующие принципы:

1. В земледельческих местностях, где основа хозяйствования зависит от наличия поливной воды и правильного ее распределения, стремиться к тому, чтобы оросительные магистрали без дробления входили в состав одной волости.

2. В скотоводческих местностях, где благополучие развития животноводства стоит в непосредственной зависимости от целесообразного использования пастбищных условий, районные волости проектировать таким образом, чтобы земли общего пользования и пути кочевания на них были в нераздельном пользовании одной волости.

3. Учет национального состава населения местности и создание территориально-административных единиц национальных меньшинств.

¹ Там же.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 49, л. 71.

³ Там же.

4. Учет общественно-исторических условий и особенностей, путей сообщения, торговых связей, национально-бытовых условий и родовых группировок населения местности¹.

Исходя из названных выше задач и принципов районирования, Комиссия с конца 1924 до середины 1925 г. проводила свою работу по четырем важным направлениям.

а) Уточнение границ области в натуре и подробное их описание, выявление спорных участков территории КАО, на которые претендуют соседние гособразования, и подбор нужных материалов по этим участкам для внесения на рассмотрение паритетных комиссий из представителей заинтересованных сторон.

Нужно было выявить точно границы округов, фактически существующих волостей, сельсоветов и составить их подробное описание, заново составить списки населенных пунктов, источников орошения, определить месторождения полезных ископаемых, выяснить качество ископаемых, их примерные запасы, способы добывания, потребности в них и т.д.

б) Составление проекта укрепления волостей после выяснения, в составе каких волостей мыслит само население объединиться в укрупненной волости, и мотивов к этому, выявление точного географического положения существующих волостей и изучение размера местности, экономического потенциала и торговых тяготений к базарным центрам, пастбищных угодий, источников орошения, путей сообщения, национального состава населения волостей.

в) Изучение родоплеменной структуры кыргызов, сарт-калмыков, уйгуров и других тюркских и монгольских народностей путем сбора и анализа всех имеющихся литературных и письменных источников, сбора сведений о численности населения области по округам, волостям, сельсоветам и по отдельным населенным пунктам с подразделением по национальностям, составление списков родоплеменных групп кыргызов с указанием их происхождения и численности, распределения по территории области, особенностей наречия, быта, этнографического типа, взаимоотношений между собой, наличия причин родовой вражды и т.п.

г) Сбор всевозможных картографических материалов (вспомогательные карты, выкопировки и пр.), необходимых для районирования и составления в будущем сводных карт области:

¹ Там же, л. 72.

административной, этнографической, физико-географической, полезных ископаемых и проч.¹

В результате почти полуторагодичной работы комиссии был выработан новый проект районирования Киргизской автономной области, который одобряется Среднеазиатской комиссией по районированию 17 августа 1926 г., а 16 ноября того же года утверждается Административной комиссией при Президиуме ВЦИК РСФСР².

В соответствии с новой структурой создается 7 кантонов и 52 волости вместо 4 округов и 72 волостей.

Кантоны включали следующие волости:

1. Европейский (Фрунзенский) кантон – Быстрореченскую, Токмакскую, Фрунзенскую, Беловодскую и Карабалтинскую.

2. Кыргызский (Чуйский) – Калининскую, Аламединскую, Чуйскую.

3. Таласский – Рыковскую, Александровскую, Дмитриевскую, Таласскую, Каройскую.

4. Каракольский – Чолпон-Атинскую, Тюп-Курментинскую, Сазановскую, Приозерную, Теплоключенскую, Тургенскую, Джеты-Огузскую, Иссык-Кульскую, Барскаунскую, Тонскую.

5. Нарынский – Джуан-Арыкскую, Он-Арчинскую, Нарынскую, Шаркратминскую, Чаш-Тюбинскую, Ат-Башинскую, Куртка-Терекскую, Джумгальскую, Кочкорскую.

6. Ошский – Ошскую, Ак-Буринскую, Куршабскую, Узгенскую, Капчигайскую, Алай-Гульчинскую, Наукат-Турукскую, Ичкиликскую, Исфайрамскую, Кулиндинскую, Баткен-Буджумскую, Исфанейскую.

7. Джалал-Абадский – Джалал-Абадскую, Кугартскую, Базар-Курганскую, Наукентскую, Кетмень-Тюбинскую, Кызыл-Джарскую, Чаначскую и Чаткальскую³.

Вскоре обнаружилось несовершенство и этой структуры. Например, образование в одной Чуйской долине Кыргызского кантона для коренного населения и Европейского (Фрунзенского) – для европейского приводило к искусственному делению цельного в экономическом и географическом отношении региона. Оказалось, что в условиях Кыргызстана с его смешанным населением административное деление по национальному признаку на уровне

¹ ЦГА РК, ф. 10, оп. 1, д. 49, л. 73–76.

² Там же, ф. 20, оп. 1, д. 115, л. 16; д. 375, л. 91–91 об.

³ ЦГА РК, ф. 20, оп. 1, д. 115, л. 16–19; д. 375, л. 91–91 об.

такой единицы, как кантон, не совсем оправдано. Поэтому в ноябре 1927 г. Кыргызский кантон был преобразован в районы непосредственного подчинения КыргЦИКу.

В результате объединения Ошского и Джалал-Абадского кантонов в один Ошский округ и других преобразований в Кыргызстане к началу 1929 г. стало 4 кантона (Фрунзенский, Таласский, Нарынский и Каракольский), 1 округ, 13 районов, 29 волостей, 441 сельский, 7 городских и 2 поселковых Советов.

В 1930 г. республика перешла к районному и городскому делению, без промежуточных (окружных и кантонных) единиц. Были организованы 24 района и 1 город. Эта структура сохранялась до преобразования Киргизской АССР в союзную республику.

Таким образом, в первые 5 лет административно-территориальное деление Кыргызстана не было окончательным, шел постоянный поиск его оптимального варианта. Это способствовало более правильному районированию республики с учетом национального состава населения различных регионов, их экономических, культурных интересов и связей. Были созданы национально однородные или смешанные волости, городские и сельские Советы. Так, к началу 1929 г. имелись 1 узбекский, 1 сарт-калмыкский и 8 смешанных волостных Советов; 2 узбекских и 4 смешанных горсовета; 21 узбекский, 5 немецких, 1 уйгурский, 2 дунганских, 1 татарский, 2 сарт-калмыкских, 4 смешанных сельсоветов.

Совершенствование административно-хозяйственного районирования, обеспечение прав представителей наций и народностей, оказавшихся в условиях Кыргызстана в положении национальных меньшинств, путем выделения национальных волостных и городских Советов способствовало приближению советского аппарата к обслуживанию широких масс трудящихся, укреплению доверия, взаимопонимания и дружбы между проживающими в Кыргызстане национальностями.

С другой стороны, почти ежегодный пересмотр административно-территориальной структуры сначала автономной области, а затем и республики влек за собой определенные издержки. Он осложнил обеспечение перспективности планирования социально-экономического развития районов республики. Отрицательно сказался на стабильности управленческого аппарата, налаживании

преемственности и деловой связи в работе, повышении квалификации и ответственности кадров, на коренизации их состава.

К сожалению, административно-территориальная структура республики не была стабильной и в последующие годы. В конце 30-х годов было создано 6 областей. В дальнейшем вновь перешли к районному делению, оставив одну область – Ошскую. В конце 60-х годов началось восстановление областей, и их число дошло до 4, но вскоре опять сократилось до 2.

В условиях современного демократического обновления и суверенитета республики принято решение о восстановлении Нарынской, Чуйской, Таласской и Джалал-Абадской областей и создании Баткенской области. При этом необходимость восстановительного процесса аргументируется подобной тенденцией в соседних республиках и, конечно, задачами оперативного решения социально-экономических проблем регионов, усиления исполнительской власти.

Анализ истории изменения административно-территориальной структуры показывает, что создание и увеличение числа областей всегда было связано с интересами усиления административно-командной системы. Так, к началу 40-х годов, когда средства и плоды производства стали формально общественной, а фактически – казенной собственностью, трудовой народ начал терять чувство хозяина и заинтересованности в конечных результатах своего труда, потребовались дополнительные звенья управления, новые отряды “уполномоченных надсмотрщиков” более высокого ранга (республиканские не успевали). Хотя, если судить по результатам социально-экономических преобразований и репрессивных мероприятий 1928–1939 гг., то исполнительная власть районных структур явно не страдала слабостью и малоэффективностью.

Сторонники нынешнего движения за новые области, по-видимому, пытаются сесть в давно ушедший поезд. Дело в том, что Кыргызстан, как и все постсоветские страны, от свехцентрализации производства и распределения материальных и финансовых средств переходит к рыночным отношениям, которые несовместимы с диктатом и командой, откуда бы они не исходили. В этих условиях только потребности общественной практики определяют, какие структуры управления, горизонтальных и вертикальных экономических связей нужны. Каждый трудовой коллектив, каждый регион при решении своих социально-экономических проблем будут

рассчитывать в основном только на собственные, а не на “выбитые” из центра средства и возможности. Кроме того, при нынешнем состоянии государственного бюджета республики, создание новых областных аппаратов управления, каждый из которых потребует многомиллионных средств в год, учреждение промежуточных между районными и республиканскими звеньев согласования и решения вопросов вряд ли ускорит решение социально-экономических проблем. Наоборот, усилятся бюрократические препоны, злоупотребления личностного и местнического характера.

Представляется, что в новых условиях хозяйствования для республики оптимальной является районно-городская структура управления без областного деления. В дальнейшем главной функцией управления будет координация сил и средств при решении межхозяйственных, межрайонных, межрегиональных проблем. Для этого достаточны республиканские, районные и городские звенья управления.

3. Становление партийной диктатуры

Создававшийся десятилетиями, объявленный изначально гуманным и подлинно демократическим облик советской власти ныне разрушен, причем обличители советской власти, как и ее приверженцы, категоричны и пристрастны и потому первые, не приводя подчас никаких иных доказательств, заявляют об изначальной аморальности, репрессивности, тоталитарности советской власти и т.п., а партия большевиков – стержень этой власти – преподносится в качестве кучки узурпаторов-диктаторов.

По нашему мнению, обе эти полярные оценки являются результатом суждения вне конкретно-исторической обстановки тех лет, стремления к идеализации или очернению советской власти – в зависимости от политической конъюнктуры.

По-видимому, правильную оценку сущности власти можно получить, только честно, объективно и аргументированно ответив, по крайней мере, на следующие вопросы: из чего исходила партия, определяя свои программные задачи; получала ли поддержку основной массы населения не скрытая от него устремленность к диктатуре; достигнут ли общественный прогресс в результате реализации планов партии?

Ответ на первый вопрос общеизвестен. Партия исходила из крайне бедственного положения подавляющей части народа. Если

население страны в течение 10 лет было вынуждено трижды “подняться на революцию”, и не только по призыву партии большевиков, то действительно, “низы не хотели жить по-старому”, в общественной жизни назревало что-то новое.

Ответ на второй вопрос также однозначный. Основоположник революционного учения К. Маркс в своем главном труде “Капитал” указывал, что “революция является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым”¹.

Опираясь на известное положение Маркса о том, что “всякое временное государственное устройство после революции требует диктатуры и притом энергичной диктатуры”, Ленин еще в 1905 г. писал: «...победа будет именно диктатурой, то есть она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, а не на те или иные “легальные”, “мирным путем” созданные учреждения»².

Партия большевиков никогда не скрывала своей приверженности идее диктатуры, наоборот, используя все возможности, убеждала массы в ее необходимости и закономерности. Если судить по нынешней ностальгии многих по “сильной руке” и по стремлению властимущих к усилению “исполнительной власти”, “президентского правления”, то большевики выбрали вполне приемлемое для тех лет средство выхода из катастрофической ситуации. Народ поверил партии большевиков и принял установку на диктатуру.

После Октябрьской революции, которая “установила диктатуру пролетариата и передала руководство огромным государством рабочему классу”³, партия всячески и повсюду, в том числе и в Кыргызстане, оберегала и укрепляла эту диктатуру.

Деятельность большевизма в Кыргызстане обуславливалась специфическими особенностями республики, была более многоплановой, чем в стране в целом. А потому необходим столь же разноплановый подход к ее оценке. Это важно не только для восстановления исторической истины и справедливости, но и для извлечения уроков из прошлого ради будущего. При этом верное понимание роли и места Коммунистической партии Кыргызстана невозможно без выяснения того, когда и на какой социальной базе

¹ Маркс К. Капитал. – Т. 1. – М., 1935. – С. 603.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 11. – С. 122.

³ Краткий курс истории ВКП(б). – М., 1946. – С. 214.

она возникла, какими идеалами руководствовалась и чьи интересы защищала, какими средствами и методами действовала.

Исследование истории первых партийных организаций на территории Кыргызстана не позволяет говорить не только о широкой распространенности идей большевизма до 1917 г., но и о наличии каких-либо преемственных связей их с теми немногочисленными социал-демократическими кружками и группами, существовавшими здесь до революции¹. В этом сказалось, конечно, отсутствие социальной базы. Рабочие, партией которых провозгласили себя большевики, в Средней Азии составляли 0,35% населения, а в Джетысуйской области, куда входила северная часть Кыргызстана, – 0,25%².

Образование первых большевистских групп, как и других политических партий и движений, произошло после Февральской революции. Первая самостоятельная большевистская группа возникла в июне 1917 г. в Кызыл-Кие, создана она была по инициативе И.И. Едренкина. В октябре того же года были образованы группа А.И. Иваницына – из строительных рабочих Чуйской оросительной системы, а также группа И.С. Меркуна – из отпусковых солдат и ремесленников г. Пишпека. В ноябре они объединились. В декабре 1917 г. была создана группа мусульманских большевиков в г. Пишпекке под руководством Х. Хасанова. Только в 1918 г. начали создаваться большевистские группы в сельской местности: в апреле

– в с. Георгиевка; в мае – в Военно-Антоновке, Юрьевке, Горно-Ключевом; в июне – в Гавриловке и Предтеченке.

Все эти группы были малочисленными и разрозненными. Среди их членов представители местных национальностей составляли единицы. Однако это не означает, что коренное население Кыргызстана не участвовало в политической жизни. Его представители шли в основном в те движения, программные установки которых были на том этапе им более понятны и близки. Так, 9 сентября 1917 г. на I съезде кыргызского демократического союза “Букара”, организованном К. Сарыкулаковым, К. Сандибаевым, В. Муратовым, присутствовали представители 17 волостей Пишпекского уезда. Союз “Букара” к этому времени уже насчитывал в своих рядах 7159

¹ *Миртов В.В.* Идею и организационное укрепление областной партийной организации Киргизии (1925–1937 гг.). – Фрунзе, 1966. – С. 14.

² Народное хозяйство Средней Азии. – 1926. – № 4. – С. 40.

кибитковладельцев¹. На I съезде Компартии Туркестана, состоявшемся в июне 1918 г., присутствовало 43 делегата, представлявших 2 тыс. коммунистов².

Организационное объединение разрозненных большевистских групп и создание партийных комитетов произошло в 1918 г. Процесс этот шел и позднее, в основном после превращения партии в правящую, в масштабе всего Туркестана.

В марте 1918 г. была образована Ошская новгородская партийная организация с 6 членами из числа представителей европейских национальностей, а в мае – Ошская старгородская – с 5 членами – представителями местных национальностей. В апреле 1918 г. создана Пишпекская городская организация, объединившая 42 коммунистов. В июне того же года был избран Сулюктинский партийный комитет, а в июле – Кызыл-Кийский и Пржевальский комитеты партии. В течение августа–сентября создаются волостные партийные организации: Джангарачевская, Канаевская, Кунаевская, Узунгурская. В январе 1919 г. создается Токмакский, а в феврале – Нарынский комитеты партии.

По указанию сверху партийные комитеты создаются повсеместно. Но насколько “истыми коммунистами” были их члены и в какой обстановке это происходило? В Нарынском уезде, например, вопрос о создании организации большевиков и левых эсеров поднимается 29 января 1919 г. на уездном съезде Советов. Здесь же представители обеих партий излагают делегатам программные задачи своих партий. Разъяснение длится до 22 часов, а затем продолжается до 13 часов следующего дня. Съезд Советов поручает “идейным товарищам” этих партий – Я. Денисенко, И. Феськову – взять на себя хлопоты по созданию партий³. Один из активных участников становления советской власти в Пржевальске Г.А. Волков на I Джетысуйском съезде Советов (октябрь 1918 г.) говорил: “Мы долго не имели понятия о своей партии большевиков. Многие пугали нас большевиками”⁴.

¹ Семиреченские областные ведомости. – 1917. – № 219. 24 сентября.

² Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918–1924 гг.). – Ташкент, 1958. – С. 5.

³ Уездно-городские парторганизации Киргизии (1918–1924 гг.). – Фрунзе, 1968. – С. 87–88.

⁴ Макаров Е.Л., Миртов В.В. Из истории партийного строительства в Киргизии (1918–1924 гг.). – Фрунзе, 1988. – С. 13–14.

Следовательно, большинство первых большевиков Кыргызстана, за редким исключением, были людьми, знавшими программные цели и задачи партии понаслышке. Но за короткий срок партия коммунистов быстро выросла численно и превратилась в главную политическую силу. В чем причины? Только ли включенность Кыргызстана в состав громадной империи, в которой правящей стала РКП(б)? Безусловно, это имело определяющее значение. Но были и другие моменты.

Кыргызский народ не желал дальнейшего сохранения порядков бывшей колониальной системы. Однако Временное правительство, заменившее царское, ничего не сделало для решения жизненно важных для кыргызского народа вопросов. Хуже того, оно продолжало ту же политику царизма – невозвращения кыргызам земель, переселения их на неудобья Внутреннего Тянь-Шаня и т.п.

В такой обстановке, конечно же, вызывали симпатии и поддержку программная установка большевиков и их лозунги о равенстве и суверенитете народов; праве самоопределения, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; об отмене всех и всяческих национальных и религиозных привилегий и ограничений; свободном развитии национальных меньшинств и этнических групп; о возвращении земель их законным владельцам и т.д. Правда, все это было из числа тех задач, которые в иных местах решались в ходе буржуазно-демократических революций. По воле истории в России задачи эти, хотя и в сильно урезанном виде, пришлось решать большевикам. Большую притягательную силу имела и устремленность большевиков к ликвидации эксплуатации человека человеком, обеспечению мира, труда, равенства и свободы, социальной справедливости.

Однако, провозглашая своей главной целью достижение этих извечных общечеловеческих идеалов, коммунисты предписали их только части общества. Кроме того, они, будучи партией и орудием диктатуры рабочего класса, провозгласили себя единственно последовательным выразителем интересов всех слоев трудящихся. Как оказалось впоследствии, именно в этих двух моментах линии большевиков были заложены основы многочисленных будущих трагедий и народа, и самой партии.

Подобное понимание исторической миссии партии, дополненное борьбой за диктатуру, обусловило крайне нетерпимое отношение большевиков не только к своим классовым и политическим противникам, но и к союзникам. Это особенно ярко проявилось в их отношении к левым эсерам, с которыми они были в

союзе, пока шла борьба за очищение Советов от бывших чиновников царизма и Временного правительства. Но сразу же после перехода власти к большевикам они начали борьбу с левыми эсерами.

Пишпекские коммунисты “вырвались” в лидеры этой борьбы во всем Туркестане. Так, в октябре 1918 г. Пишпекский угорком принимает оскорбительное для левых эсеров постановление, предписывающее представление ими списка своих членов для проверки на благонадежность¹. Большевики Кызыл-Кии пошли еще дальше, предложив вчерашним своим союзникам или “шагать в ногу”, или отправиться “в партию Иргаша или Мадаминбека”² (главари басмаческих отрядов).

В последующем Пишпекский угорком полуультимативно поставил вопрос о том, чтобы левые эсеры “влились” в большевистскую организацию. 66 человек так и поступили. 19 ноября принимается другое постановление, объявляющее “означенную партию в Пишпекке и в Пишпекском уезде более несуществующей”³. А решение о запрещении деятельности левых эсеров по всему Туркестану принимается в апреле следующего, 1919, года.

Такие действия большевиков не только вызывали возмущение левых эсеров, но подпитывали антисоветские выступления. Краевая комиссия, которая занималась выяснением причин Беловодского восстания (декабрь 1918 г.), связывала его с решением большевиков о роспуске организации левых эсеров.

В первые годы советской власти в большинстве партийных комитетов далеко не безоблачно складывались отношения с немногочисленными коммунистами – представителями местных национальностей, что ярко видно на примере мусульманских секций и мусульманского бюро организаций РКП(б) в Туркестане.

В условиях широкого привлечения представителей трудящихся местных национальностей Туркестанского края в партию сначала создавались мусульманские секции большевистских организаций, а в марте 1919 г. при Краевом комитете партии было учреждено Краевое бюро мусульманских организаций РКП(б), признанное высшим руководящим партийным органом мусульманских организаций со всеми правами центрального органа партии. Однако

¹ ЦГА ПД РК, ф. 89, оп. 1, д. 8, л. 16.

² Уездно-городские парторганизации Киргизии (1918–1924 гг.). – Фрунзе, 1968. – С. 168.

³ Там же. – С. 124.

оно самостоятельно решало лишь вопросы непринципиального характера, касающиеся только мусульманской части партии, вопросы же принципиального характера – лишь предварительно обсуждало и вносило на обсуждение Крайкома¹.

Несмотря на важность функций такого органа, как мусбюро, организация его на местах “затянулась”. В Пишпеке оно создается 8 августа 1919 г., в Оше – 29 октября, в Пржевальске – 25 декабря. В этом сказались не только негативное отношение большевиков к созданию партий по национальным признакам, но и определенное недоверие, опасение возможных сепаратистских устремлений.

В известной степени именно из таких соображений в феврале 1919 г. и была направлена в Туркестан Особая временная комиссия – в целях надзора за точным исполнением декретов и постановлений советского правительства в пределах края. Комиссии были предоставлены чрезвычайные права “в деле руководства всей советской работой и укрепления Компартии Туркестана”². Эта временная комиссия под различными названиями – Турккомиссия ВЦИК, Туркбюро, Средзбюро ЦК ВКП(б) – функционировала до 1934 г.

Турккомиссия на первых порах по сути являлась партийно-советским контролирующим и направляющим органом в крае. Великодержавно-шовинистическое настроение было свойственно не только членам прибывшей из центра комиссии, но и многим коммунистам Туркестана из числа европейцев. Среди них, как говорил один из лидеров ошских большевиков С. Касымбеков, “находились отдельные личности, которые из себя представляли диктаторов”³.

Мусульманское бюро Крайкома, исходя из интересов коренных жителей, стремилось к реализации мероприятий, которые привели бы к быстрой ликвидации последствий колониального прошлого, 12 июня 1919 г. разослало на места циркулярное письмо о широком и пропорциональном привлечении туземного населения к государственной деятельности, без обязательной принадлежности к партии, “удовлетворяясь тем, чтобы кандидаты выдвигались

¹ Уездно-городские парторганизации Киргизии (1918–1924 гг.). – С. 109.

² Образование и деятельность Коммунистической партии Туркестана (летопись событий). – Ташкент, 1966. – С. 130–131.

³ Уездно-городские парторганизации Киргизии (1918–1924 гг.). – С. 168.

мусульманскими рабочими организациями”¹. Хотя письмо было направлено на основе телеграфного указания ЦК РКП(б), многим местным шовинистически настроенным руководителям инициатива эта не понравилась.

Мусбюро также допустило и еще более дерзкий, по меркам тех лет, поступок. На III конференции мусульманских коммунистов и на V конференции Компартии Туркестана (январь 1920 г.) было принято решение о создании “Тюркской компартии” и “Тюркской республики”, что многими было оценено как проявление национал-уклонизма. Решением от 15 января 1920 г. Турккомиссия признала необходимым создание единой Компартии на территории Туркестана, а 24 февраля отменила решение V краевой партконференции. В ответ на это инициаторы создания “Тюркской компартии” и “Тюркской республики” направляют специальную делегацию в Москву, чтобы добиться не только положительного решения вопроса, но и отзыва из края Турккомиссии.

ЦК РКП(б) ответил на это постановлением от 29 июня 1920 г. “Об основных задачах РКП(б) в Туркестане”, в котором предписывалось:

“а) ликвидировать отношения, создавшиеся между пришлым европейским населением и коренными народами в результате 50 с лишним лет империалистической политики самодержавия;

б) ликвидировать патриархально-феодальное наследие, сохранившееся в общественных отношениях местного населения”.

ЦК РКП(б) признал необходимым оставить в крае Турккомиссию и Туркбюро, на которые было возложено непосредственное управление общесоюзными вопросами (внешние сношения, внешняя торговля, военное дело) и контроль за проведением в жизнь директив и декретов центральных органов с учетом местных условий.

В.И. Ленин в своих замечаниях на проект постановления подчеркивал, что особо важным было выработать действенные способы борьбы с буржуазным национализмом, духовенством и панисламизмом².

Первым, наиболее действенным, способом борьбы с национал-уклонизмом стали роспуск прежнего состава Крайкома КПТ и

¹ Там же. – С. 124.

² Ленинский сборник XXXIV. 1924. – С. 324–325.

создание в июле 1920 г. временного ЦК КПТ, обновление состава Президиума ТуркЦИКа.

Так закончилась первая попытка мусульманских коммунистов Туркестана добиться более широкой автономии края. Восстановилось прежнее название партийных организаций. Мусульманские

бюро, просуществовав в Пишпеке 8 месяцев, в Пржевальске – 6, в Оше – 4,5 месяца, влились в единые комитеты партии на правах подразделов агитационно-пропагандистских отделов.

Таким образом, партия большевиков Кыргызстана с самого начала возникла как правящая партия – орудие диктатуры пролетариата, установившейся стране. Поскольку многие моменты ее программных установок исходили из еще не осознанных местным населением интересов мирового пролетариата, их реализация была связана с репрессивными средствами и методами. Особенно много бед принесла навязанная сверху, без учета местных реалий, установка на решительное классовое расслоение общества и уничтожение одних ради призрачного благополучия других.

В то же время партия большевиков именно решительными действиями сумела за короткий исторический срок осуществить ряд социально-экономических и политических преобразований, которые имели поистине судьбоносное значение для кыргызского народа и всех кыргызстанцев.

Однако все сказанное не означало, что партийная организация с самого начала действовала как хорошо налаженный механизм. Было много трудностей и препятствий даже в формировании партийного аппарата. Так, окружные комитеты партии в КАО, в которых работали по 11 человек, начали функционировать лишь с 1925 г.¹ Из-за недостатка средств и подготовленных кадров волостные комитеты партии в первый год существования автономной области не создавались вообще.

Только в июне 1925 г. второй пленум обкома партии, рассмотревший вопрос о партийном строительстве, отметил необходимость организации волостных комитетов там, где это практически возможно, и просил Средазбюро ЦК РКП(б) утвердить смету расходов и выделить средства на содержание волостных и районных комитетов партии.

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 8, л. 194.

Однако частые изменения структуры районирования области сказались и на процессе формирования партийных комитетов. Обком партии просто не успевал комплектовать партийные органы во вновь создаваемых, объединяемых и разъединяемых волостях, районах и кантонах. Так, в Ошском округе в 1929 г. лишь в 4 районах из 10 были райкомы партии, в одном – райоргпартбюро, а в остальных – райпарторганизаторы¹. В Каракольском кантоне волкомы были в 7 из 16 волостей². Только с введением районного деления областная партийная организация сумела в 1930 г. создать партийные комитеты во всех районах и укомплектовать их штаты.

Непостоянной была и структура аппаратов партийных комитетов. Она расширялась по мере нарастания несвойственных для политической партии функций. Так, в 1925 г. аппарат обкома партии состоял из 18 ответственных и 10 технических работников и был разделен на 4 отдела (общий, организационный, агитационно-пропагандистский и женский).

В начале насильственной коллективизации, в июне 1928 г., создается отдел по работе в аиле – кыштаке³.

В феврале 1930 г. в обкоме в соответствии со структурой аппарата ЦК ВКП(б) были созданы четыре отдела (оргинструкторский, распределительный, культуры и пропаганды, агитации и массовых кампаний) и секретариат⁴. Однако вскоре стало ясно, что этим отделам не справиться с нарастающими задачами, особенно хозяйственными. Поэтому уже в июне 1931 г. при отделах создаются 15 секторов⁵. Одновременно организуется сеть парткомов при совхозах, МТС и крупных колхозах. Но и этого оказалось недостаточно.

В 1932 г. при оргинструкторском отделе были созданы две группы секторов: функциональные и производственно-территориальные. К функциональным относились секторы партстроительства, партийных кадров, проверки и контроля исполнения, информационно-статистическая группа. Они занимались в основном

¹ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 256, л. 81.

² Там же, ф. 15, оп. 1, д. 2, л. 69.

³ Там же, оп. 2, д. 189, л. 416.

⁴ Там же, д. 335, л. 196–197.

⁵ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 2, д. 432, л. 12–13.

внутрипартийными делами. В производственно-территориальную группу входили секторы зернотехнических культур, животноводческий, промышленно-транспортный и хлопковый¹. Тем самым партийный комитет приобрел возможность вмешиваться во все сферы жизни общества.

На основании решения XVII съезда партии в 1934 г. в обкоме создаются уже отделы: сельскохозяйственный, промышленно-транспортный, советско-торговый, культуры и пропаганды ленинизма, руководящих парторганов и особый сектор. В конце 1935 г. отдел культуры и пропаганды ленинизма был преобразован в четыре самостоятельных отдела: пропаганды, печати, школ и науки, культпросветработы. В таком виде аппарат обкома партии сохранился до преобразования его в ЦК партии².

Изучение партийных и архивных документов, исторической литературы показывает, что партийные комитеты как истинные носители диктатуры с самого начала стремились к исключению проявлений неорганизованности и инакомыслия с решениями и установками ЦК партии. Это касалось в первую очередь членов партии, и цель достигалась с помощью богатого арсенала средств и методов, начиная от политического просвещения, проработки, наказания и исключения из партии за несовместимые с уставными требованиями поступки, до массовой чистки рядов партии и роспуска целых областных партийных организаций, как было, например, с Джетысуйской и Ферганской областными партийными организациями.

Первая массовая чистка под видом перерегистрации членов партии началась в 1919 г. в связи с приездом в Туркестан Турккомиссии ВЦИК и завершилась в 1920 г. В Пишпекском уезде осталось 2348 коммунистов из 9300, в Пржевальском – 504 из 869, в Нарынском – 1550 из 7000, в Кызыл-Кие – 618 из 683, в Ошском уезде – 503, а в Сулюкте – 283³.

В результате всероссийской партийной чистки, по данным переписи 1921–1922 гг., по Ошскому, Нарынскому, Каракольскому и

¹ Там же, д. 1005, л. 49.

² Там же, оп. 1, д. 1024, л. 24–25.

³ Рост и регулирование состава Коммунистической партии Киргизии. – Фрунзе, 1963. – С. 17.

Пишпекскому уездам в партии осталось 2384 членов и кандидатов партии вместо 4407 до чистки¹.

Организуя чистки, партия руководствовалась указаниями Ленина о том, что “чистка партии, связанная с неуклонным повышением ее требовательности насчет работы действительно коммунистической, будет улучшать аппарат государственной власти и гигантски приближать окончательный переход крестьян на сторону революционного пролетариата”².

Необходимость регулярной чистки партийных рядов объяснялась, во-первых, необходимостью преодоления засоренности партийных рядов случайными, неустойчивыми и классово чуждыми элементами. В условиях Кыргызстана такая мера была необходима. Например, в Нарынском уезде, где партийная организация была создана в середине 1919 г., к весне 1920 г. в рядах партии состояло уже 7 тыс. человек, или каждый десятый житель региона³. Во-вторых, потребности были не только партийных организаций, но и управленческого аппарата всех государственных и хозяйственных органов, что, в конечном счете, являлось главным условием эффективного функционирования всех структур и звеньев диктатуры пролетариата.

Первая конференция областной партийной организации, отметив, что “члены и кандидаты партии не умеют и не считают подчас необходимым разграничивать интересы дела партии от интересов чуждых нам элементов”⁴, постановила начать с 15 мая 1925 г. партийную проверку с целью очищения партийных рядов от “социально чуждых, разложившихся и оторвавшихся от партии элементов”⁵. В результате этой проверки на 1 января 1926 г. осталось 2608 коммунистов из 2858.

В начале 1927 г. проходила всесоюзная партийная перепись, результаты которой показали, что численность членов кыргызской партийной организации сократилась с 4668 до 4096 человек, или на 16,3%⁶. Исходя из специфики местных условий, областная

¹ Там же. – С. 22.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 39. – С. 27.

³ Рост и регулирование состава Коммунистической партии Киргизии. – С. 16.

⁴ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 22.

⁵ Там же. – С. 26.

⁶ Рост и регулирование состава Коммунистической партии Киргизии. – С. 56.

контрольная комиссия (ОКК) осуществляла чистку своими методами. Так, в 1926 г. ОКК выборочно проверила 14 партячек в трех районах (в Нарынском – 6, в Кетмень-Тюбинском – 5, Таласском – 3) и исключила из партии 36 человек (из 327 проверенных) за участие в групповой борьбе. В 1927 г. комиссия проверила поведение в быту 278 активных советских, профсоюзных и партийных работников и установила, что 122 из них живут по принципам адата и шариата¹. В 1928 г. подвергся проверке кандидатский состав двух партячек учебных заведений и 36 партячек различных учреждений. В ходе этой работы проверочные тройки исключили из кандидатов в партию 42 человека. Мотивы: 12 членов исключены как чуждые элементы, 11 – за отрыв от партии и невыполнение партийных поручений; 7 – за идеологическую неустойчивость, 6 – за политическую неграмотность, 1 – за нарушение партийной этики, остальные 5 – по другим причинам².

В следующем, 1929 году, грянула “генеральная чистка” партии, проведенная в соответствии с решением XVI конференции ВКП(б). В Кыргызстане из проверенных 5662 коммунистов из партии было исключено 1223, или 21,6%. В промышленных производственных партячках процент исключенных составил 8,8, в учрежденческих – 10,2, а в айльно-кыштачных – 28,4. Среди исключенных из партии айльно-кыштачных и деревенских коммунистов 50% составляли те, кто был наказан за “социальное происхождение” и участие в групповой борьбе, 22% – за религиозные убеждения, многоженство, калым, выдачу замуж несовершеннолетних и другие бытовые преступления.

В ходе генеральной чистки кроме исключения из партии применялись и другие меры воздействия. 741 человек получил партийные взыскания, 61 – снят с занимаемых должностей, 2000 человек получили замечания и лишь около 30% проверенных прошли чистку без взысканий и замечаний³.

В 1930–1932 гг., несмотря на насильственную коллективизацию, массовый голод, травлю и физическое истребление со стороны политических противников, моральный террор и избиение своих, наблюдалась небывалая тяга масс в партию. За три года в партию

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 108, л. 222.

² Советская Киргизия. – 1928. – 20 ноября.

³ Итоги чистки и проверки Киргизской организации ВКП(б): Отд. брош. Кирг. ОК КП(б), 1930. – С. 6–7.

вступило 12963 человека. Рост происходил главным образом за счет колхозников – на 1 января 1933 г. их было уже 9734, или 48,8% от всего числа членов областной партийной организации¹. Понятно, что такой рост не мог не привести к тому, что в партию вступали люди случайные, неустойчивые и с карьеристскими целями. Ведь в партию шли и те, кто, оказавшись в ее рядах, намеревался таким образом обезопасить себя от раскулачивания, и те, кто хотел выдвинуться и получить “свою долю”.

Январский (1933 г.) пленум ЦК ВКП(б) принял решение провести очередную чистку партии и до ее окончания приостановить прием новых членов. VI объединительный пленум ОК и ОКК ВКП(б) (февраль 1933 г.) единодушно одобрил решение январского пленума ЦК и областная партийная организация взяла курс “на очищение партии от буржуазных перерожденцев, оппортунистов, от жуликов с партийным билетом в кармане, от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся к партии элементов”².

Подготовка к чистке проводилась в мае–ноябре 1933 г. в форме сверки учетных карточек с наличным составом партячеек. Уже она помогла очиститься от “мертвых душ”: если на 1 января 1933 г. было 19932 коммуниста, то к 1 января 1934 г. их оставалось 14076³.

Сама же чистка проводилась с августа 1934 г. по ноябрь 1936 г. К началу чистки в кыргызской партийной организации состояло 12186 коммунистов. Чистка закончилась 1 марта 1935 г. со следующими результатами: на чистку явились 10712 коммунистов, прошли проверку 6386, исключено из партии 2973, а остальные переведены в разряд сочувствующих⁴. Главными мотивами исключения были: нарушение партийной дисциплины (649 чел.), карьеризм, шкурничество (565 чел.), классово чуждые и враждебные элементы (401 чел.), бытовое и моральное разложение (298 чел.), пассивные члены партии (292 чел.)⁵.

С марта по декабрь 1935 г. велась проверка партийных документов, в ходе которой из партии было исключено еще 1048 человек⁶.

¹ Рост и регулирование состава Коммунистической партии Киргизии. – С. 94, 97, 110.

² Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 455.

³ Рост и регулирование состава Коммунистической партии Киргизии. – С. 94, 97, 110.

⁴ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 2, д. 1456, л. 34.

⁵ Там же.

⁶ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 4, д. 1190, л. 1–2.

С января по ноябрь 1936 г. происходил обмен партийных документов. За время обмена исключен из партии 361 человек¹. После окончания обмена партийных билетов до отчета в ЦК ВКП(б) (19 декабря 1936 г.) обком сам исключает из партии 24 человека. Получив при отчете в ЦК неудовлетворительную оценку за проведение обмена, обком исключил из партии еще 69 человек как пособников троцкистов и контрреволюционных националистов и 53 человека как чуждые элементы. В общей сложности за четыре месяца 1937 г. из ВКП(б) было исключено 205 членов и 113 кандидатов партии с партийными билетами нового образца². В числе именно этих последних исключенных был почти весь состав руководящих работников Кыргызстана, доказавших свою верность идеалам партии делом всей жизни.

Таким образом, в течение первых 12 лет самостоятельного существования кыргызская областная партийная организация пережила четыре чистки, которые заняли в общей сложности 8 лет.

Бесконечные проверки и чистки, сопровождавшиеся такими же постоянными кампаниями по развитию критики и самокритики, сформировали субъективную честность, преданность делу партии, единодушие, организованность и дисциплину, т.е. именно те качества, которые необходимы для последовательного проведения линии диктатуры пролетариата.

В то же время совершенствовался механизм политической репрессии, формирования атмосферы страха, недоверия, доносительства и беспрекословного подчинения номенклатуре. Неуверенность в перспективе своей партийности сковывала самостоятельность, инициативу и творчество коммунистов. Совокупность этих и других моментов привела к тому, что областная партийная организация стала несостоятельной в выработке самостоятельной политической линии, учитывающей интересы и потребности кыргызстанцев и их специфику. Но приобрела исключительную способность в выполнении, зачастую с перегибами и “переусердием”, установок и указаний, спущенных сверху.

Все это, дополненное возможностями Советов, предоставляло диктатуре пролетариата неограниченные возможности.

Общезвестно, что Советы не являются изобретением или выдумкой марксизма-ленинизма и партии большевиков. Они

¹ Там же, д. 1082, л. 96.

² Там же, д. 1190, л. 2; д. 1086, л. 1.

возникли в ходе первой всероссийской революции в виде Советов, уполномоченных стачкомов разных предприятий городов. В.И. Ленин и партия большевиков увидели в этом творчестве восставшего народа прообраз будущей власти трудящихся и решили после победоносной революции диктатуру пролетариата устанавливать в форме Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, содержание деятельности которых всецело определялось бы “сознательным, передовым, организованным и вооруженным передовой теорией отрядом пролетариата” – партией.

Анализ партийных и советских документов, архивных материалов показывает, что партия от такой позиции в отношении Советов не отходила никогда – ни в период диктатуры пролетариата, ни, к сожалению, в период общенародного государства.

Важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, народнохозяйственной деятельности государства всегда первоначально решались на съездах, конференциях партии, пленумах ЦК, заседаниях Политбюро, Оргбюро и Секретариата. Советам была оставлена функция последующего узаконения партийных решений, материально-финансового и организационного обеспечения их реализации. Ни в одном из многочисленных партийных постановлений, резолюций и решений разных уровней, посвященных установлению, укреплению советской власти, повышению ее роли, не ставился вопрос о передаче Советам функции самостоятельного решения стратегической линии государственной политики.

Наоборот, имели место (и нередко) случаи досрочного роспуска Советов за различные “погрешности”, перевыборов, а в сложных обстоятельствах попросту замены их революционными комитетами. Так, в 1919 г. в обстановке гражданской войны и борьбы с басмачеством в Туркестанской АССР, в том числе и в Кыргызстане, был осуществлен переход к революционным комитетам, которые пользовались особыми и чрезвычайными полномочиями. В отличие от Советов, которые избирались трудящимися, и их исполкомов ревкомы назначались вышестоящими партийными, советскими органами и военным командованием. Ошский уездный ревком был образован в конце марта 1919 г., Аулие-Атинский уездный – в августе, а в начале декабря – Пишпекский, Пржевальский, Токмакский уездно-городские ревкомы. Были созданы волостные, сельские и айльные ревкомы.

В особых случаях, когда опасность для советской власти возрастала, ревкомы преобразовывались в военно-революционные комитеты с исключительно широкими правами по контролю за всеми советскими органами, осуществлению чистки их от антисоветских элементов, установлению революционного порядка на местах, подавлению контрреволюционных выступлений.

Так, на территории Кыргызстана революционные комитеты были введены во время земельно-водной реформы и в начальный период после образования КАО – с ноября 1924 г. по март 1925 г.

На первой областной партийной конференции (март 1925 г.) вопрос о Советах рассматривался лишь с позиции очищения их от бай-манапских элементов¹ и исправления недостатков в работе советского аппарата². Вторая областная партконференция (ноябрь 1925 г.), обсудив вопрос о состоянии низового советского аппарата, указав на то, что еще “не изжиты методы военного коммунизма – назначенчество и смена выборных органов”³, принимая во внимание, что исполкомы фактически подменяют сами Советы⁴, предложил при решении наиболее серьезных вопросов “шире практиковать замену сельсоветов общими сходами”⁵. Третья партконференция (март 1927 г.) отвела Советам роль “подлинного организатора широких масс трудового дехканства”⁶ и не более того.

Постановлением второго объединенного пленума Киробкома и ОКК ВКП(б) (март 1929 г.) партийным комитетам предписывалось: “а) поднять значение и авторитет Советов, проводя через них основные мероприятия советского и хозяйственного строительства; б) обеспечить коллективность руководства районных, волостных исполкомов и сельсоветов, ведя решительную борьбу с подменой коллегиальности единоличным руководством председателей, для чего ввести регулярный созыв президиумов и пленумов районных и волостных исполкомов; в) обеспечить работу пленумов Советов как руководящих органов Советов, проводя через них все основные

¹ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 15.

² Там же. – С. 25.

³ Там же. – С. 70.

⁴ Там же. – С. 71.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 111.

мероприятия данного Совета; г) пересмотреть руководящий состав сельсоветов...”¹.

Как видно из решений областной партийной организации, советские органы рассматривались партией лишь в качестве вспомогательного органа, с помощью которого можно более эффективно проводить партийную политику.

Такая позиция партии углублялась по мере укрепления сталинского самовластия. Если в 20-е годы партийные комитеты “предлагали” советским органам “решить в советском порядке” материальное обеспечение принятых ими решений, то с середины 30-х годов перешли к прямому диктату. Привычными становятся формулировки постановлений и резолюций, начинающихся словами: “обязать ЦИК и СНК”, “поручить ЦИК, СНК и наркоматам...”².

Хотя партийные и советские органы были действующими инстанциями диктатуры пролетариата на местах, ее мечом стали органы ЧК – ГПУ, НКВД, бывшие вне контроля партии и Советов. Как показывает анализ “особых дел НКВД”, рассмотренных на заседаниях Исполбюро Киробкома партии за весь период его функционирования, НКВД согласовывал свои действия с обкомом партии в основном в вопросах перемещения кадров.

4. Политика коренизации аппарата управления

Создание национальной государственности, как указано в резолюции X съезда партии, должно было сопровождаться развитием и укреплением аппарата государственной, хозяйственной и партийной власти, знающего язык, быт и психологию местного населения. Для решения этой проблемы в 20-е и 30-е годы в национальных регионах проводилась специальная политика коренизации.

Суть данной (не доведенной до логического завершения) политики состояла в осуществлении административно-территориального деления с учетом национального состава, хозяйственно-экономических интересов регионов; в обеспечении

¹ Там же. – С. 258.

² Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 384, 420.

для коренного населения широких возможностей получения образования, развития культуры и ведения делопроизводства на родном языке; в подборе, подготовке и выдвижении кадров местных национальностей в аппараты управления; в широком привлечении коренного населения во все отрасли народного хозяйства, особенно в приоритетные.

Как видно из сказанного выше, политика коренизации касалась почти всех направлений преобразовательных процессов тех лет. В данном же параграфе речь будет идти о коренизации аппаратов управления.

При этом следует подчеркнуть, что коренизация партийных, хозяйственных и других аппаратов вовсе не означала пополнения их лишь представителями коренной национальности. Задача состояла в подборе кадров из числа тех, кто знал язык местного населения. В официальных отчетах, сводках уровень коренизации определялся тем, сколько человек в аппарате, независимо от национальной принадлежности, владеет языком коренного населения.

Объективная необходимость политики коренизации, особенно в ранее отсталых окраинах, как разъяснялось в партийных документах, определялась рядом факторов – как национального, так и классового характера.

Во-первых, необходимостью более полного и последовательного осуществления на практике главных принципов национальной политики партии – права наций и народностей на самоопределение, достижение ими фактического равенства во всех сферах социально-экономической жизни, в том числе и в самоуправлении.

Во-вторых, необходимостью создания близкого и понятного коренному народу, защищающего его интересы аппарата государственной власти.

В-третьих, задачами повышения социально-политической активности, инициативы и вклада национальных трудящихся масс в социалистическое переустройство общества путем широкого их привлечения во все отрасли народного хозяйства и в управление государственными делами.

К сожалению, политика коренизации, как показывает анализ, не везде и не всегда проводилась с должной последовательностью, к тому же, в обстановке всевозрастающей сталинской репрессивной кампании против зачастую надуманных проявлений буржуазного национализма она была преждевременно свернута.

Несмотря на это, осуществление политики коренизации имело жизненно важные последствия для разностороннего развития наций, особенно тех народов, которые “шли к социализму, минуя капитализм”, не имея не только национального рабочего класса, национальной интеллигенции, но и минимального количества азбучно грамотных людей.

В силу объективных и субъективных причин многие вопросы коренизации решались не так быстро и эффективно, как хотелось. Чрезвычайно трудным оказалось, как видно из сказанного выше, решение даже такой не очень сложной, на первый взгляд, проблемы, как правильное районирование области.

Наряду с вопросом административно-территориального деления остро стоял и другой – о внедрении языка коренного населения в делопроизводство. Практическое его разрешение встречало много трудностей. К середине 1925 г. кыргызский язык применялся лишь в половине волостных аппаратов, не говоря уже об областных и окружных. Не хватало грамотных людей, подготовленных кадров, средств и опыта.

В свое время В.И. Ленин указывал, что провозглашение лишь одного из языков государственным является противопоставление его другим языкам, носит элемент принудительности¹. Его идея об обеспечении равноправия национальных языков легла в основу целого ряда важнейших документов, принятых в те годы, в том числе и декрета “О мерах по переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и республиках на местные языки”, принятого Президиумом ВЦИК 14 апреля 1924 г. В нем говорилось: “В целях приспособления советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству считать необходимым постепенно переводить делопроизводство во всех государственных органах или отдельных их частях на соответствующие местные языки”².

Исходя из общепартийных установок и директив советского правительства и в интересах коренного населения области, обл-оргбюро своим решением от 7 февраля 1925 г. создает специальную комиссию по переводу делопроизводства на кыргызский язык, которую возглавил председатель ревкома области И. Айдарбеков.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 23. – С. 317.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского государства. – 1924. – I. – С. 514.

После первой областной партийной конференции, состоявшейся в марте 1925 г., создается другая комиссия по коренизации госаппарата, во главе которой становится председатель облисполкома А. Орозбеков.

Как свидетельствуют документы, первая комиссия распалась, к сожалению, не развернув работу, а вторая начала функционировать лишь спустя полтора года с момента образования – первое организационное совещание она провела только в октябре 1926 г. Однако эти обстоятельства не помешали председателям обеих комиссий – Айдарбекову и Орозбекову – поставить свои подписи в июне 1925 г. под известным “заявлением” 30 кыргызских ответственных работников в ЦК и Средазбюро ЦК РКП(б), где первым и главным пунктом было обвинение руководства обкома партии в отсутствии “планомерной коренизации аппарата, в том числе перевода делопроизводства на киргизский язык”¹.

Действительно, в то время уровень коренизации госаппарата был низким и процесс этот шел медленно. К 1 мая 1925 г. среди 2950 сотрудников аппарата областного и местного значения кыргызов было 319, или 10,8%, против 195 человек, или 6,6%, на 1 января того же года². Но причина этого была не только в бездействии названных комиссий и в отсутствии твердой линии руководства обкома партии в этом вопросе. Были и другие – объективного и субъективного порядка.

В своем объяснении для комиссии по проверке “заявления 30” первый секретарь Киробкома М.Д. Каменский писал: “Наша область имеет 500 тысяч с небольшим киргизов, из них грамотных, по официальной статистике, от 3 до 5 процентов, или в среднем 20 тысяч человек (это в лучшем случае)...”. Далее, указывая на то, что грамотность в преобладающем большинстве падает на представителей социально чуждых классов, которые не могут быть допущены в советский аппарат, а также на айльно-кыштакное учительство, которое нецелесообразно в массовом порядке отрывать от их исключительно важной в условиях почти поголовной неграмотности населения работы, он утверждал, что “та коренизация, которая проделана, отнюдь не так уж плоха, как это кажется”³.

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 28, л. 10.

² Там же, л. 14.

³ Там же, л. 58.

Ю. Абдрахманов, который, будучи вторым секретарем обл-оргпартбюро, стоял в оппозиции к Каменскому в кадровых вопросах, в своем письме Сталину в мае 1925 г. писал: "... киргизы вплоть до национально-государственного размежевания Средней Азии не имели на своем родном языке, не говоря уже о книгах и учебниках, даже газеты, 95 процентов населения безграмотны. Среди них нет ни одного человека с высшим образованием, тем более, нет партийно-подготовленных работников, вышедших из среды беднейших слоев населения"¹.

Теперь обратимся к другим источникам. По данным переписи населения 1926 г. (а не в середине 1925 г., когда писали Каменский и Абдрахманов), из 510 тыс. киргизов старше 16 лет, проживавших на территории области, грамотных было 18999, или 3,7% от их общего количества². И это, несмотря на значительную работу, проведенную по повышению общеобразовательного уровня населения за предыдущие 8 лет.

В то время подавляющее большинство грамотных киргизов составляла молодежь, получившая образование уже в годы советской власти, а среди взрослых грамотных было мало – в основном те, кто в прошлом имел возможность учиться благодаря своему имущественному положению. Вполне понятно, что в те годы первая группа грамотных киргизов (молодежь) не могла служить серьезной базой для выдвижения на партийно-советскую работу из-за отсутствия достаточного жизненного опыта, а вторая – из-за социального происхождения.

Своеобразие и особое значение кадровой работы в условиях 20-х и 30-х годов обуславливались следующими моментами:

поскольку многие объективные предпосылки для перехода к социализму еще не вызрели, высокой была значимость субъективных факторов, действие которых не всегда могло быть правильным из-за низкого уровня подготовленности кадров, а также наличия у значительной части их "революционного нетерпения";

нация только складывалась, поэтому в общественной жизни в целом и в формировании кадрового корпуса, в частности, определенную роль играли и этнические, родоплеменные факторы, которые, в известной степени продолжали действовать и в новых условиях, да и по сей день полностью не изжиты.

¹ Там же, д. 804, л. 18.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 20, л. 2.

Анализ материалов тех лет показывает, что эти моменты не всегда учитывались. На темпах и эффективности процесса коренизации сказался не только низкий уровень образования, политической и деловой подготовленности основной массы кыргызов, но и раздиравшая только что созданные партийные, советские и хозяйственные аппараты групповая борьба между кыргызскими работниками. По-видимому, в значительной степени этим и объясняется то, что к концу 1926 г. в аппарате областного масштаба представителей других местных, не подверженных такой борьбе национальностей, составлявших около 20% населения области, оказалось больше, чем кыргызов, доля которых в населении достигала 66,7%.

Свергнутые классы принимали все меры к тому, чтобы не допустить широкого выдвижения представителей трудового народа в госаппарат, подкупить, подтолкнуть к противоправным действиям, скомпрометировать уже выдвинутых. Бай-манапские элементы, которым удалось занять отдельные ключевые позиции в госаппарате, вкупе с шовинистически настроенными руководящими работниками из числа представителей европейских национальностей устраивали травлю выдвинутцев (по деловым качествам пока еще значительно уступавшим им), особенно усердствуя в ходе кампаний по “рационализации” (сокращению штатов) госаппарата.

Имела негативные последствия и однобокая коренизация аппарата “за счет его руководящего состава”. Председатель Совнаркома республики Ю. Абдрахманов в 1927 г. сетовал на то, что на практике часто имели место факты, когда выдвинутцами-кыргызами отклонялись предложения даже таких должностей, как управделами, заведующие общими отделами наркоматов. “И не потому, – писал он, – что боятся не справиться с работой, а потому, что такая работа не нравится им, им хочется быть на более ответственной работе, где больше жалования и почета”¹. Кроме того, выдвижение на руководящую работу преимущественно представителей местных национальностей, принадлежность к которым в определенных ситуациях стала превращаться в своего рода привилегию, формировало в сознании части людей деформированные представления. Естественно, в той или иной мере это не могло не отразиться отрицательно на межнациональных отношениях.

Толчком для дальнейшего ускорения процесса коренизации в Кыргызстане, как и во всей Средней Азии, стали решения XII плену-

¹ ЦГА ПД РК, ф. 21(с), оп. 1, д. 3, л. 17.

ма Средазбюро ЦК ВКП(б) (февраль 1927 г.). Опираясь на эти решения и созданные к тому времени материальные и духовные предпосылки, II пленум Киробкома партии (июнь 1927 г.) утверждает широкомасштабную программу коренизации.

В качестве первоочередных выдвигались задачи:

перевод делопроизводства на местный язык, в первую очередь тех аппаратов, которые в своей повседневной работе больше соприкасались с рабоче-крестьянскими массами. К таковым относились все низовые аппараты, начиная с кантонных, а из центральных – ЦИК, Наркомпрос, Наркомвнудел, Наркомюст, Наркомзем; в других наркоматах, как временная мера, делопроизводство должно было вестись параллельно и на местном языке, а в общественных (профсоюзы, союз “Кошчу”), кооперативных и иных организациях – в зависимости от национального состава объединяемых ими членов;

широкое вовлечение представителей основной национальности в советский аппарат путем выдвижения рабочих и батраков, прошедших предварительную подготовку;

широкое вовлечение местного населения в промышленное производство, но не за счет “вытеснения рабочих неместной национальности”, а путем заполнения вакансий и вновь создаваемых предприятий, через подготовку национальных рабочих кадров в сети фабрично-заводских училищ и ремесленно-кустарных школ, обучение профессиям в промышленных районах РСФСР;

стимулирование изучения кыргызского языка не владеющими им служащими путем организации кружков, установления льгот знающим местный язык в виде права на преимущественное продвижение по службе, более высокой тарификационной ставки;

улучшение работы общеобразовательных школ за счет придания им конкретного уклона на подготовку работников для советских и хозяйственных учреждений.

Были предусмотрены меры по повышению ответственности партийных комитетов и организаций, руководителей наркоматов, ведомств, предприятий и учреждений, комиссий по коренизации при ЦИК и кантисполкомах за выполнение принятых решений.

Решения пленума получили дальнейшую конкретизацию в специальном постановлении Исполбюро Киробкома. Оно обязывало ЦИК и Совнарком ККАО не позднее, чем в месячный срок, издать ряд декретов, направленных на практическое выполнение задач коренизации. При этом перевод делопроизводства на кыргызский или другие местные языки должен был занять не более года со дня издания декрета.

В те годы основными формами подготовки кадров были институты практиканства, стажерства местных кадров в центральных районах страны, краткосрочные курсы, учебные заведения, система партийного просвещения и особенно выдвиженчество.

В первое время после образования области необходимость оперативного формирования аппаратов партийных, советских, хозяйственных и других организаций привела к интенсивному выдвижению представителей коренной национальности. Однако выдвиженчество носило узкокабинетный, негласный характер. В нем почти не участвовали даже ячейки партии, комсомола и профсоюзов, не говоря уже о широких массах трудящихся. Келейность, игнорирование мнения общественности при подборе и расстановке кадров из распространенного явления, каким они были уже на начальном этапе становления областной партийной организации, превращались в норму по мере укрепления сталинского “административно-нажимного” метода руководства.

Так, еще не состоялась первая организационная областная партийная конференция, а судьба первого и второго секретарей обл-оргпартбюро М.Д. Каменского и Ю. Абдрахманова была уже предрешена частным письмом от 1 марта 1925 г. председателя Средазбюро ЦК РКП(б) И.А. Зеленского Л.М. Кагановичу. Он писал: “По всей видимости, изменить руководящий состав Кара-Киргизской парторганизации – неизбежно. По-видимому, придется снять и Абдрахманова, и Каменского и выдвинуть кое-какие новые фигуры..., менее драчливые и более связанные с низами. Однако непременным условием для создания работоспособной обстановки в Кара-Киргизии является посылка туда трех крупных европейских работников: секретаря обкома, зам. председателя облисполкома и начальника ГПУ”¹.

Вскоре Ю. Абдрахманов отзывается в распоряжение Средазбюро ЦК ВКП(б), М.Д. Каменский заменяется Н.А. Узюковым, заместителем председателя облисполкома становится И.А. Фатъянов, а начальником ГПУ – Кекин – все направленные из центра. К счастью для республики все они оказались достойными людьми. К сожалению, в последующем они разделили горькую судьбу лучшей части партии, выбитой Сталиным и его окружением. Н.А. Узюков застрелился в Свердловске в 1937 г. перед арестом, а

¹ ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, д. 74, л. 119.

И.А. Фатьянов 16 лет провел в лагерях и, освободившись после XX съезда партии, еще успел поработать в Ленинграде.

Следует отметить, что в 20–30-е годы командирование по инициативе ЦК ВКП(б), ВЦИК и Средазбюро ЦК опытных партийных, советских и хозяйственных работников служило одной из вполне оправданных и действенных форм решения кадровой проблемы в регионе. В 1925–1932 гг. в Кыргызстан было направлено более 500 человек. Подавляющее большинство из них, в частности Н.А. Узюков, В.Б. Шубриков, М.М. Кульков, А.О. Шахрай, М.Д. Белоцкий, И.А. Фатьянов, В.И. Буров-Петров, В.Г. Венжер и многие другие, внесли значительный вклад в социально-экономическое развитие республики, воспитание национальных кадров. Почти все они стали жертвами репрессий в 1937–1938 гг.

В то же время слабое знание местных условий, традиций, особенно языка коренного населения, мешало многим из них в выборе правильной тактики действий, широком использовании политических методов воздействия на людей. В силу этого отдельные посланцы центра увлекались администрированием, что на местах нередко воспринималось как проявление шовинизма. Хуже того, из-за незнания местной специфики такие работники нередко занимали ошибочные позиции по тем или иным принципиальным вопросам. Например, М.Д. Каменский, будучи первым секретарем облорг-

партбюро, не понял природы и сущности родоплеменной борьбы, одним из проявлений которой в новых условиях была групповая борьба, и ошибочно полагал, что она является постоянной необходимостью и характерна для коренного населения области. Поэтому он пытался бороться с групповщиной с помощью самих группировщиков, используя одних против других.

В декабре 1927 г. Исполбюро Киробкома намечает конкретные меры по развитию дела выдвиженчества. Оно начинает проводиться на более демократической основе, при широкой гласности. В периодической печати стали регулярно публиковаться списки выдвиженцев с указанием, откуда они выдвинуты, на какую работу направляются, а также материалы о последующей деятельности некоторых из них.

О масштабах и характере этой работы можно судить по данным за 1931–1932 гг., когда в целях “обатрачивания” центральных советских, кооперативных, хозяйственных и общественных организаций

было выдвинуто 1023 человека: 792 коммуниста, 145 членов ВЛКСМ и 86 беспартийных, из них 710 кыргызов, 172 представителя других местных национальностей и 135 европейцев. Среди выдвиженцев было 240 женщин, в том числе 134 кыргызки.

Безусловно, такое массовое выдвижение выходцев из трудового народа в Кыргызстане было объективно необходимым и исторически прогрессивным явлением. Таким образом расковывалась общественно-политическая активность масс, стимулировалось повышение общеобразовательного, культурного и политического уровня и в конечном счете создавались благоприятные предпосылки для формирования национального отряда кадров. В то же время здесь имелись и определенные издержки. Превращение выдвиженчества в периодические массовые и шумные кампании сказалось на качестве подбора кадров. Поскольку главным критерием при выдвижении было социальное происхождение и возможная в то время мало-мальская грамотность, а деловые и нравственные качества зачастую отступали на второй план, то в аппарат управления попадали малоспособные, а иногда и случайные люди, карьеристы.

В ноябре 1928 г. Ю. Абдрахманов, возмущаясь выдвижением на руководящую партийную должность работника, который буквально за несколько дней до этого обоснованно характеризовался первым секретарем Киробкома В. Шубриковым как человек, способный ради карьеры в течение часа несколько раз поменять свою позицию, писал: “По-видимому, сейчас считается правильным иметь того, кто послушнее, у кого нет и ослиной доли личного Я и никакой элементарной политической честности...”

Пагубная политика для роста большевистских кадров из националов”¹.

Многие из выдвиженцев, особенно на первых порах, старались компенсировать отсутствие компетентности в делах заученными лозунгами, общими призывами, всемогущим требованием “надо”, командным стилем руководства. Можно с уверенностью сказать, что определенная часть их стала “первопроходцами” административно-командного стиля в государственном, хозяйственном и партийном аппаратах, от которого советская система не избавилась и в последующие годы своего существования.

¹ *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма Сталину. – С. 115.

Широкое выдвижение на руководящие должности не обладающих профессиональной компетентностью людей в известной степени послужило, наряду с другими многочисленными причинами, толчком к усилению тенденции подмены, мелочной опеки партийными комитетами советских и хозяйственных органов. Любые хозяйственные кампании – посевная, поливная, уборочная, окотная и т.д. – стали проводиться только на основе утвержденных партийными комитетами развернутых документов, официально называвшихся “сталинскими путевками”, где расписывалась вся технология работы – до мелочей.

Оценивая деятельность партийных, советских, хозяйственных, общественных работников в 20–30-е годы, мы всегда должны помнить, что они в подавляющем своем большинстве были безоговорочно преданы революции, социалистическому переустройству родного края, но не всегда верно ориентировались в великом множестве экономических и политических проблем. Это было одной из многих причин безоговорочного принятия ими к неукоснительному исполнению и руководству сталинской упрощенной схемы строительства социализма, командно-нажимной, репрессивной системы управления.

Выдвиженцы, в основном вчерашние батраки и рабочие, только что ликвидировавшие азбучную неграмотность, нуждались в особой заботе, теоретической и практической помощи. Действенной системой их подготовки и переподготовки стала курсовая учеба. Каждый год в летнее время обком организовывал серию курсов для различных категорий работников. Были созданы и постоянно действующие курсы. Окружные, кантонные, волостные, районные партийные комитеты проводили свои курсовые мероприятия. В 1929–1930 гг. в республике на различных краткосрочных курсах обучалось 3165 человек. В летний период 1931 г. только на двухмесячных курсах прошли переподготовку 70 женских работников, 50 батраков, 100 пропагандистов, 200 секретарей партячеек, 60 комсомольских работников районного масштаба¹.

После размежевания Средней Азии Кыргызстан получает более широкие возможности для подготовки национальных кадров в вузах и средних специальных учебных заведениях страны. Дело в том, что

¹ *Миртов В.В.* Идеиное и организационное укрепление областной партийной организации Киргизии. – Фрунзе, 1968. – С. 210.

до 1924 г. для обучения кыргызской молодежи ни в одном учебном заведении специально места не бронировались. Но уже в 1924/25 учебном году в организованном порядке только в Ташкентский институт просвещения были приняты около 40 кыргызов¹.

К началу 1925/26 учебного года Кыргызстану было выделено 56 мест в вузах страны: 47 – в САГУ, 9 – в вузах РСФСР. Однако направить на обучение в вузы людей при тогдашнем уровне образованности населения было нереальным. Поэтому Киробком просил Средазбюро ЦК РКП(б) о замене 20–25 мест в вузах местами на рабфаках и в средних специальных учебных заведениях. Среди направленных в вузы кыргызы составляли 50%, представители других местных национальностей – 10, европейцы – 30%, на рабфаки – соответственно 75, 15 и 10%.

В 1926/27 учебном году Кыргызстан получил первых 23 выпускников из числа ранее организованно направленных на учебу, а продолжали учебу уже 728 человек. Из них 45,5% составляли кыргызы, 25,7% – представители европейских национальностей, 9,2% – татары, 6,7% – узбеки, 4,9% – дунгане, 3,7% – уйгуры, 2% – казахи².

Однако в силу объективных причин (необходимость форсированного формирования аппаратов управления, ликвидации почти поголовной неграмотности населения) в те годы была допущена вынужденная “однобокость” – основное внимание уделялось подготовке учительских кадров, работников культурно-просветительных учреждений и управления.

Здесь нельзя не отметить, что такая тенденция, к сожалению, сохранялась долгие годы. Так, в 1983 г. кыргызы составляли 51,6% работников народного образования, 46,6% специалистов в области литературы и искусства, 40,4% работников аппаратов управления и только около 13% кыргызов было среди инженерно-технических работников. И тем не менее 6 из 10 вузов, имевшихся в республике, продолжали готовить учителей. Эта специальность в силу ряда причин более всего привлекала кыргызскую молодежь. Несмотря на то, что по итогам вступительных экзаменов в вузы зачислялись лишь около 30% из числа абитуриентов-кыргызов, а из числа других национальностей – 50–60% и более, доля кыргызов среди студентов в республике доходила до 60–63%. Такое положение создавало почву для недовольства представителей как коренной, так и других

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 102, л. 156–157.

² Там же, д. 18, л. 1–5.

национальностей. Однако простой подгонкой цифровых показателей национального состава студентов разрешить ситуацию было нельзя, требовалась правильная профориентационная работа, открытие новых или перепрофилирование имевшихся вузов.

В 20-е годы, в условиях осуществления курса на выдвиженчество и коренизацию аппаратов вчерашние рабочие и батраки, поставленные на руководящие посты, быстрее накапливали практический опыт, нежели политические знания, что не отвечало интересам системы. Как отмечалось на IV областной партийной конференции (1927 г.), быстрые темпы экономического и социально-культурного роста области сопровождались “количественным ростом актива и накоплением у такового навыков практически-ведомственной работы, что при отсутствии поставленной на должную высоту партийно-воспитательной работы создает несоответствие между теоретическим и практическим ростом актива и в значительной мере затрудняет большевизацию рядов нашей парторганизации”¹.

Действенным средством “вооружения коммунистов и беспартийного актива знанием основ марксистской науки, политики партии” должна была быть система партийного просвещения, однако по уровню образования, общей культуры и политической зрелости подавляющее большинство слушателей системы политической учебы, за редким исключением, еще не было готово к восприятию революционной теории. Слабо помогали в этом и занятия в кружках и политшколах, которые по существу были “громкой читкой” партийных документов, речей, статей “вождя народов” или коллективным осуждением очередных проявлений враждебных “измов” и уклонов.

Все эти достаточно противоречивые и неоднозначные по значению меры по выдвижению, подготовке и переподготовке кадров из числа представителей местных национальностей позволили к началу 30-х годов завершить в основном коренизацию партийного и советского аппарата. В конце 1929 г. среди членов обкома партии и областной контрольной комиссии представители местных национальностей составляли 70%, среди членов райкомов – 66, районных контрольных комиссий – 60, бюро райкомов – 65, секретарей райко-

¹ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. I. – С. 151.

мов – 81¹. В обкоме, в ЦИКе, в Совнаркоме было введено делопроизводство на двух языках (кыргызском и русском), в районах с преобладающим местным населением – на кыргызском или узбекском, в зависимости от национального состава жителей.

Однако директива обкома партии и ЦИК Киргизской АССР по коренизации аппаратов наркоматов республиканских учреждений и организаций оставалась невыполненной до конца. На 1 декабря 1932 г. в аппаратах наркоматов республики работало 115 кыргызов, что составляло 21,7% от общего числа их работников. В 89 из 96 республиканских учреждений и организаций, представивших в обком партии сведения, кыргызы составляли лишь 11,7% служащих. Степень коренизации по отдельным номенклатурам должностей выглядела следующим образом: среди обслуживавшего персонала – 6,9%, специалистов низших квалификаций – 10,9, средней квалификации – 8,2, старших руководящих работников – 30,8%. Следовательно, при общем низком уровне коренизации она шла в основном за счет руководящих работников.

С учетом этих обстоятельств Исполбюро Киробкома в декабре 1932 г. принимает специальное постановление, которым предусматривалось завершение к 1 июня 1934 г. коренизации республиканских аппаратов по номенклатурам должностей: старший административно-руководящий персонал – до 70%, средний – 75, обслуживающий персонал – до 80%. Введение делопроизводства на двух языках должно было быть завершено к 1 апреля 1933 г.

Однако воплотиться этим планам в жизнь было не суждено. Дело не только в том, что они были составлены в духе “революционного нетерпения”, без должного учета реальных возможностей и целесообразности. Просто к тому времени в масштабе всей страны уже началась широкая репрессивная кампания, в основе которой лежало указание Сталина о том, что “уничтожение классов достигается не путем потухания классово́й борьбы, а путем ее усиления”.

По надуманному обвинению в национализме и принадлежности к мифической Социал-Туранской партии были репрессированы все без исключения местные кадры – работавшие в разное время секретарями обкомов партии и комсомола, председателями ЦИК и СНК Киргизской АССР, 14 из 16 возглавлявших в разное время наркоматы республики. Такая же судьба постигла многочисленных

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 342, л. 12.

работников партийных, советских и хозяйственных органов, общественных организаций среднего и низшего звена.

Серьезный урон кадровому составу нанесла групповая борьба, сопровождавшаяся, как правило, взаимными обвинениями, особенно в буржуазном национализме, родственных связях с бай-манапскими и кулацкими элементами. В условиях, когда все еще были сильны пережитки родовых отношений, а кыргызы с общим предком даже в седьмом колене считались ближайшими родственниками, найти “социально чуждые элементы” среди родственников любого коммуниста-кыргыза не составляло особого труда. По-видимому, отчасти и этим объясняется тот факт, что с 1 января 1934 г. по 1 мая 1937 г. в процессе чистки и проверки партийных документов состав республиканской парторганизации сократился на 46,7%, а численность членов партии – представителей местных национальностей – на 67,7%, кандидатов в члены партии – на 74%¹.

Понятно, что в таких условиях постановка вопроса о коренизации аппаратов и переводе делопроизводства на кыргызский язык легко могла быть истолкована как проявление местного национализма. К сожалению, одним из первых, еще в 1934 г., от ведения делопроизводства параллельно на двух языках отошел сам областной комитет партии. Многие наркоматы и республиканские организации вскоре сделали то же.

Если в первое время причиной этого были боязнь обвинения в национализме, нехватка подготовленных кадров, то в последующем – изменившаяся демографическая обстановка в республике, последствия концепции “решенности, беспроблемности” межнациональных отношений в стране, искаженное понимание на практике сущности интернационализма, когда главным критерием его являлся чуть ли не полный отказ от всего национального.

Хотя никогда и никем, ни прямо и ни косвенно не было дано установки о ведении делопроизводства преимущественно на русском языке, в так называемые “застойные” годы даже в сельских районах, где проживало до 80% коренного населения, увеличилось число организаций и учреждений, перешедших на него. В известной степени в этом выразилось и стремление некоторых местных руководителей быть как можно быстрее замеченными и отмеченными центром, правда, не столько по реальным заслугам,

¹ ЦГА ПД РК, ф. 56, оп. 4. д. 5, л. 127.

сколько по сглаженным, приукрашенным докладам и отчетам, которые скорее прочтут и оценят.

Так совокупность объективных и субъективных причин, в том числе и действия отдельных руководителей, поставивших свое личное благополучие и карьеристские устремления выше национальных интересов, привели к созданию в республике обстановки, снижающей значение языка коренной национальности в ее социальном и духовном развитии. Это, в частности, проявилось и в серьезном сужении кадрового резерва партийных, советских и хозяйственных органов, общественных организаций и учреждений.

Нынешняя общественная практика обнажила и многие другие упущения и ошибки в экономическом, социально-политическом и духовном развитии в СССР в целом и в Кыргызстане как союзной республике в том числе. Здесь дают о себе знать и недостатки в формировании рабочего класса и подготовке высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства. Многие из этих негативных моментов уходят своими корнями в 20-е и 30-е годы, являются следствием сталинских репрессий в отношении кадров, непоследовательности и искажения сути политики коренизации. Иные были вызваны характерным для застойных лет замалчиванием проблем, инертностью и медлительностью в устранении причин, порождающих деформации в области межнациональных отношений.

Разумеется, что даже при полной суверенности государства речь не может идти о реанимации в первоначальном виде политики коренизации, выполнившей в основном свою миссию в 30-е годы. В условиях перехода на рыночные отношения, например, вряд ли приемлемо выдвижение кадров на руководящую работу по принадлежности к коренной национальности или по цензу оседлости. Определяющими здесь должны быть компетентность, организаторские способности, предприимчивость и нравственные качества, знание традиций, особенностей и языка, на котором общается подавляющее большинство данного трудового коллектива или населения региона, или, по крайней мере, стремление к его пониманию. Оперативного общественного реагирования требуют в условиях выборности руководящих кадров из числа альтернативных кандидатур нездоровые проявления административного диктата, местнических и групповых интересов, пережитков родоплеменных отношений.

5. Попытки преодоления пережитков родоплеменных отношений

Сложность решения задач социально-экономического переустройства в Кыргызстане была обусловлена тем, что приходилось преодолевать сопротивление не только господствующей феодально-клерикальной, зарождающейся буржуазной, но и все еще сильной патриархально-родовой идеологии.

В отечественной научной литературе сущность, формы и методы борьбы с проявлениями пережитков родоплеменных отношений освещены и слабо, и противоречиво, многие выводы и обобщения нуждаются в серьезном переосмыслении.

Однако на это были определенные причины. Уже к середине 20-х годов у некоторых научных, руководящих партийных, советских работников Средней Азии, в том числе и Кыргызстана, из-за недостаточного знания местных условий и особенностей начинает складываться мнение, что с наиболее очевидными проявлениями родоплеменных отношений покончено. Так, первый секретарь только что созданного Киробкома М.Д.Каменский в отчете облпартбюро за период с 12 ноября 1924 г. до 1 марта 1925 г. указывал: “Как выяснилось, групповая борьба в Кара-Киргизии не имеет под собой никакой принципиальной ориентации. Старание некоторых представителей подвести под групповую борьбу якобы родовую вражду не имеет основательной базы”.

В какой-то мере такое “забегание вперед” в оценках внутривнутрипартийной жизни допускали и преемник М.Д. Каменского первый секретарь Киробкома партии Н.А. Узюков, да и руководство Средазбюро ЦК ВКП(б)¹.

На ситуацию в республике в этой сфере повлияло и то, что к концу 30-х годов начала пробивать себе дорогу концепция успешной эволюции ранее отсталых народов во всесторонне развитые социалистические нации. В этих условиях указание на пережитки патриархальщины исследователям из центра казалось неэтичным, местным – непатриотичным, и тем, и другим – еще и аполитичным. Кроме того, тогда, да и в совсем недавнем прошлом, замалчивание пережитков родоплеменных отношений было на руку некоторым

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 33, л. 133.

подверженным их влиянию работникам, занимающим ключевые позиции в административной системе.

Между тем тысячелетиями выступавшие в качестве ядра общины формы, социально-экономических связей членов рода, игравшие определяющую роль в производстве материальных благ и их распределении, воспроизводстве потомства и его воспитании, культовых действиях, управлении и т.п. родоплеменные отношения не могли “сойти со сцены” за несколько лет. Они требовали, особенно в первое время, глубокого анализа и взвешенного подхода. Дело в том, что отдельные элементы доклассовых патриархально-родовых отношений могли быть вполне полезными при утверждении форм отношений нового общества. К ним, например, можно отнести некоторые традиции коллективного труда, общего пользования угодьями, внутриобщинной демократии, ответственности рода, ветви или колена за поступки и судьбу каждого сородича, заботы о воспроизводстве и воспитании потомства, способного к труду и нормальным социальным отношениям, взаимопомощи и взаимовыручки в мероприятиях, требующих определенных материальных и трудовых затрат (похороны, аш, той, и т.д.).

К сожалению, из-за характерного для того периода огульного отрицания почти всего прошлого, в том числе и имеющего непреходящее значение как общечеловеческие ценности, наряду с борьбой с вредными проявлениями родоплеменной идеологии был нанесен урон и некоторым прогрессивным, охраняющим нравственные устои членов общества.

Безусловно, в пережитках родоплеменных отношений и их идеологии было много моментов, которые, выполнив свою историческую миссию в условиях кочевого образа жизни, отсутствия государственности, в период революционного переустройства общества стали тормозить общественный прогресс. Так, отрицательно сказываясь на миграционной подвижности в прошлом кочевого народа, пережитки трайбализма до сих пор выступали одной из причин, тормозящих формирование национального отряда промышленных рабочих. Имевшие место в недавнем прошлом избияния кадров то одного, то другого региона и преимущественное выдвигание из третьего – еще одно свидетельство того, что некоторые моменты идеологии родоплеменных отношений все еще сохраняют свою силу. Сила родоплеменных отношений стала еще более

очевидной в условиях выборности руководителей, народных депутатов из числа альтернативных кандидатур.

А в первые годы советской власти было еще сложнее. Тогда родоплеменная идеология приводила подчас к открытому сопротивлению некоторым мероприятиям власти, во многих случаях спровоцированному неумелыми, а порою противоестественными действиями представителей власти, как, например, в вопросах оседания и коллективизации (борьба против “родовых” сел и колхозов).

Была ли групповая борьба явлением, присущим только Кыргызстану? Исторические факты говорят о том, что в той или иной степени она была характерна для всех регионов Средней Азии и Казахстана. Это обуславливалось низким уровнем политической культуры, традициями прошлого образа жизни народных масс, стремлением представителей свергнутых эксплуататорских классов путем проникновения в ряды партии и в партийно-советский аппарат использовать новые порядки в своих интересах. Имело значение и то обстоятельство, что многие должностные лица – выходцы из трудового народа на первых порах копировали бай-манапские средства и методы управления, поскольку не знали других.

Проникновение в ряды партии социально чуждых элементов было неизбежно. Правящее положение партии, последовательность и принципиальность ее линии в вопросах войны и мира, политических, социально-экономических прав ранее угнетенных народов, развития культуры, народного образования и т.д. совпадали с интересами демократически настроенных представителей имущих классов национальных окраин и привлекали их к партии. В силу этого, как указано в обращении ЦК РКП(б) от 29 мая 1918 г. ко всем комитетам, группам и членам РКП(б), в партию “влилось много элементов, чуждых ей по своему классовому положению, своей психологии, элементов, не подготовленных для восприятия пролетарского мировоззрения, пролетарской дисциплинированности и способности к стройной организации”¹.

Указывая на своеобразие становления партийной организации Кыргызстана, происходящего в основном после превращения партии большевиков в правящую, Ю. Абдрахманов в мае 1925 г. отмечал, что “наряду с теми малочисленными людьми, которые шли к партии как к авангарду рабочего класса, трудового крестьянства – дехканства в их борьбе за свое лучшее будущее, шли бай, манапы,

¹ Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 4. – С. 150.

кулаки, карьеристы и иные проходимцы. Хотя чистки рядов РКП в последующих годах дали весьма ценные результаты, но все же более увертливые элементы продолжали и продолжают оставаться в рядах РКП”¹.

Эти более “увертливые” и та часть партийцев из числа демократически настроенных представителей имущих классов, интересы которых по мере углубления социальных преобразований разошлись с интересами трудового народа, которые в силу своей социальной природы оказались лишь временными попутчиками революции, составляли главную движущую силу групповой борьбы. Они в своих целях использовали также неустойчивую часть членов партии и работников партийно-советского аппарата из числа представителей трудящихся масс. Так, в 1925 г. последние составили почти половину из 28 активных деятелей худакуловской группировки и около 20% – из объединявшей немногим более 30 человек сыдыковской².

Бай-манапские элементы, проникая в партийные ряды и аппарат, вносили туда элементы традиционного былого родового противоборства из-за пастбищ, водоемов и господства друг над другом. Но изменилась цель, несколько иными стали формы и методы борьбы. Она велась теперь за те или иные руководящие посты в партийно-государственном аппарате. Как отмечено в резолюции I областной партконференции, “бай-манап продолжает стремиться к управлению, лишь с той разницей, что в прошлом он покупал место волостного управителя, а теперь пытается получить его путем использования родственных связей”³.

Баи, манапы и родовая верхушка стремились захватить в свои руки ключевые административные посты, расправиться при этом любыми средствами – от наговора, клеветы, ложного обвинения и подкупа до физической расправы – с представителями противоборствующей стороны.

Как показывают архивные документы, все годы переходного периода групповая борьба внутри молодой кыргызской партийной организации то разгоралась (особенно в периоды выборов и формирования руководящих органов), то притухала, но постоянно оставалась фактором, не только ослабляющим ее, но и тормозящим

¹ ЦГА ПЦ РК, ф. 10, оп. 1, д. 804, л. 22–23.

² Там же, д. 28, л. 52–54; д. 33, л. 127–132.

³ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. I. – С. 15.

решение многих политических, экономических и социальных проблем.

Особенно отчетливо это видно из истории борьбы наиболее крупных – сыдыковской и худайкуловской – групп, продолжавшейся почти десять лет. Рассмотрим этот вопрос более подробно, что важно, в частности, для правильной оценки деятельности отдельных личностей, принимавших активное участие в общественно-политических делах в первые годы советской власти.

Вскоре после Февральской революции в Пишпекке и его окрестностях активизируется деятельность левых эсеров. Членами этой партии из числа представителей местной национальности становятся И. Айдарбеков, Т. Худайбергенов, И. Кобеков, С. Мураталин, Т. Чукин и другие, в основном выходцы из бай-манапской среды, занимавшие различные посты в царской административной системе.

В это же время Сыдыков и Тулин создают Пишпекскую организацию партии “Алаш”¹, куда тоже вошли в основном представители имущих классов. В последующем происходит слияние левых эсеров и кыргызского комитета “Алаш”. Сыдыков – бывший переводчик уездного начальника – становится заместителем уездного комиссара Временного правительства, Чукин из переводчика судьбы превращается в участкового комиссара. Примерно так же “устроились” и другие.

Широкое распространение влияния партии большевиков среди трудящихся кыргызов привело к тому, что их передовые представители, такие, как К. Сарыкулаков, К. Сандыбаев, Х. Хасанов, Ш. Бообеков, Ж. Бапаков, И. Худайбергенов и другие, становятся членами большевистской ячейки, возглавляемой А.И. Иваницыным. Под руководством большевиков Сарыкулакова, Сандыбаева, Муратова в мае 1917 г. создается кыргызский демократический союз “Букара” (“Бедняк”), который к осени того же года объединял уже более 7 тысяч человек. В дальнейшем он станет основой другой массовой организации – союза “Кошчу” (“Пахарь”), к руководству которой приходит Р. Худайкулов.

Закономерно, что ожесточенные классовые конфликты, выразившиеся в борьбе между Советами и Временным правительством, большевиками и буржуазными и мелкобуржуазными партиями за влияние на массы и за власть до и после Октябрьской революции,

¹ РЦХИДНИ, ф. 6, оп. 2, д. 6838, л. 25; ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, д. 74, л. 29.

имели продолжение и в борьбе между представителями кыргызского народа, принадлежавшими к той или иной партии или группировке.

После установления советской власти в Пишпеке, летом 1918 г. кыргызский комитет “Алаш” был разогнан. Но его лидеры, благодаря тому, что являлись членами левозсеровской партии, находящейся в союзе с большевиками, сохранили свои посты.

После слияния большевистских и левозсеровских организаций А. Сыдыков становится членом РКП(б) и на Джетысуйской областной конференции Компартии Туркестана избирается в состав Мусульманского бюро обкома партии, а вскоре занимает пост зампреда облисполкома. Борьба среди ответработников-кыргызов за ключевые посты в партийных, советских органах разворачивается все шире, и это приводит к оформлению соперничающих групп (по родовым признакам). Возникают группы, возглавляемые А. Сыдыковым, И. Арабаевым и Ю. Абдрахмановым, объединяющие представителей родов солто, бугу и саяк. Однако то обстоятельство, что Северный Кыргызстан в качестве окраины входил в состав Джетысуйской и Сырдарьинской областей, а кыргызы в них составляли национальное меньшинство, социально-политические, экономические и культурные запросы которого учитывались не всегда в полной мере, привело к объединению этих трех групп под главенством А. Сыдыкова. И вплоть до национального размежевания Средней Азии в этой объединенной группе активно участвовали около 20 крупных работников¹.

В это время одной из массовых и влиятельных организаций в Средней Азии, в том числе и в Кыргызстане, являлся союз “Кошчу”. Его руководителями в Северном Кыргызстане оказались в основном представители колена тынай рода сарыбагыш во главе с Р. Худайкуловым.

Учитывая влияние союза “Кошчу” и роль, которую он мог бы сыграть в реализации их замыслов, сыдыковцы стремятся подчинить его себе. Это встретило яростное сопротивление Худайкулова, который сам стремился стать “калк атасы” (“вождем народа”).

В ходе борьбы Сыдыков не преминул использовать свое высокое положение и старые методы борьбы. Он добился ареста Сандыбаева и Худайкулова. Первый просидел в тюрьме долго, а второй вскоре освободился. В свою очередь Худайкулов, будучи уполномоченным по проведению земельной реформы в Пишпекском уезде, настоял на принятии решения о выселении из Кыргызстана

¹ РЦХИДНИ, ф. 6, оп. 2, д. 6838, л. 23.

наряду с другими манапами брата верного сыдыковца Чукина, братьев и отца самого Сыдыкова.

Таким образом, в борьбе сыдыковской и худайкуловской групп на начальном этапе воедино сплелись классовые, родовые, национальные мотивы, личные амбиции и интриги их лидеров.

Наивысшего накала борьба между этими группами достигает вокруг вопроса об образовании Горной области и в период национального размежевания Средней Азии и создания Кара-Киргизской автономной области. Главная причина – борьба за ключевые руководящие посты во вновь образуемой области. Но был и принципиальный вопрос: сыдыковцы стояли за вхождение Кара-Киргизской автономной области в состав РСФСР, а худайкуловцы – за вхождение ее в состав Казахской АССР.

Очевидно, в этом сказалась и личная незаинтересованность Худайкулова в выделении Кыргызстана из состава Казахстана. Он был представителем натурализовавшегося среди кыргызов казахского рода абла. По всей вероятности, этот момент использовался умело и сыграл важную роль в его стремительном возвышении. Образование же отдельной Горной области и потому лишение поддержки руководящих казахских работников в условиях ожесточенной групповой борьбы на основе родоплеменного противоборства не сулило Худайкулову ничего хорошего.

После принятия решения о национальном размежевании Средней Азии создается специальная комиссия, в которую от Кыргызстана включается Ю. Абдрахманов. 6 июля 1924 г. решением Средазбюро ЦК РКП(б) ему же поручается составление временного партбюро будущего Киробкома РКП(б). А. Сыдыков играет ведущую роль в его тайном “орготделе”, в существовании которого признавался Ю. Абдрахманов. 15 июня Средазбюро ЦК РКП(б) утверждает временное партбюро, в которое входили 8 человек (в основном сыдыковцы, за исключением самого Худайкулова).

18 октября 1924 г. ЦК РКП(б) утверждает окончательный состав партбюро Кара-Киргизской автономной области. В него вошли: секретари – М.Д. Каменский, Ю.Абдрахманов; члены – И. Айдарбеков, И. Арабаев, Д. Бабаханов, М. Ботбаев, Г.Г. Гросс, Д. Зульфихаев, П.П. Покровский, Р. Расулов, Т. Токбаев, С. Туленов, Р. Худайкулов (10 кыргызов, один русский, один еврей и один венгр).

В этом составе партбюро худайкуловцы оказались в меньшинстве. Используя организацию союза “Кошчу”, они переносят борьбу в массы. Организуются отряды “Кедей токмок” (“Бедняцкий кулак”), “Ур токмок” (“Колотушка”) (по существу хулиганско-

погромные организации) для устрашения, избияния непокорных баев и манапов (а по существу – сторонников противоборствующей группировки). Члены вновь созданной организации прикрывают свои действия демагогией: “если партия и советская власть не в состоянии справиться с врагами, то мы справимся сами”. “Закон кедея и власть кедея – кулак” – вот формула их действий. Организация протестов по поводу состава облоргпартбюро и облревкома, выразившихся в срыве реализации отдельных мероприятий советской власти, подаче групповых жалоб, а также барымта, избияние, убийство противников стали главным “средством борьбы” группы Худайкудова – Бабаханова.

В этой исключительно сложной обстановке от нейтральной части руководства, прежде всего от первого секретаря облоргпартбюро М.Д. Каменского требовались компетентность, гибкость и принципиальность. К сожалению, первый секретарь, симпатизируя Худайкулову из-за его социального происхождения (из середняков), принимая всерьез его левацко-демагогические заявления, не поняв, что сплоченная им с помощью аппарата союза “Кошчу” группа является таким же послушным орудием баев и манапов, как сыдыковская, делает ставку на худайкуловско-бабахановскую группу и начинает очищать партийно-советский аппарат от сторонников А. Сыдыкова. Ю. Абдрахманов отзывается в распоряжение Средазбюро ЦК РКП(б). Смещается с поста председателя ревкома области И. Айдарбеков, а сам А. Сыдыков, обозвав первого “мальчишкой”, второго – более хлестким словом, начинает “отходить” к победителям – худайкуловцам.

Все это не только не снизило, наоборот, усилило накал групповой борьбы, в известной степени спровоцировало печально известное “Заявление тридцатки”, направленное в ЦК РКП(б), Национальный Совет, Средазбюро ЦК РКП(б) и Киробком партии. Поскольку содержание заявления покрыто тайной, оно вызывало крайне противоречивые суждения и столь же противоречивые оценки – от “контрреволюционно-националистического” до “антипартийно-оппозиционного”. Поэтому считаем целесообразным привести полный текст заявления.

“Национальное размежевание Средней Азии и создание Автономной Киргизской области должно было внести единство среди киргизского народа и постепенно ликвидировать родовую вражду и все те группировки, которые создавались как следствие долгих лет колониальной политики, проводимой царским

правительством на далекой окраине Средней Азии. Эта политика сказывалась в двух направлениях: первое – явная поддержка байско-манапских элементов и второе – постепенное русифицирование Туркестана. Национальная политика Коммунистической партии и Советской власти имеет совершенно другие тенденции, для осуществления которых требуются правильные и твердые линии руководящего областного органа в лице Обкома РКП(б). Эта линия должна была сказаться, прежде всего, в изжитии взаимной недоговоренности среди партийного актива из местных коренных работников и создании полного батрацкого ядра около советских органов власти, особенно в кишлаке, ауле и деревне. Параллельно с этим была слабо выявлена линия выдвижения работников из низов и необходимая в наших условиях планомерная коренизация с переводом делопроизводства на киргизский язык.

С самого начала работы Обкома РКП(б), избранного на 1-ой Учредительной конференции, партийный советский аппарат строился по групповому принципу близости и личной связи того или иного работника с руководящей верхушкой Обкома. В результате этой линии в работе не только не была внесена твердость и ясность и необходимость оздоровления взаимоотношений, но еще больше разгорелась как внутривнутрипартийная групповая борьба, так и особенно родовая борьба в массах, что вносило полное разложение в работу и, в лучшем случае, топтание на месте. Вместе с тем явно выявилась линия игнорирования целого ряда коренных работников, достаточно опытных, знающих прекрасно местные условия работы и могущих быть полезными партии и Советской власти в проведении правильной линии на местах. Этот дефект в работе был хотя бы частично компенсирован выдвижением новых работников, по деловому принципу. В результате этих мероприятий создалось чрезвычайное обостренное политическое положение, доходящее на местах до открытых столкновений. Естественно, что такая обстановка не могла и не может способствовать планомерному строительству и экономическому укреплению Киргизии.

Основным вопросом, определяющим взаимоотношения между коренным и пришлым европейским населением, является, безусловно, вопрос земельный. Признавая абсолютную правильность линии, взятой нашей партией в разрешении этого большого вопроса, нельзя не остановиться на том, что это преломляется в решениях Киргизского обкома РКП; недопустима ни при каких условиях реставрация земельных отношений, имевших

место до земельной реформы, начинает иметь место, т.е. проскальзывает намерение водворить выселенных в порядке земельной реформы на их старое место жительства. В результате это может создать новое обострение национальных взаимоотношений и свести на нет результаты аграрной революции. Отвергая в корне эту реставрационную политику руководящей части Обкома, мы всецело поддерживаем полное равенство коренного и европейского населения при проведении планового землеустройства, имея в виду устроить в первую очередь в порядке землеустройства безземельные группы населения.

Специфические условия хозяйственной работы в условиях Киргизстана требуют, прежде всего, знакомства с экономикой Киргизстана, что не всегда учитывается руководящим ядром РКП при назначении товарищей в госхозорганы, в результате чего никакой продуктивности и планомерности в работе не замечается. Нуждаясь во ввозе капитала для развития местной экономики, мы имеем совершенно иные капиталы, отошедшие к нам по размежеванию остались в среднеазиатских торгово-промышленных предприятиях, что, естественно, создает тормоз для развития нашего сырьевого дела и торговли.

Кроме того, в сильнейшей мере дает себя чувствовать мелочная опека и вмешательство руководящей власти Обкома даже в техническую работу советского аппарата, что полностью обесценивает, парализует и подрывает авторитет перед широкими массами, ни в какой мере не наблюдается разграничение в работе советского и партийного аппарата, так как Обком занимается всеми вопросами, включая до выселения из квартиры. Постановления партийных съездов и конференций о строгом разграничении советской и партийной работы ни в какой степени не соблюдаются. Имели место случаи вызова отдельных специалистов, того или иного, в Обком и дачи им задания, минуя зав. отделами, что, конечно, подрывает авторитет этих товарищей перед беспартийными служащими. Беспорядочные и часто случайные распоряжения Обкома РКП по советской линии парализуют планомерность в работе, и ни в какой мере не дают возможности вести планомерную работу, диктуемую интересами производства.

В итоге слабости советского аппарата на местах создается широкая возможность в проведении всякого рода поборов принудительного характера, что, конечно, подрывает авторитет партии и советской власти среди населения и может подвести к срыву налоговой кампании.

Просвещение широких трудящихся масс является необходимейшим элементом экономического развития киргизского народа. Этот факт не в достаточной степени учитывается руководящей верхушкой и никакой планомерности в деле народного образования не имеется.

Исходя из всего вышеизложенного, мы, члены РКП, считаем в дальнейшем невозможным продолжение данной линии руководящего ядра Обкома и предлагаем нижеследующие мероприятия:

1. В целях изжития внутрипартийных группировок необходимо строить советский и партийный аппараты, исходя из делового принципа.

2. Должно быть отброшено построение аппарата по групповому принципу.

3. Прекратить всякие гонения, в какой бы форме они не являлись.

4. В отношении руководства советской работой необходимо бросить мелочную опеку, давая лишь руководящие указания советским органам.

5. Необходимо поставить советские органы в такие условия работы, что гарантировало бы максимум продуктивности в таковой: это может быть достигнуто при деловой планомерности и отсутствии дергания, наблюдающегося в настоящее время.

6. Областной Исполнительный Комитет должен быть поставлен в такие условия, что гарантировало бы ему авторитетность, это может быть достигнуто при поддержке Исполбюро Обкома и невмешательстве такового в практическое проведение партийных директив.

7. Указанные условия только могут гарантировать правильность планомерной и нормальной работы области.

8. Если настоящее руководящее ядро Обкома, не могущее учесть местную обстановку и нарушающее постановления съездов, конференций и циркуляры ЦК РКП, не будет заменено, то мы требуем отозвания всех нас от занимаемых должностей, дабы не взять на себя дальнейшей исторической ответственности за судьбу Киргизии”¹.

Как видно из заявления, в нем нет ничего такого, что могло бы быть квалифицировано как “антипартийное” или направленное против диктата партийного аппарата. Наоборот, авторы

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 28, л. 44–47.

неоднократно обвиняют обком партии в необеспечении “твердой линии” и власти партийного аппарата и категорически, даже предлагая собственную отставку, требуют заменить лишь “руководящее ядро Обкома, не могущее учесть местную обстановку и нарушающее постановления съездов, конференций и циркуляры ЦК РКП (выделено нами. – Д. Д.)”.

Нет в заявлении и ничего антисоветского, ибо авторы ратуют за укрепление советских органов путем создания их “батрацко-бедняцкого ядра” и выдвижения кадров “из низов”, за последовательную реализацию политики советской власти во всех сферах общественной жизни.

В то же время в нем содержатся серьезные обвинения в адрес обкома партий. В обобщенном виде они сводятся к обвинениям:

в отсутствии планомерной коренизации аппарата, неосуществлении перевода делопроизводства на кыргызский язык;

в попытке аннулирования результатов земельной реформы 1921–1922 годов;

в непринятии энергичных мер по улучшению народного образования;

в мелочной опеке, подмене советских органов, приведшей к ослаблению советского аппарата, злоупотреблениям, срывам важнейших народнохозяйственных мероприятий, в том числе и налоговой работы;

в непринятии мер по сохранению денежных средств и другого имущества, принадлежащего Кыргызстану и вывозимого по нацразмежеванию;

в формировании партийного и советского аппарата по групповому признаку, выдвижении на руководящие посты хозяйственных органов лиц, слабо знающих специфику Кыргызстана.

Попробуем проанализировать состоятельность обвинений по каждому из перечисленных моментов, за исключением вопросов коренизации (о чем мы уже говорили) и народного образования (который будет рассмотрен в главе III).

Была ли со стороны обкома партии попытка реставрации порядков дореформенного землепользования? Анализ архивных документов показывает, что повод для такого разговора был, но не более того.

В начале 1924 г. 69 хозяйств поселка Юрьевского и 22 хозяйства поселка Байтик-Павловского и несколько других, оставшиеся после реформы без наделов, обращаются с жалобой во ВЦИК СССР.

Вопрос передается на рассмотрение Особой комиссии ВЦИК, которая направляет телеграфное указание Киробкому о “вселении” юрьевцев на старые места. Почти одновременно от Средазбюро ЦК РКП(б) поступает указание создать комиссию для изучения данного вопроса. В силу сложившихся обстоятельств с 28 марта по 14 июня 1925 г. Исполбюро Киробкома действительно 4 раза обсуждало вопрос о земельных отношениях: 28 марта создается комиссия по проверке вопроса о наделении землей юрьевцев; 2 апреля – по докладу комиссии принимается решение о том, что поскольку “земля крестьян села Юрьевского роздана коренному населению, Исполбюро Обкома РКП считает невозможным возвращение их обратно и поручает облисполкому включить в план землеустройства для наделения их землей в порядке общего землеустройства”; 19 мая к этому решению добавляется вывод о том, что “обратное вселение их вызовет осложнение межнациональных трений и возникновение бесконечных споров...”; 14 июня – юрьевцы получают отказ на просьбу о возвращении клеверника ввиду того, что он используется коренным населением, кроме того, он уже скошен¹.

Таким образом, слухи о предстоящем пересмотре результатов земреформы были беспочвенны.

Что стояло за следующим пунктом обвинений в адрес Киробкома? Как указывали в ходе проверки сами авторы заявления, обком партии часто рекомендовал на ту или иную советскую, хозяйственную работу людей из партийного аппарата, перемещал работников советских органов по своему усмотрению, давал им внеплановые задания, обращался к техническим работникам за различными сведениями, вмешивался даже в такие мелкие вопросы, как распределение квартир.

Здесь, прежде всего, проявляется нежелание авторов – опытных партийно-советских работников понять, что кадровый вопрос в соответствии с порядками большевизма, утвержденными в регионе с их же помощью, всегда был и оставался исключительной прерогативой партийных органов. Следует отметить, что в те годы, в условиях острейшего голода на кадры, способные возглавить создаваемые советские и хозяйственные органы и общественные организации, выдвижение людей, прошедших школу партийной работы, быстрое их перемещение на наиболее “прорывные” участки, было широко распространенным явлением не только в Кыргызстане.

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 28, л. 16–17.

Кроме того, как показала проверка, такие назначения и перемещения в основном проводились не прямым указанием обкома, а через партийную фракцию облисполкома, что не меняло сути проблемы.

Действительно руководство обкома партии занималось вопросом выделения квартир для работников своего аппарата. Это прямая обязанность руководителя любого трудового коллектива во все времена централизованного распределения. Но тогда обстановка была несколько иная. Все областные организации и учреждения создавались впервые. Не хватало не только жилья, но и административных зданий. В этих условиях некоторые действия обкома в “квартирном вопросе” действительно могли быть восприняты болезненно. Но в целом видно, что авторами заявления усмотрены “мелочная опека” и “дискредитация” советских и других органов в “обычном” для условий того времени партийном руководстве.

Далее. При национальном размежевании Средней Азии основные средства и имущество бывшей Туркестанской АССР в сумме 74 млн. рублей были распределены следующим образом: Узбекистану – 46 млн., Туркмении – 10,4 млн., Таджикистану – 7 млн., Казахстану – 6 млн., Киргизии – 3,5 млн. рублей¹. Размер сумм и своевременность их ввода в народнохозяйственный оборот зависели не столько от партийных, сколько от советских органов, а персонально – от А. Сыдыкова и И. Айдарбекова, включенных в состав Средазликвидкома для отстаивания интересов Кыргызстана, и Янгулатова (зампред. облисполкома, он же ответственный за вывоз средств). Все они в числе авторов заявления.

Авторы заявления совершенно справедливо указывали на то, что формирование партийных и советских органов идет по групповому признаку, на руководящую работу иногда выдвигаются люди, мало подходящие для специфических условий области (о конкретных фактах мы уже говорили).

Соответствовало действительности и утверждение о слабости советских органов, широкой распространенности злоупотреблений на местах. Был ли виноват в этом обком партии? Его вина, по видимому, была лишь в том, что он за два с половиной месяца своего функционирования не успел принять достаточно эффективных мер для изменения сложившейся обстановки.

Главная причина была в другом. Сошлемся на мнение одного из самых опытных советских работников того времени, активного

¹ ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, д. 74, л. 223.

участника групповой борьбы сначала в составе сыдыковской, а затем худайкуловской группы, заместителя председателя облисполкома (после Янгулатова) И. Тойчинова. В апреле 1926 г., отвечая на вопрос Комиссии ЦКК РКП(б) о причинах слабости советского аппарата, он указал на наличие в Кыргызстане патриархально-родовых пережитков, натуральной формы хозяйствования, низкий уровень культуры населения. В качестве реального отражения этих моментов на практике приводит ряд примеров: «Перевыборы Советов – как они проходят, какие имеются в этом цели. Прежде всего, надо указать на существующий обычай очередности по годам председательствований (в волисполкомах и айильных Советах) представителей того или иного рода. Допустим, в прошлые перевыборы попал председателем представитель одного рода, то уже в эти перевыборы должен попасть представитель другого рода. На этот счет сначала договариваются между собой руководители родов, “советские аткаминеры”. При этом руководители рода, уступающие другому место председателя, получают подарки... Этот подарок потом возмещается за счет населения, иногда без подарков договариваются.

Но в случае, если руководители родов не договорились, тогда объявляется борьба... В это время идет переманивание людей из одной группы в другую, с целью увеличить количество избирателей... Причем переманивают таких лиц, кои имеют под своим авторитетом группу дехкан и несколько десятков человек или кибитковладельцев»¹.

Трудно поверить в то, что такое могло иметь место почти через десять лет после революции. Но факты, как говорится, вещь упрямая. Вот некоторые из них.

Пригородная волость, Кунтуевский сельский Совет. Председательствовавший до новых выборов (конец 1925 г.) представитель ветки токбай рода солто С. Касымбеков по решению аксакалов рода уступает свое место представителю ветки карамерген того же рода².

Председатель Узунгыровского сельского Совета выступает в роли продавца должности. Претендентов на кресло двое: манапский родственник Баястан и простой труженик Сабыр. Должность

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 33, л. 151.

² Там же, д. 28, л. 179.

достается первому, на что ушло в качестве платы 9 породистых лошадей и около 800 рублей¹.

Жаилгановский сельский Совет Беловодской волости. Манапская группа, имея всего 810 голосов против 1909 бедняцких голосов, за значительную мзду сумела добиться своей цели. Все было просто: избирательная комиссия, назначив перевыборы на 25 декабря

1925 г., не предупредила об этом противоборствующую группу².

В таких условиях, как правильно указывал И. Тойчинов, выдвижение кадров и выборы проводились вовсе не по деловым или нравственным качествам. Поскольку все решалось представителями родов, выборные советские работники не чувствовали ответственности перед населением и избирателями, были послушным орудием в руках баев и манапов. Кроме того, будучи членами той или иной группировки, они пользовались всяческой поддержкой покровителей, занимающих ключевые посты в партийных, советских, общественных и хозяйственных органах.

Партийные же организации из-за организационной и идейно-политической слабости, групповой борьбы не всегда были в состоянии выступить организующей и направляющей силой в социально-экономических и политических преобразованиях.

Как показывают архивные материалы, нарушения законности, посягательства на личную свободу и достоинство граждан, различного рода поборы были широко распространенными явлениями. Так, 8 сентября 1925 г. житель с. Уч-Орук Койке Маркозиев был избит до потери сознания, арестован только за то, что будто бы сказал: “Худайкулов снят с работы”, выпустили его на свободу лишь после уплаты двух баранов³.

В Таласском районе в январе 1925 г. зампред райкома союза “Кошчу” собирает годовые членские взносы по 2 рубля с каждого домохозяина, в апреле – представитель окружкома и уже по 2 рубля с каждого члена союза, в сентябре – теперь уже уполномоченный окружкома союза и от 1,5 до 5 рублей. Облагали незаконными налогами и поборами население исполкомы местных Советов, школьные советы, суды, милиция, органы союза “Кошчу”, командированные на места представители вышестоящих органов и

¹ Там же, л. 182.

² Там же, л. 185.

³ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 28, л. 70.

т.д., что дискредитировало советскую власть в глазах трудового народа.

Таким образом, в “заявлении тридцатки”, правильно указывалось на серьезные недостатки в партийном, советском и хозяйственном строительстве, но сознательно умалчивалось о главных причинах, вызывавших эти негативные явления. Главной целью заявления оказалась не забота о народе и судьбах социалистических преобразований, а избавление от “пришлого”, не знающего местных условий и поддерживающего противоборствующую – худайкуловско-бабахановскую группу, руководства обкома партии.

II областная партийная конференция, подводя итоги работы борьбы с групповщиной, в своей резолюции подчеркнула: “Групповой борьбе, которая представляет собой в большинстве случаев не что иное, как объективное отражение в нашей партии родовой борьбы, мы должны противопоставлять идейное руководство в рядах нашей партии...”¹ – оценка групповой борьбы и выбор пути ее изжития исключительно верные с позиции и тогдашней, и сегодняшней обстановки. 16 из 31 члена “тридцатки” были наказаны. Однако им была предоставлена возможность для “исправления”. Так, Сыдыков направляется на работу в Ташкент, Алымбеков – в КУТВ, Айдарбеков назначается председателем СНХ, Зульфигаев – наркомом земледелия, Чонбашев – руководителем “Водхоза”, Т. Худайбергенов – наркомом юстиции и т.д.

Однако не все воспользовались этой возможностью. Как указывал в своем письме Зеленскому первый секретарь Киробкома Узюков в апреле 1926 г., определенное недовольство оргвыводами, сопровождаемое слухами начало сказываться “на тенденции объединения группировщиков”². Действительно, в 1926 г. Сыдыков, Бабаханов, Худайкулов, находясь в Ташкенте, “помирились” между собой и стали рекомендовать своим людям на местах принять все меры, чтобы удалить из области Узюкова, Садаева (секретари обкома партии), Бурова-Петрова (зав. орготделом обкома), Кекина (начальник ОГПУ), для чего необходимо, указывали они, чтобы побольше было материалов, говорящих о неправильности работы, проводимой обкомом.

¹ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 121.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 33, л. 157.

Однако на этот раз “группировщикам” не удалось повторить вариант “тридцатки”. Многие партийные, советские, хозяйственные работники из числа представителей коренной национальности на практике начали убеждаться в пагубных последствиях групповой борьбы, ибо, как признавался потом Ю. Абдрахманов, “групповая борьба отбросила развитие Киргизии на год или два назад”¹. Это видели и другие. Потому в ответ на директиву Сыдыкова, Худайкулова и Бабаханова в мае 1926 г. на заседании Нурмамбетовского сельисполкома было принято решение: “Ложных материалов против Узюкова, Бурова-Петрова, Кекина и Садаева не давать”².

На оздоровлении руководящего слоя актива благоприятно сказалась линия нового руководства обкома. В упомянутом выше письме Узюкова Зеленскому она формулировалась так: “1. Курсы взять на сближение коренных работников, максимальная согласованность и убеждение в принципиальных вопросах (не командовать, а учить и убеждать). 2. Организационные выводы – не разгром кирактива, а некоторое оздоровление, рассчитанное на объединение кир- и европейского актива на почве принципиальной деловой работы. 3. Сугубое отношение к вопросам коренизации, допустить даже некоторый перегиб в сторону коренизации. 4. Организация курсов по практическим вопросам хозяйственного и культурного строительства для кирактива. 5. В области карательной политики – отказаться от мелочей (к коренным), создать показательные процессы в первую голову против европейцев, европейцев наказать строго (то же по линии Контрольной комиссии); 6. Усилить работу по выдвижению нового кадра из коренных работников и 7. Усилить общий темп работы в области”³.

В соответствии с этой линией обком партии осуществил значительные кадровые передвижки. С арены активной политической деятельности были устранены лидеры группировок – второй секретарь обкома Бабаханов, руководитель союза “Кошчу” Худайкулов, член областной контрольной комиссии Айтбаев. Первые двое за уголовные преступления были осуждены. Заместитель председателя облисполкома Тойчинов был направлен на учебу в Комуниверситет им. Свердлова. От обязанностей первого

¹ Там же, д. 147, л. 6.

² Там же, д. 28, л. 106–107.

³ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 33, л. 158.

секретаря Караколо-Нарынского окружкома был освобожден Суханов, Ошского – И.Худайбергенов, в Джалал-Абадском округе с ответственных постов сняты Сарыбаев, Сарыбатыров, Бапанов и Ашуров.

Замена кадров этого уровня была произведена за счет молодежи и “устойчивых партийцев”, активно выступавших против проявлений патриархально-родовых пережитков. Так, вторым секретарем обкома был избран Д. Садаев, на пост председателя СНК назначается Ю. Абдрахманов, Караколо-Нарынскую окружную парторганизацию возглавил Т. Айтматов, Ошскую – Э. Эсенаманов. Заведующим агитпропотделом обкома назначен О. Тынаев, окончивший КУТВ, со второго курса университета отзывается Х. Шоруков. В партийном документе тех лет они характеризуются как “новый слой работников, стремящихся встать на путь идейной принципиальной работы”. Им предстояла нелегкая борьба за партийную линию в условиях, когда тактика “группировщиков” и носителей родоплеменной идеологии менялась.

Надо сказать, что и в дальнейшем, как показывают архивные материалы, с групповой борьбой внутри областной партийной организации полностью покончить не удалось. Появились, хотя и не столь сильные и активные, как сыдыковская или худайкуловская, новые группировки: Тойчинова – объединившая до 10 представителей рода сарыбагыш; Джолдошева – состоявшая из выходцев родов атаке, тынай; Чонбашева – в нее входило около 20 представителей родов саяк, солто и бугу¹.

Изменились методы борьбы. Вместо открытого противоборства, доходящего до применения физической силы, широко распространенными явлениями стали анонимки (зачастую с ложными компрометирующими материалами), возбуждение уголовных дел с подставными свидетелями и т.д.

Групповая борьба, будучи проявлением старой родоплеменной идеологии в новых условиях, наносила огромный вред социально-экономическим преобразованиям общества. Раздирая партийные, советские, общественные, хозяйственные органы, она отрицательно сказывалась на их деятельности, мешала оперативности в решении актуальных социально-экономических проблем. Групповая борьба нанесла большой вред коренизации аппаратов партийных, советских и хозяйственных органов и главное – вред групповой борьбы среди национальных кадров заключался в том, что еще задолго до 1937–

¹ РЦХИДНИ, ф. 6, оп. 2, д. 6838, л. 22–23.

1938 гг. начали создаваться предпосылки и для кровавых репрессий. И в дальнейшем, как, например, в деле о Социал-Туранской партии, это не могло не сказаться роковым образом. Взаимное огульное, зачастую беспочвенное, обвинение членами противостоящих групп друг друга во всех смертных грехах, особенно в буржуазном национализме, антисоветизме и т.д., облегчало задачу массовых сталинских репрессий. И это далеко не полный перечень тяжелых последствий групповой борьбы, которой нет и не может быть политического оправдания.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ 20–30-х ГОДОВ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

1. Концепция и конкретный план строительства социализма, минуя капитализм

Историю развития республики в 20–30-е годы, как и в другие периоды, можно и нужно исследовать в экономическом, социально-политическом, духовно-нравственном и иных аспектах. Во всех этих сферах мероприятия партии большевиков и советского правительства были подчинены решению главной задачи – построения социализма, минуя капиталистическую стадию развития. Поэтому, на наш взгляд, правомерно и изучение истории республики через сопоставление форм, средств и методов решения провозглашенной главной задачи – построения социализма сокращенным путем с реально достигнутыми результатами. Это дает больше шансов для анализа общественных процессов тех лет в их взаимосвязи и взаимообусловленности, поиска наиболее верных ответов на такие животрепещущие вопросы: с чего началось, как шли, что приобрели, что потеряли и куда пришли.

Суть марксистско-ленинской концепции и практический опыт “перехода” ранее отсталых народов к социализму, минуя стадию капитализма, особенно активно рассматривались нашими обществоведами в 50-е и 60-е годы XX века, когда в результате национально-освободительных революций на карте мира появилось множество молодых государств, в том числе и провозгласивших (как оказалось на время) социалистическую ориентацию.

На основе отдельных высказываний основоположников марксизма-ленинизма и исторического опыта СССР, казавшегося тогда единственно верным и неоспоримым, задним числом был определен и перечень закономерностей перехода к социализму

сокращенным путем, среди которых центральное место отводилось всесторонней помощи стран “победившего социализма” странам, вступившим на путь некапиталистического развития.

Исходные положения теоретической концепции возможности перехода к социализму не только от капитализма, но и от докапиталистических отношений действительно были выдвинуты К. Марксом и Ф. Энгельсом. Маркс, отвергая попытки истолковать его исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе как “историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются”, считал подобное истолкование его учения и слишком лестным, и слишком постыдным¹. Он указывал также на такую важную черту исторического прогресса, как необязательность для каждого народа проходить в своем развитии к социализму последовательно через все формации.

Позднее по этому поводу В.И. Ленин писал, что “при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо форм, либо порядка этого развития”².

Говоря о переходе к социализму сокращенным путем, Ф. Энгельс отмечал, что докапиталистическая формация не способна из себя самой создать будущее социалистическое общество. «Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда отсталые страны увидят на этом примере, “как это делается”, как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, – только тогда смогут эти отсталые страны встать на путь такого сокращенного процесса развития»³. Ирония истории – осколки страны победившего социализма ныне ищут ответ на вопрос “как это делается?” на примере Швеции, Швейцарии, США, Японии и т.д.

Не следует упускать из виду, что возможности исторически сокращенного пути рассматривались основоположниками научного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 19. – С. 120.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 379.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 22. – С. 446.

социализма в контексте их концепции победы и утверждения нового строя не в отдельной стране, а в большинстве стран развитого капитализма.

В.И. Ленин значительно углубил марксистскую теорию некапиталистического развития, в известной степени определил практические пути осуществления этого процесса, руководил первыми шагами на этом неизведанном ранее направлении. Он понимал, что стартовые условия ранее отсталых народов на пути к социализму, когда ожидаемая мировая революция явно задерживается, стали несравненно скромнее. «Мы, – писал Ленин, – постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам “бескорыстную культурную помощь”, по прекрасному выражению польских социал-демократов, т.е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму»¹. Он придавал особое значение реалиям жизни, тому, что трудящиеся массы, “освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами потянутся к союзу и слиянию с большими социалистическими нациями”, руководствуясь жизненными интересами, в том числе и такими: “столько-то часов на работу в день меньше, настолько-то заработка в день больше”, чего, к сожалению, не было никогда в нашей прошлой реальности.

Подытоживая первый, “пока еще не очень великий”, опыт практической работы советской страны, В.И. Ленин в своем выступлении на II Конгрессе Коминтерна в 1920 г. сформулировал следующее положение: “...с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития – к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития”². Обратим внимание: возможность прямого перехода лишь “к советскому строю”, а к социализму (В.И. Ленин иногда употреблял термин “коммунизм” в значении, идентичном значению термина “социализм”) – “через определенные ступени развития”.

На поставленный им самим же вопрос: “какие средства необходимы для такого перехода?”, Ленин ответил, что “заранее указать невозможно. Нам подскажет это практический опыт. Но установлено определенно, что всем трудящимся массам среди наиболее отсталых народов близка идея Советов, что эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т.30. – С. 120.

² Там же. – Т.41. – С. 246.

общественного строя...»¹. При этом он исходил из того, что «идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»².

Еще через год, в ноябре 1921 г., когда точка зрения Ленина на пути построения социализма изменилась, он и обосновал новую экономическую политику и развил идею возможности некапиталистического развития в беседе с делегацией из Монголии. Главным условием, обеспечивающим переход на путь некапиталистического развития, было названо усиление работы, в результате которой росли бы кооперативы, прививались бы новые формы хозяйствования и национальной культуры. Ленин отметил, что только из островков нового хозяйственного уклада может сложиться новая некапиталистическая система³.

Как видим, основоположники научного социализма, понимавшие историю человечества как закономерное поступательное движение и процесс смены общественно-экономических формаций, во-первых, указывали на такую важную черту исторического развития, как необязательность для каждого народа «роковым образом» проходить в своем развитии к социализму последовательно все формации в их классическом виде. Во-вторых, отмечали, что ранее отсталым народам при переходе к социализму, минуя капитализм, необходима помощь пролетариата передовых стран, в которых уже победила социалистическая революция. В-третьих, придавали исключительно большое значение притягательной силе положительного примера стран «победившего социализма». Забвение этого момента и упование только на материально-финансовую помощь странам социалистической ориентации, как показал опыт СССР, мешает достижению желаемого результата. В-четвертых, путь развития к социализму отсталых народов лежит через ряд «постепенных предварительных ступеней», почти одновременно с более развитыми странами или регионами. В-пятых, ускоренные социально-экономические преобразования, осуществляемые в отсталых регионах, прежде «должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя» и направлены на

¹ Там же.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 41. – С. 244–245.

³ Там же. – Т. 44. – С. 233.

развитие новых форм хозяйствования, создание “островков” нового уклада, а не наоборот, как это было у нас.

Основоположники марксистского учения – и об этом следует сказать определенно – указали лишь на объективную возможность и основные условия некапиталистического пути развития. Но вопреки утверждениям многих обществоведов, вряд ли можно считать, что была уже всесторонне разработанная теория, непосредственное руководство к действию. И лидерам партии большевиков, которые “брались за самые трудные обязанности, – как говорил В.И. Ленин, – ... брались сплошь и рядом неправильно, но умели поправляться и работать”¹, предстояло еще решить многие жизненно важные вопросы.

Оставались открытыми такие вопросы: какие же конкретные средства, и какие “посредствующие ступени” нужны для такого перехода? Ответ, естественно, ожидался от практического опыта социалистического переустройства. В этом не было бы ничего ущербного для самой концепции и особенно для переходящих к социализму сокращенным путем, если бы были разработаны пути и средства не только перехода, но и “обхода”, по крайней мере, двух опасностей на пути строительства социализма, особенно – на сокращенном.

Во-первых, переход к социализму означал не только переход от классового к постклассовому обществу, но и переход от полосы по преимуществу стихийной эволюции к полосе в основном сознательного развития. В этом была не только возможность ускорения общественного прогресса, но и опасность ухода с естественно исторической линии поступательного развития, применения, хотя и с благими намерениями перехода к светлому будущему, широких насильственных действий.

Во-вторых, переход к социализму означал упразднение и уничтожение капиталистических, создание и утверждение социалистических отношений. При этом в подлежащем упразднению находился исходный материал для создания нового. “Но что значит слово переход? – писал В.И. Ленин, рассуждая о переходе от капитализма к социализму, – не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма? Всякий признает, что да”.

Какие же “элементы, частички, кусочки” докапиталистических отношений могли и должны были быть сохранены в тех регионах, в

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 250.

которых “борьба со средневековьем” составляла существеннейшую черту движения?

Неразработанность данного вопроса грозила появлением стремления к отрицанию не только изживших себя, ставших тормозом для прогресса различных элементов жизни отсталых народов, но и всего позитивного из их предыдущего развития, в том числе и определяющего их самобытность.

И поскольку упразднить полностью то, что не изжило себя, нельзя, была возможность формального упразднения, когда старое внешне ликвидируется, но по сути, обретя новый облик, сохраняется.

Высказанную основоположниками марксистско-ленинского учения теоретическую концепцию предстояло превратить в план-программу конкретных действий партии и неуклонно развивать на основе трезвого анализа преобразовательной практики. Однако, несмотря на то, что речь шла о судьбе миллионов людей (точнее, почти 30 миллионов представителей различных ранее отсталых наций и народностей), конкретные вопросы форм, методов и средств строительства социализма сокращенным путем на партийных съездах, конференциях, пленумах рассматривались далеко не регулярно, а после XVI съезда партии и вовсе были “отодвинуты” и отнесены к числу ритуальных. Да и объектом анализа обществоведов они стали в духе постулатов “отца всех народов” – с позиций извращенного Сталиным ленинизма.

Интерпретация ленинских мыслей, а также положений К. Маркса и Ф. Энгельса в документах послеоктябрьских съездов партии, за исключением VIII, X и XII, не говоря уж о сталинских выступлениях, страдала, на наш взгляд, одним очевидным пороком – креном в сторону от конкретно-исторического анализа поступательно накапливаемого реального опыта к абстрактно-логическим рассуждениям, в основе которых была априорная якобы истина “отца народов”. Абстракции, получаемые путем выделения похожего, сходного при отвлечении от конкретных и специфических особенностей реальной социально-политической ситуации у каждого из народов, переставали быть моментом научного анализа и превращались зачастую в тормоз его, выродились со временем в идеологические постулаты, преграждавшие путь всестороннему исследованию.

Абстракции такого рода (а их с подачи И.В. Сталина накопилась целая система) теряли всякую связь с действительностью, становились бессодержательными. Вращаясь в кругу этих постулатов и

обобщений, историки и особенно философы оказались неспособными, как ясно теперь, удовлетворительно заполнить историческое пространство между исходной точкой прогресса (патриархально-феодальный строй) и конечным результатом (“высоты современной цивилизации”). Рассуждавшие под официальные стенограммы с высоких трибун и со страниц объемных монографий уподоблялись тем, кого в свое время едко высмеивал В.И. Ленин за стремление понять неповторимый ход истории с позиций “прогресса вообще”, за попытки “обнять все периоды и притом так обнять, чтобы не говорить в частности ни об одном”. Понятно, писал он, что для достижения этой цели «есть только один путь: путь общих мест и фраз “блестящих и пустых”»¹.

Доведение понятия “минование” до такой степени всеобщности и бессодержательности не стимулировало творческие поиски и местных партийных организаций, под строгим взглядом “отца и учителя” все более сбивавшихся на славословие и высмеянные Лениным “праздничные прогулки по садам интернационалистской словесности”. Да и попытки применения безжизненной абстракции к различным уровням развития стран третьего мира не дали положительных результатов или окончились где-то на полпути.

Канонизированная таким путем абстракция “минования” из категории критического радикализма превратилась в категорию радикальной беспомощности.

Следует отметить, что в силу объективных причин в первые годы советской власти в период первого парада суверенитетов конкретные вопросы социалистического строительства в национальных окраинах ставились (и достаточно остро) в органической связи с вопросом о праве наций и народностей на самоопределение, а не специально и тем более не системно и не конкретно.

На этом этапе развития столь острая постановка национальной проблемы с целью выработки определяющих принципов была правильной. В дальнейшем она должна была быть дополнена поиском конкретных путей и решений политических, экономических и социально-культурных проблем развития отдельных народов или их групп, с учетом новой экономической политики, реалий партийного и государственного строительства.

Поскольку нет самостоятельной, более обстоятельно и подробно разработанной другой программы-плана строительства социализма в

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 1. – С. 148.

отсталых национальных окраинах, в качестве исходного материала для анализа процесса перехода к социализму сокращенным путем могут служить в основном решения X съезда партии.

В них кроме вопросов государственности были определены основные направления работы по созданию “очагов” нового хозяйственного уклада, обеспечивающих переход “от отсталых экономических форм к более высоким – от кочевого образа жизни к земледелию, от цехового ремесла, работающего на вольный рынок, к артельной работе на советское государство (привлечение кустарей – полупролетариев в профсоюзы), от кустарно-артельного производства к фабрично-заводскому, от мелкого земледелия к плановой общественной обработке земли”. Предусматривалось “планомерное насаждение промышленности на окраинах путем переноса фабрик к источникам сырья (Туркестан, Башкирия, Кыргызстан, Кавказ – текстильная, шерстяная, кожевенная промышленность и др.”

Жизненно важное значение, особенно для кыргызского народа, разоренного в ходе и после восстания 1916 г., имела установка съезда о том, что советское правительство должно прийти на помощь “туземным полупролетарским массам”, поставленным разрухой под угрозу вымирания.

В 1923 г. на XII съезде РКП(б), который был последним партийным съездом, где отдельным вопросом обсуждалась и принималась резолюция по национальной политике, также был закреплен курс партии на ликвидацию фактического неравенства отсталых народов “путем действительной и длительной помощи русского пролетариата в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния”¹.

Но и на примере этих двух важнейших для понимания исследуемой проблемы съездов нельзя не заметить известное стремление к обобщенному подходу. На первый план выдвигались в основном проблемы работы на государство, а не для себя, выравнивания экономического и культурного развития, насаждения нового однотипного уклада хозяйствования, во имя “достижения полного единства”. При всей жизненной важности для отсталых окраин установок программных документов в них было предостаточно лазеек для насильственных действий ради ускоренной индентификации различных сфер жизни наций и народностей. Опасность увеличивалась и тем, что многим видным деятелям

¹ КПСС в резолюциях... – Т. 3. – С. 84.

партии и правительства того времени была близка сталинская идея смены “принудительного царского унитаризма” будущим “социалистическим унитаризмом”¹.

В этой обстановке гарантом создания более благоприятных условий для ускоренного преодоления отсталости бывших колониальных окраин в социально-экономическом, культурном и политическом развитии и тем самым возможного перехода к социализму сокращенным путем могло быть только неукоснительно точное интерпретирование, творческое развитие и последовательное осуществление на практике хотя бы ленинских идей с учетом местной специфики.

В январе 1924 г. Ленина не стало. Сталин произносит всем известную клятву: “Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять союз республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь”². Но очень скоро он предал забвению и ленинскую заповедь, и собственную клятву. Отличавшуюся реалистичностью и деликатностью в подходах к проблемам национальных и межнациональных отношений ленинскую национальную политику Сталин сменил своей национальной политикой, которая отличалась вначале ползучей “автономизацией”, затем административно-командными методами управления, волевыми решениями, недоверием, жестокостью к людям разных национальностей, диким произволом в отношении судеб целых народностей. “Укрепление союза республик” пошло сталинскими методами.

Сталинская модель национальной политики была основана на утилитаризме и прагматизме его подхода к национальному фактору как подчиненному классовым интересам пролетариата, пренебрежению к специфике того или иного народа, игнорировании историко-культурных корней и очевидных социально-экономических интересов наций и народностей в процессе социалистических преобразований.

Этому способствовала и линия поведения некоторых руководящих партийных работников, которая расходилась с ленинскими представлениями о нациях и национальных отношениях. Так,

¹ Сталин И.В. Соч. – Т. 4. – С. 73.

² Сталин И.В. – Т. 6. – С. 49.

Н.И. Бухарин, понимая актуальность вопроса о возможности развития, минуя капитализм, для тех стран и регионов, “где капитализм действительно находится еще в эмбриональном состоянии, где налицо еще докапиталистические формы”, где “не существует внутренних предпосылок” для перерастания в социализм, главное условие такого перехода видел в том, что промышленные центры “всосут” отсталую “периферию в сферу своего влияния”¹. Отступления от ленинских программных положений по национальному вопросу, обусловленные такой позицией, неверные акценты в определении подходов к его решению, преувеличение прерогатив центра, торжество имперских амбиций – все это сугубо отрицательно сказывалось на экономическом, социальном, культурном положении национальных окраин, проявилось в языковой политике и т.д.

Однако при Ленине и за несколько лет после его кончины, когда ленинская национальная политика проводилась более или менее последовательно, пока не укрепились еще в полной мере позиции сталинизма, был достигнут такой прогресс в различных областях жизни ранее отсталых народов, для достижения которого в иных условиях потребовались бы десятилетия.

2. Судьбоносные мероприятия

Утверждение, что кыргызы к началу Великой Октябрьской революции находились на грани исчезновения в качестве самобытного народа, отнюдь не является одним из измышлений доперестроечной конъюнктуры.

В 1913 г. на территории современного Кыргызстана проживало 864 тыс. человек². А сколько было самих кыргызов? По данным комиссии П.П. Румянцева, обследовавшей всю Джетысуйскую область, на территории Пишпекского и Каракольского уездов проживало 330228 кыргызов. В это число не входили жители Таласской зоны, относящейся в то время к Сырдарьинской области, но включены жители районов Яркента и Георгиевки, отошедших впоследствии к Казахстану. Таким образом, можно предположить,

¹ Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. – М., 1990. – С. 204.

² Советский Кыргызстан за 40 лет: Стат. сб. – Фрунзе, 1966. – С. 16.

что на территории Северного Кыргызстана кыргызов было не более 360–370 тыс., а их общее количество во всем Кыргызстане составляло около 650 тыс.

По переписи населения 1926 г., кыргызов оказалось 668,7 тыс., т.е. нулевой прирост численности их за 13 лет¹. Это было результатом жестокого подавления восстания 1916 г. и бегства кыргызов в Китай, низких темпов роста численности кыргызов из-за гибели в годы басмачества, широко распространенных болезней, голода – вечных спутников кочевых и полукочевых колониальных народов. От пагубных первичных, вторичных и последующих последствий таких несчастий кыргызы избавились лишь... в 60-е годы XX столетия! Так, с 1926 по 1959 г., т.е. за 34 года, число кыргызов увеличилось лишь на 25%, тогда как численность узбеков – жителей Кыргызстана выросла на 105, таджиков – на 115, дунган – на 84%². Как показали переписи населения последующих лет, темпы роста численности кыргызов приблизились к темпам роста других среднеазиатских народов только после 50-х годов.

Трудно представить, какими были бы последствия для кыргызского народа, если бы значительная часть его продолжала оставаться в Китае скитальцами-беженцами, умирать от массовых болезней, голода, продавать одних своих детей ради сохранения жизни другим, а оставшейся же на родине части кыргызов грозила ассимиляция соседними народами.

В такой обстановке установка XII съезда партии на необходимость помощи правительства “туземным полупролетарским массам, поставленным разрухой под угрозу вымирания” имела судьбоносное значение для всего кыргызского народа.

Обусловленная конкретной спецификой Кыргызстана помощь правительства началась со спасения беженцев и решения аграрного вопроса, который затрагивал коренные интересы подавляющего большинства населения, и был единственным средством облегчения участи кыргызов.

В первые годы советской власти основное содержание аграрных преобразований составляло: наделение безземельных и малоземельных хозяйств землей и обеспечение поливной водой, орудиями труда, скотом. Однако до 1921 г. землеустроительные работы

¹ Киргизия за годы Советской власти: Юбил. стат. ежегодник. – Фрунзе, 1977. – С. 11.

² Там же. – С. 111 (подсчет наш).

осуществлялись в основном в районах с русско-украинским и местным оседлым населением, в районах же с кочевым и полукочевым кыргызским населением вопрос землепользования решен не был¹. Хуже того, продолжался захват крестьянами-переселенцами “землицы, пропадающей втуне”, после бегства кыргызов в 1916 году².

3 февраля 1920 г. принимаются постановления ЦИК Туркестанской республики об оказании помощи кыргызам, эмигрировавшим в Китай. Днем раньше создается Особая комиссия по возвращению и устройству беженцев при ЦИК ТАССР, а на местах – уездные комиссии помощи беженцам-кыргызам.

На Особую комиссию были возложены следующие функции: вести через отдел внешних сношений переговоры с китайскими властями о свободном возвращении беженцев на родину; погашать их долговые обязательства, чтобы снять препятствия к возвращению; устраивать беженцев на прежних местах жительства и на участках, отводимых местными земотделами; возвращать им отобранные у них земли, постройки, скот и инвентарь, оказывать материальную помощь деньгами, продовольствием, сельскохозяйственным инвентарем, строительными материалами; входить с предложениями в местные совнархозы об организации помощи беженцам; содействовать их организации, используя для этой цели имеющиеся у комиссии денежные средства и материалы, которые были выделены правительством в сумме 100 млн. рублей. Таким образом, советская власть разработала и по мере возможности финансово обеспечила широкий комплекс мероприятий по спасению беженцев, возвращению их в родные места и устройству на родине.

23 марта 1920 г. Особая комиссия ТуркЦИКа издала приказ, в котором предлагалось всем гражданам, захватившим земли и постройки кыргызов и казахов в 1916 г., как самовольно, так и по разрешению администрации и должностных лиц свергнутых в 1917 г. правительств, “освободить таковые места, и с живым инвентарем, который был оставлен беженцами, и посевами, если такие

¹ Орузбаев А., Жунушев К., Мансурходжаев С. Народное хозяйство Киргизии в период Октябрьской революции, гражданской войны, иностранной интервенции (1917–1920 гг.). – Фрунзе, 1962. – С. 41.

² Погорельский Л., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. – М., 1932. – С. 192.

произведены, в месячный срок со дня объявления приказа передать его законным владельцам”¹.

Однако кулаки-переселенцы, как правило, не хотели добровольно возвращать захваченные земли, русское же трудовое население, как отмечалось в докладной записке Особой комиссией от 25 апреля 1920 г., “в этом отношении шло навстречу, возвращая немедленно беженцам скот и имущество”².

25 мая 1920 г. Особая комиссия ТуркЦИКа вошла в Семиреченский облревком как отдел. При Совнаркомом ТАССР была создана комиссия по устройству беженцев. На эти цели ей было выделено 50 млн. рублей.

Таким образом, вопросы возвращения и землеустройства, что по сути дела было спасением беженцев, стали предметом особой заботы государства, и это значительно ускорило процесс их возвращения на родину. Благодаря этому в 1920 г. численность населения в Каракольском уезде увеличилась на 195, а в Нарынском – на 45%. Всего к апрелю 1920 г., по данным Особой комиссии, в Семиречье возвратилось 300 тыс. кыргызов и казахов.

Думается, что цифра эта существенно завышена. Ведь в Китай бежали в основном жители Иссык-Кульской и Нарынской зон Кыргызстана. Жители же Чуйской и Таласской долин, т.е. почти половина из проживавших в Северном Кыргызстане 360–370 тыс. кыргызов, оставались в родных местах. Завышение же количества возвращенцев произошло из-за стремления членов комиссии показать свою работу с лучшей стороны, а также во имя “благополучия” и сокрытия сумм, “прилипших” к рукам нечестных лиц, из средств, выделенных для беженцев.

Следующим шагом в аграрных преобразованиях в Кыргызстане стала земельно-водная реформа. В подготовленном В.И. Лениным 22 июня 1920 г. проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах партии в Туркестане подчеркивалось: “... (1) уравнивать землевладения русских и приезжих с местными; (2) разбить, выселить и подчинить себе кулаков русских энергичнейшим образом”³. Исходя из указаний В.И. Ленина, в конце июня 1920 г. ЦК РКП(б) в постановлении “Об основных задачах РКП(б) в Туркестане” в качестве главной задачи выделил радикальное решение

¹ Правда (Верный). – 1920. – 30 марта.

² История Киргизской ССР. – Т. 3. – Фрунзе, 1986 – С. 244.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч.– Т. 41. – С. 153.

земельного вопроса, поскольку на почве неравенства в земле- и водопользовании оставался еще нераспутанным сложный клубок противоречий между местным дыйканством и переселенческим русским кулачеством. 12–18 сентября 1920 г. состоялся V съезд КПТ. В осуществление постановления ЦК РКП(б) съезд вынес решение о проведении земельной реформы в Семиречье. У русских кулаков-переселенцев отбирались излишки земли сверх трудовой нормы и передавались безземельным и малоземельным дыйканам.

Под руководством Туркбюро ЦК РКП(б) и ЦК КПТ накануне реформы были укреплены партийные и советские организации. Все Советы были переведены на положение ревкомов. Еще в начале декабря 1920 г. в Семиречье выехали полномочные представители ТурЦИКа, СНК и Наркомзема ТАССР, в уездах создавались землеустроительные комиссии. Среди населения проводилась широкая разъяснительная работа, были изданы воззвания, а 5 февраля 1921 г. ЦИК Туркеспублики обратился к дыйканам и крестьянам с призывом к твердому и сознательному ее проведению и объявил о непреклонной воле советской власти возвратить кыргызской бедноте все самовольно захваченные у нее земли.

Восторженно встречало дыйканство мероприятия советской власти по переустройству земельных отношений. Состоявшийся 20 января 1921 г. в Аулие-Ате первый краевой съезд кыргызско-казахской бедноты, на котором присутствовало 600 делегатов, поддержал проведение земельно-водной реформы¹.

В Кыргызстане земельная реформа началась зимой 1920–1921 гг. с ликвидации выселок и водворения выселенцев на прежние места жительства. В начале 1921 г. в большинстве волостей Каракольского уезда уже производилась конфискация кулацкого имущества, часть которого раздавалась батракам. В апреле во всем уезде выселение самовольцев в основном завершилось. Из 13 поселков, возникших на захваченных у кыргызов землях, и 3 ликвидированных старожильческих селений было переселено 963 хозяйства. На их место вселили 1578 кыргызских семей.

В Нарынском уезде, где переселенцев было немного, их сселили в один поселок, в результате чего высвободилось около 15 тыс. дес. земельных угодий, предложенных под устройство кыргызов. В Пишпекском уезде за период с 15 марта по 20 апреля 1921 г. на изъятых у кулаков и самовольцев землях было устроено 4500

¹ Образование и деятельность Коммунистической партии Туркестана. Летопись событий (1917–1924 гг.). – Ташкент, 1966. – С. 232–233.

кыргызских семей. В Аулие-Атинском уезде, как отмечалось на заседании коллегии НКЗ Туркеспублики 9 апреля 1921 г., работа по проведению земельной реформы почти завершилась. В Южном Кыргызстане также шло выселение самовольцев в старожильческие села и наделение их землей по трудовой норме.

У подавляющего большинства получивших земли вчерашних безземельных батраков и малоземельных бедняков не было рабочего скота, сельхозинвентаря и даже семян. Поэтому конфискованный по реформе кулацкий скот и инвентарь передавались малоимущей бедноте, не имевшие инвентаря прикреплялись к зажиточным хозяйствам, распространялся опыт “супруги” – артельной обработки земли.

Однако при всей важности это не решало проблемы полностью. Основную ношу помощи бедноте взяло на себя государство. Во всех уездах Кыргызстана действовали кустарные артели и мастерские по изготовлению и ремонту сельхозинвентаря, было налажено обеспечение их углем, железом, инструментами. Огромную помощь оказывали рабочие центральных районов РСФСР – в декабре 1921 г. ими было направлено в Семиречье 15 тыс. серпов, 13 тыс. кос, 120 плугов, 6 жаток-сенокосилок, 350 тыс. аршинов мануфактуры, 200 пудов мыла, 100 пудов чая.

В 1921 г. дыйкане Аулие-Атинского уезда получили от государства 128,5 тыс. пудов семян, Пишпекского, Каракольского и Нарынского уездов – около 388 тыс. пудов, в том числе около 291 тыс. пудов пшеницы.

Земельно-водная реформа проходила через преодоление сопротивления кулачества. Уже в период подготовки реформы 5 ноября 1920 г. в Нарыне вспыхнул мятеж, во главе которого стояли кулаки. Руководители нарынской партийной организации и органов советской власти были расстреляны, многие арестованы, государственные склады разграблены. С помощью войск советская власть в Нарыне была восстановлена 20 ноября. Кулаки саботировали осуществление реформы, отказывались от засева отведенных им земельных участков, подбивая к этому и середняцкое крестьянство, скрывали в горах скот, зарывали в землю зерно, а иногда даже сжигали свое хозяйство. Надо сказать, что к этому подталкивали и левацкие перегибы, допущенные в проведении реформы, в виде изъятия земель и имущества середняков.

Сопrotивление кулачества усилилось в связи с переходом к нэпу. Оно истолковывало новую экономическую политику как

возврат к “старому доброму времени”. Кулаки стали отбирать ранее принадлежавшие им, но переданные в ходе реформы кыргызской бедноте скот и инвентарь, разрушали дома и надворные постройки, занятые вселенцами. Они засыпали центральные и местные советские учреждения жалобами на реформу, используя в качестве мотивов для жалоб ошибки и перегибы, допущенные при ее проведении. В Пишпекском и Пржевальском уездах появились бандитские шайки, чинившие физические расправы над активом из кыргызской бедноты, по деревням распространялись прокламации и слухи антисоветского содержания.

Создавшееся положение потребовало вмешательства Туркбюро ЦК РКП(б) и Турккомиссии ВЦИК. Член Турккомиссии ВЦИК М.В. Фрунзе направил в адрес Пржевальского увоенкомата, райкома и горкома партии телеграмму, в которой говорилось: “... преступная шайка контрреволюционеров-кулаков, свившая гнездо в Пржевальском уезде, явно умышленно распространяет в массах преступную провокацию, сеет национальную рознь, разжигает вражду, совершенно забывая, что сзади них во всей мощи стоит многонациональная Россия. Пусть знают те, которые хотят нарушить порядок, что расправа с ними будет коротка”¹.

11 января 1922 г. Компартии Туркестана было направлено письмо ЦК РКП(б). В нем говорилось: “Глубоко ошибочны и совершенно поверхностны выводы тех товарищей, которые считают, что проведение новой экономической политики в Туркестане должно подвести к пересмотру земельной политики советской власти, например, пересмотру семиреченской земельной реформы, возвратившей киргизскому населению захваченные у него земли. Эти выводы – суть старое колонизаторство под новым флагом, совершенно ложно приписывающее советской власти готовность вернуть киргиза в кабалу к фермеру-кулаку”².

31 августа 1922 г. с воззванием “Ко всему населению Семиреченской области” обратился М.И. Калинин. В нем решительно осуждалась антисоветская провокация кулаков, разоблачались распространяемые ими слухи “то о предстоящей отмене земельной реформы с помощью русской армии, то о якобы предполагаемом выселении всех русских из Семиречья”. Он указывал, что земельная реформа проводилась с ведома и согласия

¹ ЦГА ПД РК, ф. 14, оп. 14, д. 7, л. 39.

² ЦК ВКП(б) и Союзное правительство о Киргизии. – С. 78.

ВЦИК в целях уравнивания в правах на воду и землю местного и русского населения, поэтому то, что было проделано, “не подлежит никакому изменению”. Отдельные недостатки реформы, допущенные из-за ее “ударного характера”, ВЦИК поручил соответствующим органам устранить в кратчайший срок. Реформа объявлялась в основном законченной.

В дальнейшем землеустроительная работа велась планомерно. В результате земельно-водной реформы 1921–1922 гг. от упразднения самовольческих поселков, хуторов и заимок, выселения крупных кулацких хозяйств, изъятия излишков переселенческих наделов в фонд землеустройства поступило более 198 тыс. дес. удобной земли. В этот же фонд было передано более 200 тыс. дес. свободных государственных пахотных земель, сенокосов и пастбищ. Землю и пастбища получили 5970 безземельных и бедняцких хозяйств, было землеустроено около 11 тыс. хозяйств кочевников и полукочевников. И только в 1923–1924 гг. в Северном Кыргызстане были землеустроены 22 наиболее густонаселенные волости. Образовано 294 земельных общества. На площади 1,5 млн. дес. было землеустроено 59842 хозяйства (44437 – коренного населения и 15405 – русского). В 1925–1927 гг. было землеустроено еще 125688 хозяйств, получивших 3,5 млн. дес. земли.

Значение земельно-водной реформы состояло не только в том, что вернули кыргызам незаконно отнятые у них земли, обеспечили наделом безземельных и малоземельных. Ее подготовка и проведение послужили поводом для дальнейшей консолидации кыргызского народа, придали массовый характер возвращению кыргызов на родину.

Помощь возвращенцам и их устройство стали действительно одной из главных забот партийных и советских органов. 2 февраля 1921 г. Джетысуйский облревком объявил о бесплатном снабжении кыргызов-беженцев строительными материалами, а к концу сентября только в Каракольском уезде для беженцев было построено 557 домов, заготовлено 750 тыс. штук кирпича. По неполным данным, уездные комитеты беженцев Северного Кыргызстана к середине 1921 г. распределили среди беженцев более 20 тыс. аршинов мануфактуры, десятки тысяч пудов зерна, более миллиона рублей денег, тысячи голов скота, большое количество сельхозинвентаря, юрт и т.д. В декабре 1922 г. советское правительство отпустило дополнительные средства на их нужды,

приняло постановление об освобождении возвращенцев от сельхозналога сроком на 5 лет.

Важным этапом решения аграрного вопроса в Кыргызстане стала земельно-водная реформа 1927–1928 гг. на юге республики, которая задержалась вследствие широко распространенного там басмачества, слабости советских органов и, наоборот, сильного влияния баев и мусульманского духовенства.

Реформа, осуществленная спустя 10 лет после Октябрьской революции, завершила фактическую национализацию земли в этом районе, которая до реформы находилась в основном в руках зажиточных людей. В ходе реформы было экспроприровано 497 крупных хозяйств. Всего в распределительный фонд поступило 45777 га поливной и 22831 га богарной земли. Было землеустроено около 18600 хозяйств. Размер землепользования каждого из этих хозяйств увеличился в среднем в 5 раз. Дыйкане освободились от уплаты баям ренты в сумме примерно 1356 тыс. руб. в год.

Одним из самых главных прогрессивных последствий преобразований, осуществленных в Кыргызстане в 20–30-е годы, стал массовый перевод кыргызов на оседлость. Он означал реальное переустройство быта, хозяйственного уклада значительной части кыргызов на более высоком уровне цивилизованности.

Характерное для любого народа стремление к прогрессу, в том числе и к оседлости, было, конечно, присуще и кыргызскому народу. Та его часть, которая жила в более благоприятных для земледелия регионах, например в Ферганской долине, издревле вела оседлый образ жизни. Но массовому переходу к оседлости до революции мешали формировавшиеся в течение тысячелетий приспособленные к кочевому образу жизни традиции, а также и колониальная политика царской администрации, отнявшая у кыргызов пригодные для земледелия массивы земель.

Например, только в 1897 г. к уездным властям обратились с просьбой отвести им земли для перехода к оседлости 1085 семей (5425 душ) из Пишпекского уезда и 1038 кибитковладельцев – из Каракольского. Однако переходу к оседлости бедняков-кыргызов мешало не только противостояние кулаков, не желавших “делиться” захваченными удобными для пахоты землями, но и бай-манапы. Этим объясняются нередкие столкновения. Так, в июле 1897 г. на аил 120 букары Семизбельской волости напали 150 вооруженных сторонников местного манапа, было ранено 15 жителей айла. В Талкановской волости Пишпекского уезда в 1902 г. по ложному

обвинению манапов были посажены в тюрьму Таштанов и Кадыров, возглавившие движение 150 семейств бедняков за переход к оседлости. Царская администрация со своей стороны также ставила перед желающими перейти к оседлости неприемлемые условия, в частности, принять христианство и нести воинскую службу¹.

Положение изменилось лишь после установления советской власти. 27 марта 1919 г., например, кыргызское население Чуеничевской волости Пишпекского уезда (283 кибитковладельцев) изъявило желание перейти к оседлости и просило исполком нарезать для этого им участок в урочище Ири-Джар². 8 апреля 1920 г. общее собрание граждан с. Атайского решило принять временно проживавших в этом селе безземельных кыргызов – 52 юртовладельцев – “в свою среду общества и наделить наравне с гражданами с. Атайского как-то: пахотой и усадьбами...”³.

Однако в начале 20-х годов еще не было условий для массового перехода кочевое население к оседлому образу жизни. Поэтому даже во время земельно-водной реформы 1921–1922 гг. кочевников осело относительно немного. Сказывались отсутствие навыков земледелия, недостаток сельхозинвентаря, рабочего скота. Бывали случаи, когда вчерашние кочевники вследствие провокации кулаков, баев и манапов, из-за собственной неприспособленности к оседлой жизни, “перезимовав в поселках, с ранней весны уходили кочевать, бросая сады, пашни и огороды”⁴. К моменту образования Кыргызской автономной области на каждые 100 хозяйств в среднем приходилось 28 оседлых, 51 кочевое и полукочевое кыргызское и 21 хозяйство представителей других национальностей. В 1927 г. из 145114 кыргызских хозяйств 62% составляли кочевые и полукочевые.

Ускоренное оседание кочевое и полукочевое населения было необходимо и в целях повышения культурного уровня и материального благосостояния народа, обеспечения быстрейших темпов реконструкции хозяйства, позволяющей уйти от малоэффективного натурального и полунатурального уклада. Исключительно масштабная и сложная проблема перехода к оседлости требовала планомерности и предварительного проведения целого комплекса

¹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма Сталину. – С. 221.

² Советский Киргизстан в документах. 1917–1967. – Фрунзе, 1983. – С. 71.

³ Там же. – С. 75.

⁴ Погорельский П. К вопросу о теории и практике оседания кочевников // Революционный Восток. – 1934. – № 5. – С. 188.

хозяйственных, культурно-воспитательных и организационных мероприятий. Вот почему переход основной массы кочевого и полукочевого населения Кыргызстана к оседлому образу жизни начался главным образом с 1931 г. К концу 20-х годов на оседлость перешли 42. тыс. кочевых и полукочевых хозяйств, но оставалось еще 85 тыс. таких хозяйств¹.

В феврале 1931 г. состоялся второй пленум Киргизского обкома партии. В его резолюции “О состоянии и развитии животноводства” указывалось: “Социалистическая и техническая реконструкция, подъем культуры и улучшение материальных условий существования трудящихся масс кочевых и полукочевых районов находятся в теснейшей связи и зависимости от проведения мероприятий по оседанию последних”².

В апреле того же года СНК Киргизской АССР утверждает план оседания по республике: 68 тыс. хозяйств из Сталинского, Нарынского, Ат-Башинского, Жеты-Огузского, Каракольского, Алайского, Кетмень-Тюбинского, Узгенского, Наукатского и Кызыл-Джарского районов. Было установлено, что “оседание должно проходить, в основном по линии:

а) полного землеустройства и водоустройства оседающих хозяйств с отводом им территорий для организации поселков, обеспечивающих коллективизацию оседающих хозяйств и создание постоянной и устойчивой кормовой базы для животноводства;

б) привлечения трудящихся масс кочевых и полукочевых районов в совхозы в качестве постоянных рабочих кадров;

в) привлечения трудящихся масс кочевых и полукочевых районов в качестве рабочих в промышленность и дорожное строительство всех видов”³.

Для руководства работой по оседанию в 1931 г. были созданы: 3 апреля – республиканский комитет при СНК, его возглавил председатель Совнаркома Ю.Абдрахманов; 18 октября – сектор при Наркомземе; 17 декабря – районные комитеты. Были разработаны и утверждены положения, по которым они действовали.

На республиканский комитет при СНК Киргизской АССР возлагались следующие обязанности: популяризировать среди широких масс кочевников идею оседания; определить районы

¹ История Киргизской ССР. – Т. 3. – С. 408, 427.

² Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 356.

³ Советский Киргизстан в документах. 1917–1967. – С. 201.

оседания и разработать план его проведения; наметить мероприятия по экономическому и культурному подъему оседающих хозяйств.

К основным практическим мероприятиям по оседанию относились:

нарезка земельных участков для оседающих бедняцко-средняцких хозяйств;

проведение работ по землеустройству, ирригации, дорожному строительству в точках оседания;

производственное, жилищное и культурно-бытовое строительство (возведение жилых домов, школ и библиотек, больниц, скотопомещений и т.д.);

обеспечение оседающих хозяйств семенами, сельскохозяйственными орудиями, заготовка кормов;

подготовка из оседающего населения кадров массовых профессий для всех отраслей сельского хозяйства, особенно животноводства.

В мае 1931 г. мероприятия по осуществлению перевода кочевого населения на оседлость было ассигновано 370 тыс. руб., причем 300 тыс. из них было выделено из бюджета РСФСР. В третьем квартале того же года союзным правительством на эти же цели была предоставлена долгосрочная ссуда в 210,8 тыс. руб.

В июле 1931 г. состоялся третий пленум Киробкома, утвердивший мероприятия по переводу на оседлость кочевого населения на ближайшие годы. Оседание кочевников – 68 тыс. хозяйств – должно было завершиться в 1933 г.¹ Задача, мягко говоря, нереальная. Далеко не полный подсчет, проведенный сектором оседания Наркомзема Киргизской АССР, показал, что для перевода на оседлость 30 тыс. хозяйств необходимо было 5000 бричек, 26 тыс. единиц различного столярного инструмента, большое количество пиломатериалов, стекла, гвоздей и т.п.

Промышленные предприятия республики давали все, что могли, но могли-то они тогда очень немного. Большую помощь республике оказывали предприятия РСФСР. В 1931 г. в районы массового оседания поступили наиболее дефицитные стройматериалы на общую сумму 24520 руб., в том числе в Ат-Башинский – на 5449 руб.;

в Алайский – на 5806; в Джеты-Огузский – на 5993; Сталинский – на 7272 руб.

¹ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 378.

В первый год массового оседания была проделана значительная работа, как указывал Ю. Абдрахманов, лишь в части отвода земельных участков и разбивки усадеб для 28 намеченных поселков, включающих 10247 хозяйств¹. Но в сентябре 1931 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление “О работе Киргизской парторганизации”. Оно обязывало Киробком в течение 1932 г. закончить полностью работу по переводу на оседлость кочевых и полукочевых животноводческих хозяйств, осуществив ее “на базе коллективизации, классового землеустройства, ликвидации феодально-родовых пережитков”².

Средазбюро “материально обеспечило” свою установку поручением Совнаркому Киргизской АССР выделить для этой работы из республиканского бюджета не менее 5 млн. руб. и просьбой в ЦК ВКП(б) об отпуске Совнаркомом СССР для Кыргызстана дополнительно 3 млн. руб.

В 1932 г. массовое оседание проводилось в 12 районах республики.

Ассигнования на эти работы составляли 19950 тыс. руб., 26% из них – средства из бюджета Киргизской ССР, 10% – из бюджета РСФСР, 10,8% – средства долгосрочного кредита по колхозной системе, 3,2% – средства кооперации и 50% – средства оседающего населения. При этом население должно было взять на себя лишь 9% денежных расходов, а остальные покрывать личным трудом в строительстве собственного дома.

5 октября 1932 г. СНК СССР принял постановление “О сельском хозяйстве и животноводстве в Казахстане”, которым предусматривались льготы кочевым и полукочевым хозяйствам Казахстана, переходящим на оседлый образ жизни. В специальном постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 октября 1932 г. указывалось, что это касается и Киргизии. В нем говорилось: “Распространить на кочевые и полукочевые животноводческие хозяйства в числе 60 тыс. хозяйств льготы, установленные постановлением СНК СССР от 5 октября 1932 года”. На основании этого постановления бывшие кочевники в течение двух лет, начиная с 1 января 1933 г., освобождались от централизованных скотозаготовок и хлебозаготовок.

¹ ЦГА РК, ф. 23, оп. 4, д. 548, л. 218.

² КПСС и Советское правительство о Советском Киргизстане: Сб. док. (1917–1974 гг.). – Фрунзе, 1974. – С. 99.

В реализации названного выше постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР Киробком ВКП(б) и Совнарком Киргизии 10 ноября 1932 г. принимают свои постановления. В них указано, что задачи “поселкового оседания” кочевых хозяйств “могут быть успешно выполнены только на основе добровольного и широкого участия и самостоятельности самих бедняцко-средняцких масс в борьбе с байством, манапством и их агентурой – правым уклоном (национализмом в этом вопросе) и левыми загибами”. Обком и правительство республики предостерегали “от административного навязывания населению размеров поселка, колхоза и стандартных типов постройки, от искусственного механического соединения различных родов и т.д.

Дело в том, что в ходе осуществления перевода на оседлость во многих местах были допущены серьезные ошибки:

перевод на оседлость сопровождался насильственной коллективизацией, при этом почти повсеместно создавались колхозы вместо тозов;

допускалась “гигантомания”, т.е. создавались большие поселки, что не всегда отвечало условиям горной республики;

не всегда обоснованно и при участии населения выбирались места для оседания, в результате многие созданные поселки, оказывались непригодными для жизни людей и оставались незаселенными (Алайский, Ат-Башинский и другие районы);

в ряде районов без учета трудовых навыков и предпочтений вчерашних кочевников внедрялось товарное зерноводство;

в соответствии с решением IV пленума Киробкома (январь 1932 г.) исходили из принципа “при оседании кочевых хозяйств не допускать родовых поселков”¹.

Все это отпугивало людей и тормозило переход к оседлости. В указанном уже постановлении Киробком и правительство Киргизии конкретизировали регионы и количество хозяйств, освобожденных от централизованных ското- и хлебозаготовок на два года: это все колхозные и бедняцко-средняцкие кочевые хозяйства в Нарынском, Сталинском, Алай-Гульчинском, Кетмень-Тюбинском и Ат-Башинском районах – всего 3973 хозяйств, а также 3 тыс. хозяйств в Балыкчинском районе, 1 тыс. – в Джеты-Огузском, 2 тыс. – в Кызыл-Джарском, 2 тыс. – в Орозбековском, 1,5 тыс. – в Наукатском, 2 тыс. – в Таласском, 2 тыс. – в Кировском, 1,5 тыс. – в

¹ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 415.

Каракольском, 1,5 тыс. – в Узгенском, 1,5 тыс. – в Сулюктинском, 1 тыс.

в Иссык-Кульском, 300 – в Джалал-Абадском (Тогуз-Тороо), 970 – в Калининском (Суусамыр) – всего 20270 хозяйств.

Кроме того, с этих хозяйств была списана государственная задолженность за прошлые годы и они освобождались на два года от различных государственных налогов и обязательных платежей. Наиболее удобной формой коллективизации в названных животноводческих хозяйствах было названо товарищество по совместной обработке земли и косьбе (тоз). Колхозникам разрешалось держать 2–3 коров, 10–20 овец, 10–20 свиней и поросят на хозяйство¹. Это было значительно меньше, чем устанавливалось ЦК ВКП(б) и союзным правительством, которые, учитывая специфические особенности Казахстана и Кыргызстана, разрешали колхозникам этих республик иметь в индивидуальном пользовании в животноводческих районах до 100 овец, 8–10 голов крупного рогатого скота, 3–5 верблюдов, 8–10 табунных лошадей на хозяйство.

Предоставление льгот кочевым и полукочевым хозяйствам сыграло исключительную роль в дальнейшем осуществлении перевода кочевников-скотоводов на оседлость. Они более сознательно и организованно стали переходить к оседлости.

В 1932 г. во всех районах успешно велось жилищное строительство. Государство в помощь оседающим выделило 61700 кубометров строительных материалов. Задание по строительству домов было выполнено на 153%, возведено 52 школы, 12 больниц и 107 хозяйственно-производственных помещений. На все эти мероприятия только государственных средств было израсходовано 15 млн. 193 тыс. руб. В общей сложности на оседлость в 1932 г. было переведено 35,5 тыс. хозяйств². Возникло 105 новых поселков.

Большую заботу о кочевниках проявляли рабочие Ленинграда, Москвы и других городов РСФСР. Так, в 1932 г. исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся принял решение оказать всемерное “содействие и помощь необходимыми материалами по обеспечению перехода кочевников на оседлость”. Примеру ленинградцев последовали и другие города России. Так, только один Сталинский район в Киргизской АССР в течение 1932–

¹ Советский Киргизстан в документах. 1917–1967. – С. 206–207.

² Бактыгулов Д. С. Социалистическое преобразование киргизского аила. – С. 127.

1933 г. из России в порядке бескорыстной помощи получил 11665 т цемента, 2022 кг сортового железа, 9480 кг гвоздей, 100 ящиков стекла, 750 кг охры, 1680 кг олифы, большое количество фанеры и т.д.

Из справки правительства Киргизской АССР IV съезду Советов республики (январь 1935 г.) видно, что особое место в общей системе мероприятий по землеустройству в Кыргызстане в 1931–1934 гг. занимали работы по переводу кочевого и полукочевого населения на оседлость. Мероприятиями по землеустройству кочевников было охвачено более 40 тыс. трудовых хозяйств, образовано более 160 поселков, отведено до 2,5 млн. га пахотопригодных земель, сенокосов и выпасов. Обеспеченность посевами одного хозяйства здесь составила 3,6 га, т.е. почти столько же, сколько в оседлых районах¹.

За эти 4 года на проведение мероприятий по переводу на оседлость было отпущено около 34 млн. руб., в том числе из бюджета СССР – 9864 тыс. руб., РСФСР – 4518 тыс., Киргизской АССР – 5582 тыс., за счет сельхозкредита – 3045 тыс. и из средств самого населения – 19803 тыс. рублей.

В 1935–1937 гг. в жизнь плановые мероприятия перевода к оседлости проводились более успешно. Вместо 8459 жилых домов, как предусматривалась правительственной программой на эти годы, было построено 13085.

В целом за 1931–1937 гг. на оседлость было переведено около 78 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств, а если считать число осевших в период с 1918 по 1937 г., то их было 142 тыс. хозяйств, или почти 600 тыс. человек. Однако переход на оседлость к этому времени еще не был завершен. Прямые затраты на эти мероприятия в 1938–1939 гг. составили 8903,2 тыс., а в 1940 г. – 1173,95 тыс. руб.²

Деятельность советской власти, направленная на возвращение кыргызов-беженцев на родину, восстановление законных прав кыргызов на сбереженные всеми поколениями предков и оставленные будущим потомкам земли, перевод кочевников и полукочевников на оседлость имели судьбоносное значение для народа.

Все эти меры спасли почти треть кыргызов от трагической судьбы скитальцев на чужбине, а остальных – от насильственного

¹ Советский Киргизстан в документах. 1917–1967. – С. 209–210.

² ЦГА ПД РК, ф. 56, оп. 4, д. 350, л. 22.

переселения на неудобья Внутреннего Тянь-Шаня. Значение перехода кочевых населения к оседлости состояло и в том, что это, избавив киргизов от часто повторяющихся голода и эпидемических болезней, создало условия для быстрого роста их численности. Если за 34 года (1926–1959 гг.) количество киргизов увеличилось лишь на 25%, то за последующие 11 лет (1959–1970 гг.), когда уже в полной мере проявились последствия оседлого образа жизни, – на 53,5%. Это поистине благотворное судьбоносное следствие советской политики, отрицать которое не может ни один здравомыслящий и непредубежденный человек. Для сравнения приведем данные о росте численности населения Монголии, оставшегося по-прежнему кочевым: население этой страны за 48 лет (1918–1956 гг.) увеличилось на 30%¹. По-видимому, эти цифры прироста населения следует считать оптимально достижимыми в архаичных условиях кочевого образа жизни.

3. Создание основ хозяйственного подъема

Обеспечение земель и перевод на оседлость в условиях Кыргызстана еще не означали создания достаточных условий для коренного изменения хозяйственного уклада с тем, чтобы созданная на его основе экономика стала материальной базой нового общественного строя.

Нужны были новые формы хозяйственных связей, высокопроизводительная техника, орудия труда, широкомасштабная ирригационная работа, особенно в условиях Средней Азии, где плодородная земля без воды – пустырь, а с водой и каменистая почва плодородна.

Ирригация на территории Кыргызстана, особенно в его южных районах, имеет древнюю историю. Интенсивное развитие орошаемого земледелия некоторые ученые относят к V в. до н.э. Археологические раскопки древнейших каналов позволяют считать временем начала освоения земледельцами оазиса эпоху бронзы.

История развития ирригации Кыргызстана обстоятельно исследована И. Семеновым и А. Рахимовым², мы же остановимся лишь на некоторых моментах, на наш взгляд, имеющих ключевое значение в понимании всей совокупности мер в новое и новейшее

¹ Население Земного шара: Справочник. – М., 1965. – С. 175.

² Семенов И., Рахимов А. Развитие ирригации в Киргизии. – Фрунзе, 1988.

время по переустройству экономического уклада в крае и жизни его населения.

Ирригационное строительство в Кыргызстане заметно оживилось после присоединения его к России, которое сопровождалось увеличением товарного зерноводства и особенно хлопководства. Общеизвестно, что еще до революции были составлены проекты нескольких ирригационных сооружений, а по отдельным из них начаты строительные работы. Так, в 1910 г. была организована Чуйская изыскательская партия под руководством инженера-гидро-техника, впоследствии профессора В.А. Васильева. К 1913 г. ею был составлен первый перспективный проект орошения из реки Чу. Предусматривалось регулирование стока реки путем строительства Орто-Токойского водохранилища. В качестве первоочередных работ намечалось строительство Ат-Башинской и Георгиевской оросительных систем с водозаборным узлом у Чумышских скал, а также Самсоновской – в верхнем течении р. Чу и Краснореченской.

В 1915 г. было начато строительство Чумышской плотины и Ат-Башинской оросительной системы, но вскоре в связи с войной работа была свернута до минимальных размеров. К этому времени орошаемые площади в Чуйской долине составляли не более 100 тыс. га, т.е. около 1/6 части земель, пригодных к орошению. Всего в нынешних границах республики площадь орошаемых земель к началу первой мировой войны не превышала 432 тыс. га.

Широкая ирригационная работа в Кыргызстане, как и во всей Средней Азии, началась в советский период по инициативе В.И. Ленина. Подчеркивая особую важность мелиорации земель, он предложил включить специальный пункт в Программу партии, принятую VIII съездов РКП(б). Он гласит: “В особенности РКП отстаивает:

1) всемерную государственную поддержку сельскохозяйственной кооперации, занятой переработкой продуктов сельского хозяйства; 2) широко проведенную систему мелиорации...”¹.

Выбранный курс в отношении мелиорации базировался на понимании огромного хозяйственного и социально-политического значения ирригационных работ, ибо, как писал Ленин, “орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму”².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 438.

² Там же. – Т. 43. – С. 200.

В начале 1918 г. В.И. Ленин встречается со специалистами-ирригаторами, работавшими в Туркестане еще в дореволюционное время. Декретом Совнаркома РСФСР от 3 мая 1918 г. в составе Главного управления Комитета государственных сооружений создается Управление по сооружению объектов водного хозяйства. 17 мая декретом СНК РСФСР “Об организации оросительных работ в Туркестане” для оросительных работ в крае выделяется 50 млн. руб.

(золотом), из них 3 млн. руб. предназначается на постройку ирригационных систем в долине р. Чу.

Однако с началом гражданской войны оросительные работы в Кыргызстане были прерваны. Ревком Киргизской автономной области в отчетном докладе констатировал, что к 1920 г. посевные площади в Кыргызстане уменьшились по сравнению с 1913 г. под зерновыми культурами на 50%, под техническими – на 39,9, под кормовыми – на 76,9%. В уездах Северного Кыргызстана поливная площадь сократилась в 1920 г. до 282,4 тыс. га против 438,4 тыс. га в 1914 г. Многие из ранее орошаемых посевных массивов были выведены из сельскохозяйственного оборота из-за крупных разрушений ирригационных систем.

Ирригационные работы возобновились с окончанием гражданской войны. Семиреченский военно-революционный комитет

в 1920 г. на продолжение ирригационных работ в Чуйской долине выделил 200 тыс. руб. В 1922 г. по указанию В.И. Ленина составляется пятилетний план реконструкции ирригационных сетей Средней Азии. На эти цели правительством РСФСР до 1924 г. было направлено более 10 млн. руб. золотом.

Благодаря принятым мерам в 1923–1928 гг. в Кыргызстане были восстановлены оросительные системы, введены в сельскохозяйственный оборот новые площади. За счет крупных по тому времени государственных капиталовложений (2439 тыс. руб. в 1926/27 и 3244,9 тыс. руб. в 1927/28 хозяйственных годах) были построены каналы инженерного типа: Краснореченский и Самсоновский (на правом берегу р. Чу). На юге республики были восстановлены каналы “Мырза-Арык” из р. Кара-Дарья, “Янги” из р. Куршаб, “Найман” из р. Чили-Сай, переустроен канал “Урман” из р. Кугарт-Сай. В результате такой работы орошаемые площади в республике в 1928 г. увеличились до 465 тыс. га, т.е.

дореволюционный уровень был превзойден более чем на 30 тыс. га, а к началу 1929 г. они уже составляли 519,7 тыс. га¹.

Начатое еще до революции строительство Чумышского гидроузла было завершено в 1934 г. Он обеспечил орошение 22 тыс. га земель в Кыргызстане по Ат-Башинскому каналу и 22 тыс. га в Казахстане – по Георгиевскому каналу. Кроме того, на этих каналах позже были построены гидроэлектростанции мощностью 400 и 1400 квт.

В ходе строительства Чумышского гидроузла дорабатывалась “Схема ирригации энергетического использования водных ресурсов Чу и развития орошения в Чуйской долине для территории Киргизии и Казахстана”. Схемой площадь орошения определялась до 315 тыс. га без устройства серии водохранилищ, а при устройстве Орто-Токойского, Чумышского, Ташуткульского водохранилищ – до 568 тыс. га, в том числе 370 тыс. га на территории Кыргызстана, против 242 тыс. га, предусмотренных первоначально.

19 июля 1937 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают постановление “О мероприятиях по усилению хозяйственного и культурного развития Киргизской ССР”. Постановлением поручалось: НКЗ СССР наряду с другими важными мероприятиями предусмотреть в плане 1938 г. окончание строительства Чуйской ирригационной системы и завершение изысканий, составление проектов и начало строительства по ирригационным объектам “Киргизский хребет” и “Араван-Сай”, а ЦК КП(б) Киргизии и СНК Киргизской ССР, используя выделенные НКЗ СССР долгосрочный кредит и материальные средства, развернуть подготовительные работы по строительству мелких колхозных гидроэлектростанций, что существенно содействовало бы дальнейшему развертыванию ирригационного строительства и комплексному использованию водных ресурсов².

II съезд Компартии Киргизии, состоявшийся 3–15 июля 1938 г., обязал ЦК обеспечить выполнение указанного постановления и потребовал “форсировать коренную реконструкцию основных ирригационных систем республики, приняв меры к упорядочению технической эксплуатации существующих ирригационных систем”³.

¹ Отчет о работе Правительства Киргизской АССР за два года (апрель 1929 – февраль 1931 гг.). – Фрунзе, 1931. – С. 78.

² КПСС и Советское правительство о Советском Киргизстане (1917–1974 гг.). – С. 221.

³ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. II. – С. 50.

Усилия партийных, советских, хозяйственных органов республики сконцентрировались на введении в строй незавершенных объектов и строительстве ряда новых ирригационных сооружений. В 1939 г. завершились строительство Кара-Дарьинской ирригационной системы в Сузакском районе, большого Нарынского канала протяженностью 20 км для орошения 1,3 тыс. га, а также переустройство Караунгурской ирригационной системы. Развернулось строительство канала Кара-Су–Кара-Балты, Ново-Павловского водохранилища и ряда других объектов по регулированию стока рек Кыргызского хребта.

В целом в 1928–1939 гг. в ирригационное строительство республики было вложено 112,3 млн. руб. государственных средств. Площадь орошаемых земель в 1939 г. составила 732 тыс. га. Ирригационное строительство стало поистине народным движением.

В апреле 1939 г. Ошский окружной комитет партии поддержал инициативу тружеников Кара-Суйского района о строительстве оросительного канала, давно планировавшегося Управлением водного хозяйства. Канал им. 1 Мая, проведенный за 10 дней, стал первой народной скоростной ирригационной стройкой в республике. В этом же году методом народной стройки были построены ирригационные объекты в бассейне р. Кара-Балты и Кара-Су, каналы “Жантай” во Фрунзенской области, “Гулян-Сай” и “Кызыл-Эмгек” – в Ошской, “Кайрат” – в Джалал-Абадской и др.²

В феврале 1940 г. народной стройкой было объявлено сооружение двух водохранилищ в Сокулукском районе, в марте введен в строй 17-километровый канал им. Энгельса в Базар-Курганском районе, обеспечивший орошение 1000 га пашни, затем канал им. VI сессии Верховного Совета СССР в Сузакском районе (600 га) и “Новооктябрьский” в Октябрьском районе. Труженики Араванского, Кара-Суйского и Ошского районов, вышедшие на строительство первой очереди Араванского канала, обязались проложить канал за 10 дней, а закончили работу за 8.

Работы по строительству второй очереди канала также были завершены досрочно. Канал удлинился на 97 км. Воду получили 4,5 тыс. га новых земель, из них 2 тыс. га в Туя-Муюнской долине. В некогда пустовавшей степи образовалось 4 колхоза, в основном за

¹ КПСС и Советское правительство о Советском Киргизстане (1917–1974 гг.). – С. 235.

² История советского крестьянства Киргизии. – С. 229.

счет перешедших на оседлость бывших кочевников высокогорных урочищ Кичик-Алай, Алайку и Кожокелен.

В результате таких подлинно всенародных строек в республике в 1939–1940 гг. было построено 25 каналов общей протяженностью 295 км, что позволило оросить 16,5 тыс. га новых земель и повысить водообеспеченность на 20 тыс. га¹.

16 марта 1940 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимают постановление “О строительстве Орто-Токойского водохранилища и Большого Чуйского канала”, что должно было обеспечить прирост орошаемых земель на 70 тыс. га в Кыргызстане и на 10 тыс. га в Казахстане. 25 апреля СНК и ЦК ВКП(б) Киргизии принимают постановление, предусматривавшее большой круг хозяйственно-организационных и партийно-политических мероприятий по строительству указанных объектов с весны 1941 г.

Учитывая положительный опыт имевших место в республике скоростных строек, было решено соорудить методом народной стройки Большой Чуйский канал (БЧК). Предусматривалось, что колхозы будут принимать долевое участие в строительстве БЧК и доля их составит до 50% стоимости всех работ. 10 мая 1941 г. закончилась разбивка трассы канала по участкам (всего 12 строительных участков, на 10 из которых работали кыргызстанцы, а на 2 – казахстанцы).

С этого дня на 140-километровой трассе канала началась работа. В среднем каждый работающий выполнял норму почти на 160%. За 40 рабочих дней (с 10 мая по 23 июня 1941 г.) годовой план строительства Большого Чуйского канала был выполнен на 39%, а долевого участия – на 50,7%.

В то же время велось строительство Отуз-Адырского канала (где самоотверженно трудились более 20 тыс. человек), Араванского (12 тыс.), Наукатского (13 тыс.). Однако не все из намеченного было построено – помешала самая разрушительная в истории человечества война.

И тем не менее к весне 1941 г. площади поливных земель Кыргызстана достигли 794 тыс. га, т.е. на 57% был превзойден уровень 1928 г. Однако увеличение орошаемых земель не соответствовало быстрому росту населения республики, в том числе и за счет миграции из других регионов. Если в 1926 г., по нашим

¹ Там же. – С. 230–231.

подсчетом, на каждого жителя Кыргызстана приходилось 0,63 га поливной земли, то в 1939 г. – 0,51 га.

Как видим, мероприятия, направленные на расширение орошаемых земель, в отличие от других мер по переустройству аграрного сектора почти всегда становились общенародным делом и проводились с огромным энтузиазмом масс. Главная причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что эти преобразования не имели идеологической, классовой окраски, не только не противоречили, а в полной мере совпадали с жизненными интересами и потребностями всех слоев населения независимо от их классовых, национальных и иных различий. Совместный и самоотверженный труд для общего блага на стройках, на основе здоровой соревновательности, стал подлинной школой взаимопонимания, взаимоуважения, взаимопомощи, которые в сумме своей называются великим словом –

Дружба!

Переустройство земельных отношений сопровождалось развитием кооперации. Уже в 1921 г. в Кыргызстане насчитывалось около 30 кредитных товариществ. В 1923 г. ими было выдано ссуды более 80 тыс. руб. золотом и 22 тыс. червонных рублей. В дальнейшем сеть кредитной сельхозкооперации быстро росла. В 1922/23 г. кредитных товариществ стало 56, в 1923/24 г. – 77, в 1924/25 г. – 201. Получившие землю дыйкане нашли в кооперации надежный источник снабжения льготным кредитом, рабочим скотом и сельхозинвентарем.

В.И. Ленин подчеркивал, что только переход к крупному коллективному хозяйству, основанному на кооперативной форме собственности, обеспечит крестьянам зажиточную и культурную жизнь. Но решиться на такой шаг крестьяне могут, только убедившись в преимуществах кооперации, будучи материально заинтересованными в переходе к такому хозяйству. Кооперация должна была, как отмечал в свое время Н.И. Бухарин, “привлекать крестьянина тем, что она дает ему непосредственные выгоды. Если это кооперация кредитная, то он должен получить дешевый кредит, если это кооперация по сбыту, то он должен более выгодно продать свой продукт и быть от этого в выигрыше. Если он хочет закупить что-нибудь, то он должен это делать через свою кооперацию, он должен получать через кооперацию более добротный и более дешевый товар и таким путем строить кооперацию дальше”¹.

¹ Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1988. – С. 143.

Главными принципами ленинского кооперативного плана были добровольность и постепенность перехода крестьян от низших форм кооперации, охватывающих преимущественно сферу снабжения, взаимопомощи и сбыта, к высшим ее формам, распространяющимся и на производство.

Прошлая и современная аграрная практика показывает, что разделение труда в вопросах снабжения, сбыта, согласованные действия в масштабах и направлениях сельскохозяйственного производства, т.е. кооперирование в широком и исконном смысле слова, – единственный путь повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Крестьянину, арендатору или фермеру в реальных, а не “сочиняемых” условиях республики в одиночку нельзя было обеспечить удовлетворение потребности всего общества в сельскохозяйственной продукции, добиться резкого повышения производительности своего труда. Это доказано и историей сельскохозяйственного производства нашей страны того периода, когда кооперирование крестьян шло по ленинской идее, без сталинских извращений. Для более полного понимания роли и значения кооперации в ленинском смысле, считаем нужным восстановить ленинскую субординацию или взаимосвязи кооперации с новой экономической политикой. Ибо до последнего времени в нашей историографии кооперация рассматривалась как деревенская форма, подчиненная часть новой экономической политики, хотя для Ленина связь и соотношение политики кооперации и нэпа были совершенно иными.

В.И. Ленин, считая, что “строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма”¹, в кооперации видел часть конечной цели, а в новой экономической политике, хотя и введенной “всерьез и надолго”, – лишь политику переходного периода от капитализма к социализму. Поэтому он указывал: “Не кооперацию надо приспособлять к нэпу, а нэп к кооперации”² с тем, “чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения”³.

Следовательно, нэп как политика переходного периода по ленинскому замыслу должен был не только осуществляться через кооперацию, но и иметь в качестве одной из целей максимальное

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 373.

² Там же. – Т. 54. – С. 195.

³ Там же. – Т. 46. – С. 372.

развитие кооперации, ее превращение во всеобщую форму социальной организации населения страны. Ибо в то время требовалось, как подчеркивал В.И. Ленин, – “только” одно: сделать наше население настолько “цивилизованным”, чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. “Только” это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму”.

В.И. Ленин никогда не указывал сколько-нибудь определенных сроков социалистического переустройства мелкого крестьянского хозяйства на основе кооперации. Наоборот, он всегда подчеркивал, что это длительный процесс. В статье “О кооперации” говорилось о том, что для вовлечения “поголовно всего населения” в кооперацию потребуется “целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно–два десятилетия”¹.

Речь шла обо всех формах кооперации, а не только о колхозной. Колхозы же в то время считались одной из форм кооперации, притом создаваемых не от хорошей жизни. Н.И. Бухарин, например, считал, что безлошадная и безинвентарная крестьянская беднота, которая не в состоянии справиться со своим надделом, неизбежно будет тяготеть к колхозам, а не к товариществам по сбыту, “потому что, по сути дела, им и сбывать-то почти нечего... Поэтому колхозы являются естественной формой организации бедняцких хозяйств”². Середняцкие же хозяйства, стоящие на ногах прочно, могут организовываться, считал Бухарин, в кооперации “и по линии закупок, и по линии сбыта, и по линии кредита. Основной массой, основным ядром крестьянства, является в первую очередь крестьянин-середняк. Поэтому основной формой кооперации является точно так же сельскохозяйственная кооперация соответствующего вида”³. Иными словами, Бухарин основной и массовой формой кооперации считал сбытовые, закупочные и кредитные кооперации, объединявшие основную часть крестьянства.

VIII съезд РКП(б) в своей резолюции об отношении к среднему крестьянству подчеркивал, что “среднее крестьянство, имеющее сравнительно крепкие экономические корни, будет держаться довольно долгое время. Поэтому тактика партии и правительства должна быть рассчитана на длительный период сотрудничества. Кооперативные движения среди них в целях поднятия сельского

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 372.

² Бухарин Н.И. Избранные произведения. – М., 1988. – С. 182.

³ Там же.

производства должны находить со стороны государства широкую финансовую и организационную помощь”. Съезд подчеркивал, что ценны лишь те объединения и товарищества крестьян, которые проведены самими крестьянами по их свободному поиску и выгоды коих проверены ими на практике. Чрезмерная торопливость в этом деле вредна, ибо способна лишь усиливать предубеждения среднего крестьянства против новшеств”¹.

СНК РСФСР декретом от 27 мая 1921 г., отдавая руководящие указания органам советской власти на местах о принятии необходимых мер к всемерному развитию сельскохозяйственной кооперации, категорически потребовал: “Не стеснять крестьян... в свободном распоряжении производимым ими товаром...”².

ЦК РКП(б) в письме всем партийным организациям от 16 марта 1922 г., подчеркивая особое значение кооперации в развертывании сельскохозяйственной политики, подчеркивал, что кооперация лишь тогда охватит широкие массы крестьянства, когда “возьмет на себя обслуживание всех нужд земледельческого производства: в отношении кредита, снабжения хозяйства средствами производства, организации сбыта его продуктов и пр.”³

XII съезд РКП(б), указав на ускорение имущественного расхождения крестьянства в условиях новой экономической политики, когда зажиточный крестьянин, став основным кредитором своего соседа – мелкого крестьянина, получает экономическую и политическую власть над последним, подчеркнул гигантскую “важность вопроса о создании такого доступного мелким и мельчайшим крестьянам государственного и кооперативного кредита, который мог бы включиться в экономические отношения крестьянства против кулака”⁴.

В резолюции XIII съезда РКП(б) уточнялась задача кооперации в деревне. Она сводилась не только к тому, чтобы дать крестьянскому хозяйству дешевые товары, т.е. организовать его как потребителя. “Кооперация, – указывалось в резолюции, – должна организовать крестьянина и как производителя, и с этой точки зрения развитие сельскохозяйственной производственной коопера-

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). – Т. 1. – С. 142. (В дальнейшем: Решения партии и правительства...).

² Решения партии и правительства... Т.1. – С. 232.

³ Там же. – С. 285.

⁴ КПСС в резолюциях... – Т. 3. – С. 118.

ции имеет колоссальнейшее значение”. Поэтому особое внимание должно было быть обращено “на развитие уже складывающихся форм производственно-сбытовых объединений (Маслоцентр, Льноцентр, Союзкартофель и т.п.)...”¹.

Считая нецелесообразным применение каких-либо административных мер против вырастающей на почве свободной торговли буржуазной (кулацкой) верхушки в деревне, признавая необходимым поддержку трудового крестьянского хозяйства, поскольку оно является проводником лучших способов ведения хозяйства, III съезд Советов СССР, состоявшийся в мае 1925 г., заявил, что политика советской власти должна быть направлена на действительную помощь бедняцким и середняцким элементам крестьянства в поднятии их хозяйства, материального благосостояния и политического и культурного роста их. Объединение этих слоев крестьянства путем кооперации, в первую очередь сельскохозяйственной и кредитной, признавалось единственно правильным путем подъема их “хозяйственной силы”².

Политика партии, направленная на всемерное развитие кооперации и в первую очередь кредитной и сбытовой, исходила из определения сущности кулака как слоя зажиточного крестьянства, тяготевшего к преумножению богатства за счет ростовщичества, торговли (в первую очередь посреднической) и т.д. Отсюда и разграничение его и трудового крестьянства, создающего ценности (независимо от объема) трудом на земле силами собственной семьи. Позже и эти понятия были деформированы до неузнаваемости: стали считать коров и лошадей, оценивать дом и прочее, уже независимо от того, трудом они нажиты или спекуляцией.

И на XV съезде ВКП(б), состоявшемся в декабре 1927 г., за которым необоснованно закрепилось название “съезда коллективизации”, речь шла о развитии всех форм кооперации. Ни сроков, ни единых форм (в виде колхозов), ни способов (путем администрирования) кооперирования крестьянских хозяйств съезд не устанавливал.

Объявив объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы основной задачей партии в деревне, съезд категорически указал, “что этот переход может происходить только при согласии на это со

¹ Там же. – С. 236.

² Решения партии и правительства... – Т. 1. – С. 472.

стороны трудящихся крестьян...”¹ На базе различных форм кооперации крестьяне должны были убедиться в преимуществах коллективного труда. И при условии полного кооперирования страна, как писал В.И. Ленин, “стала бы обеими ногами на социалистическую почву”².

На территории Кыргызстана простейшие формы кооперации, как отмечалось, начали образовываться сразу же после окончания гражданской войны. 8 марта 1920 г. пленарное заседание Туркестанского краевого комитета РКП(б) принимает решение по профессиональному и кооперативному строительству, в котором констатируется, что наиболее подходящей формой объединения мелкого производителя – кустаря и дыйканина должна быть кооперация: производственная, потребительская, сельскохозяйственная, кредитная. Среди кочевого населения предлагалось создание потребительских, а где можно – и производственных кооперативов³. Осенью 1922 г. высшие органы власти Туркестанской АССР принимают решение о создании кредитных, ссудосберегательных кооперативных товариществ, которые обеспечивали бы своих членов льготными ссудами и помогали бы им в других хозяйственных нуждах. В 1923 г. образовывается Среднеазиатский сельхозбанк. В 1924 г. “Турксельхозсоюз” преобразовывается в Союз союзов, который имел особый отдел по кооперированию трудящихся-кочевников. Отдел проводил значительную работу по развитию кооперативного движения. 16 февраля 1924 г. в Кыргызстане основано скотоводческое товарищество “Чолпон”, а 4 января 1925 г. – “Аксай”, способствовавшее вовлечению кыргызских кочевых хозяйств в кооперативы. К октябрю 1925 г. в КАО насчитывалось 232 сельскохозяйственных кооперативных объединения, в которых было 21739 членов, или около 10–12% хозяйств.

Первая областная партийная конференция (март 1925 г.) констатировала: “Захват розничного рынка частным капиталом лишней раз подтверждает чрезвычайную слабость нашей кооперации и выдвигает перед нами ударную задачу всемерного ее расширения”⁴. Конференция поставила задачу расширения и укрепления

¹ КПСС в резолюциях... – Т. 4. – С. 299.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 376.

³ Образование и деятельность Коммунистической партии Туркестана. Летопись событий. – Ч. II. 1917–1924 гг. – С. 187.

⁴ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. I. – С. 19.

сельхозкооперации в первую очередь в Каракольском, Джалал-Абадском и Ошском округах.

Второй пленум Киробкома (июнь 1925 г.) указал на необходимость усиления работы по вовлечению скотоводов в сельскохозяйственную кооперацию (скотоводческие товарищества)¹.

Вопрос о перспективах кооперативного строительства рассматривала и вторая областная партийная конференция (ноябрь 1925 г.). Она вскрыла ряд причин слабости кооперативного движения: это увлечение большинством кооперативных объединений торговлей потребительскими товарами и недостаточное внимание организации сбыта продуктов крестьянского хозяйства и обслуживанию кредитов членов товарищества, незначительность оборотных средств, нехватка надлежащего учета, грамотных экономических расчетов, отсутствие опыта, особенно в скотоводческих районах, а зачастую и административное вмешательство в деятельность кооперации, неправильный подход к подбору правлений² и т.д.

Надо сказать, что существовали разные точки зрения на кооперирование кочевников. Так, в соответствии с одной считалось, что “род” является “идеальной” базой для организации кооперативов, и без опоры на “родовую организацию” всякие попытки кооперативного строительства обречены на неудачу. Предлагалось также использовать некоторые традиции и элементы “родового” быта в целях развития и укрепления кооперативного движения в кочевьях и направлять усилия на “подтачивание” основ “родовых отношений” в аилах. Высказывались также предложения создавать кооперативные объединения не по “родам”, а с учетом экономических интересов трудящихся и предлагалось при вовлечении кочевого крестьянства в кооперативы строго придерживаться классового принципа³.

При преобладании в то время классового подхода во всем и здесь верх взяла третья точка зрения. Между тем развитие кооперативного движения на основе выработанной столетиями своеобразной “родовой” кооперации, о наиболее характерных чертах которой речь шла выше, не отталкивало бы людей и дало бы больший эффект и в организационном, и в хозяйственном смысле.

¹ Там же. – С 37.

² Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч 1. – С. 65.

³ См.: Бактыгулов Д.С. Социалистическое преобразование киргизского аила. – Фрунзе, 1978. – С. 48–49.

Положительную роль в распространении кооперативного движения сыграл Кооперативный совет Киргизской АССР, созданный в мае 1926 г. Совет занимался расширением всей сети кооперации, способствовал установлению правильных взаимоотношений кооперации с государственными органами и другими организациями и т.д.

IV областная партийная конференция (ноябрь 1927 г.), отмечая значительный рост кооперативного движения, которое охватывало уже ряд скотоводческих районов, указала, что приток в кооперацию бедноты, особенно в районах Нарына и Таласа, незначительный.

Для того, чтобы заинтересовать бедноту, дать почувствовать реальную пользу от кооперирования конференция предлагала предоставлять кооперативной бедноте и батрачеству заработок по обслуживанию кооператива (перевозка товаров, заготовка дров, тары и т.п.); проводить льготное обслуживание бедноты (в прокатных пунктах, случных пунктах, в снабжении сельскохозяйственным инвентарем) путем предоставления скидок; создать в некоторых наиболее населенных местах льготные кооперативы, которые “дадут возможность беднейшему крестьянству не продавать за бесценок хлеб, скот и т.д.”¹.

Довольно быстрый темп развития сельскохозяйственной кооперации, как отмечалось в резолюции II пленума Киробкома (март 1928 г.), обеспечивался главным образом в оседло-земледельческих районах. В скотоводческих и земледельческо-скотоводческих районах он был гораздо ниже, “при совершенном отсутствии роста в пастбищно-кочевых районах, что видно из следующих цифр: охват населения сельскохозяйственной кооперацией во Фрунзенском кантоне – 34%, в Джалал-Абадском и Ошском – 33, в Каракольском кантоне – 24, в среднем по республике – 28%”².

На темпах кооперации в скотоводческих районах сказывалась и несовершенство инструкции по предоставлению кредитов Россельхозбанка, который был создан для земледельческих районов России, и в этом случае не учитывалась специфика Кыргызстана.

В августе 1928 г. совещание при отделе по работе в аиле и кыштаке Киробкома ВКП(б), заслушав доклад Кирсельсоюза “О формах и методах кооперирования дыйканских хозяйств в Киргизии”, приняло развернутое постановление. В нем

¹ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 164.

² Там же. – С. 180.

разъяснилось, что при определении методов и форм кооперирования оседлых земледельческих хозяйств нужно применять те же формы и методы кооперирования, которые применяются в масштабе страны, а при кооперировании кочевых и полукочевых хозяйств ведущей формой считать скотоводческо-кредитное товарищество. С учетом условий жизни кочевников кредитные общества имели право снабжать животноводов продовольствием, предметами хозяйственно-бытового обихода, племенным скотом, кормами, а также заниматься организацией специализированных овцеводческих, коневодческих и других отраслей, а также предприятий по переработке и сбыту продуктов животноводства.

Благодаря принятым мерам к октябрю 1928 г. в Кыргызстане кооперацией было охвачено уже 42,7% крестьянских хозяйств. Процент кооперированных хозяйств был высоким во Фрунзенском кантоне (72) и Ошском округе (72,5), оставался низким в Чуйском районе (13) и Нарынском кантоне (15,1)¹.

С 1926 по 1928 г. число кооперированных кыргызских и узбекских хозяйств увеличилось с 29,2 до 58,7 тыс., а процент кооперирования повысился с 18,7 до 36,3. По социальному составу среди членов сельскохозяйственной кооперации республики бедняков было около 60%, середняков – 36, зажиточных – 4%. Возросла сумма кредита дыйканским хозяйствам: если в 1926/27 г. сельхозкредит всех видов составлял почти 3 млн. руб., то уже в 1927/28 г. он увеличился до 9,3 млн. руб.

V областная партийная конференция (январь 1929 г.), отметив такие недостатки сельскохозяйственной кооперации, как перенесение центра тяжести своей работы на торговлю за счет обслуживания и организации производственных процессов; слабый охват местного населения (36,3% кыргызов и узбеков и 72,5% европейцев), полное отсутствие переработки продукции сельского хозяйства; недостаточное внимание делу подготовки кадров кооперативных работников, слабое накопление собственного капитала, в результате чего появился значительный разрыв между собственным и заемным капиталом (соотношение 1:23) и т.д., одобрила взятую обкомом партии линию на организацию специальных видов кооперации. В июле 1928 г. был сформирован “Пактасоюз”, а в январе и феврале 1929 г. – “Кирживсоюз” и “Кирколхозсоюз”, которые проводили значительную работу по расширению кооперации.

¹ Отчет о работе правительства Кыргызской АССР за два года (март 1927 г. – апрель 1929 г.). – С. 148–149.

Если в 1928–1929 гг. в республике было 84219 кооперированных хозяйств, что составляло 47% от их общего количества, то в 1931 г. по системе “Кирколхозсоюза” было кооперировано 66,4% полеводческих хозяйств, “Кирживсоюза” – 68,3% скотоводческих хозяйств, а “Пактасоюза” – 66,7% хозяйств хлопкоробов. Кроме них дальнейшее развитие получили и такие виды специализированной кооперации, как кустарно-промысловая и особенно мелиоративная, деятельность которой имела не только народнохозяйственное, но и важное социальное значение.

Кооперация наряду с кредитованием сельскохозяйственного производства, обеспечением различными товарами домашнего обихода проводила значительную работу по снабжению кооперативов сельскохозяйственным инвентарем и машинами. Из индустриальных районов страны в 1924–1929 гг. кыргызское крестьянство получило 32379 плугов, 16565 борон, 1397 сеялок, 1999 культиваторов, 2961 зерноочистительную машину, 942 конных грабель.

В 1924 г. в Кыргызстан впервые из центра прибыло 3 трактора. В 1926 г. их стало 42, в 1928 г. – 100, в 1930 г. – 338, в 1932 г. – 1173, в 1934 г. – 1922¹.

В результате аграрных преобразований, осуществленных в 20-е годы, в республике происходило быстрое развитие сельскохозяйственного производства. В 1928–1929 гг. общая посевная площадь существенно возросла, превзойдя уровень середины 20-х годов. За 1926–1929 гг. товарность сельскохозяйственной продукции увеличилась в 1,5 раза. Зерновые культуры продолжали занимать доминирующее положение. Существенное распространение получили посевы технических культур (кенаф, табак, сахарная свекла, хлопок). Так, в 1927–1928 гг. посевы хлопка составили 44,3 тыс. га, т.е. их стало в 1,6 раза больше, чем было в 1915 г.

Несмотря на джунт 1927–1928 гг., нанесший животноводству большой урон (более полумиллиона голов скота погибло от бескормицы), к 1928 г. скотоводство по многим видам превзошло уровень 1916 г. Численность скота на июль 1928 г. по сравнению с соответствующим месяцем 1916 г. по лошадям составляло 87,2%, по

¹ Советский Кыргызстан в документах. 1917–1967. – С. 191.

крупному рогатому скоту – 146, овцам и козам – 164,6, свиньям – 105,6%¹.

Таким образом, в годы новой экономической политики, которая, по определению Ленина, вводилась “всерьез и надолго”, в Кыргызстане были осуществлены революционно-демократические, национально-демократические и аграрные преобразования, в корне изменившие социально-политический строй и хозяйственный уклад коренного населения. Были созданы реальные предпосылки для дальнейшего быстрого развития.

Однако жизнь пошла по другому пути. Сталин, столкнувшись с внутренними и международными трудностями, ревизовал ленинский план построения социализма в СССР в целом. Он навязал партии и народу свое понимание и самого социализма, и путей его построения. Главная суть сталинского пути заключалась в отказе от нэпа, извращении путей индустриализации и ленинского кооперативного плана, замене принципа добровольности при кооперировании административным диктатом и произволом.

И тем не менее опыт аграрной политики советской власти середины 20-х годов, в основе которой лежало наделение крестьян земельными участками с одновременным созданием снабженческих, сбытовых, кредитных и потребительских коопераций, ограждающих крестьян от засилия перекупщиков, посредников и спекулянтов, имеет непреходящее значение. Его применение с учетом новых реалий жизни могло бы сыграть определенную роль в поддержке и подъеме нынешних “общипываемых” со всех сторон фермерских, дыйканских и коллективных хозяйств.

4. Ход и результаты коллективизации

На протяжении десятилетий в научной и пропагандистской литературе мы с убежденностью повторяли, что коллективизация была великой революцией – второй после Октябрьской. Она уничтожила источники и каналы эксплуатации в деревне; позволила мобилизовать материальные и человеческие ресурсы для индустриализации, укрепления оборонной мощи страны, для социального и культурного прогресса общества; колхозный строй выдержал

¹ Краткий статистический справочник хозяйственного и социально-культурного строительства Киргизской ССР за 20 лет Великой Октябрьской революции. – Фрунзе, 1937. – С. 44–47.

тяжелейшие испытания войны и доказал свое преимущество; колхозное производство стало одной из основ экономики и благосостояния всего общества. Ныне же вместо широко распространенной до последнего времени такой трактовки значения колхозного строя повсеместно стали говорить о негативных последствиях насильственной коллективизации. В обобщенном виде суть обвинений сводится к следующим моментам:

коллективизация и ликвидация кулачества проходили в обстановке безудержного форсирования и сопровождалась насилием по отношению ко всему крестьянству, привели ко многим человеческим жертвам;

в ходе коллективизации и ликвидации кулачества подверглись разрушению важнейшие элементы производительных сил сельского хозяйства. В результате “перегибов” и “извращений” были ликвидированы не только кулаки, но и большое количество середняков, т.е. наиболее активная хозяйственная часть крестьянства, и даже бедняцких хозяйств, тем самым был совершен решающий шаг в раскрестьянивании деревни;

колхозы были поставлены в положение, которое исключало самостоятельность и инициативу, хозяйственность и бережливость, т.е. основу, на которой держится само хозяйствование;

средства производства и производимая продукция стали “ничейными”, а это привело к бесхозяйственности, истреблению поголовья скота, снижению урожайности сельскохозяйственных культур;

все эти негативные последствия обрекли сельское хозяйство на хроническое отставание и медленное движение в социально-экономическом развитии, без насильственной коллективизации вклад деревни в общественное развитие мог бы быть намного значительнее и не стоить так дорого¹.

Возникает законный вопрос: почему же или ради чего было совершено такое насилие над крестьянством?

Несмотря на заметный подъем крестьянского хозяйства в результате земельной и водной реформы, добровольного кооперирования, обеспечения более совершенной техникой, влияния новой экономической политики и т.п., в 1925–1929 гг. производство зерна в стране колебалось на уровне или чуть выше довоенного 1913 г. Производство же технических культур было неустойчивым. Иными словами, возможности сельского хозяйства для удовлетворения потребностей индустриализации страны пока были ограниченными.

¹ Урок дает история. – М., 1989. – С. 139–140.

Усугубил положение кризис хлебозаготовок в конце 1927 г., возникший как результат рыночных колебаний. В том году зерновых собрали на 45 млн. ц меньше, чем в 1926 г., а технических культур – намного больше. Значительная часть крестьянства сумела обеспечить свои товарно-денежные потребности за счет реализации технических культур и продукции животноводства и сократила продажу зерновых.

Уменьшение государственных заготовок хлеба создавало угрозу планам промышленного производства, экспорта зерновых, осложняло экономическое положение, выполнение снабженческих планов, обостряло социальные конфликты в городе и деревне. В этой обстановке было принято решение о применении следующих чрезвычайных мер: предлагалось установить твердые цены (т.е. “заморозить” рыночные цены на осеннем уровне), привлекать к судебной ответственности скупщиков и владельцев больших товарных запасов зерна в случае их отказа продавать его заготовительным организациям.

Сталин и его окружение не проявили государственной мудрости по отношению к крестьянству и перешли к широкому применению чрезвычайных мер насилия. На места направлялись подписанные Сталиным директивы с угрозами в адрес местных руководителей. Сталин сам показал пример в январе–феврале 1928 г. во время поездки по округам Западной Сибири, где были сняты с постов и наказаны многие местные руководители – за “примиренчество” и “срачивание” с кулачеством. На Урале, куда на хлебозаготовки выезжал В.М. Молотов, в это же время было отстранено от работы 1157 человек. Опасение репрессий заставляло многих местных работников выполнять задания любой ценой, не останавливаясь перед произволом и насилием. Повсеместно стали закрываться рынки, давались непосильные задания, проводились обыски по дворам. Привлечение к суду, аресты в административном порядке стали обычными явлениями.

О том, что происходило в кыргызских кыштаках в это время, можно судить по записям в дневниках Ю.Абдрахманова и некоторым косвенным данным, так как документов, отражающих чрезвычайные действия, почти нет – их не хранили. Абдрахманов писал: «9 X. 28. Принял несколько дехкан. Все они жалуются на тяжесть с/х налога. Действительно переборщили. Те, которые в прошлом году платили 10, в этом году платят 100. Ненормально, но

исправлять не в моих силах. Это вытекает из “дальнозоркого” руководства центра»¹.

К весне 1929 г. чрезвычайные меры стали применяться еще шире. У крестьян изымались не только излишки, но и семенное зерно, производственный инвентарь и даже личное имущество. Все это вызвало открытые протесты крестьян, вплоть до вооруженных выступлений. В 1929 г. в стране было зарегистрировано около 1300 так называемых “кулацких мятежей”.

И.В. Сталин кризис хлебозаготовок объяснял “кулацкой стачкой” – выступлением якобы окрепшего в условиях нэпа кулачества против советской власти. Единственный путь преодоления этого кризиса, по мнению Сталина, состоял в беспощадном уничтожении “причины”, т.е. кулака, на основе сплошной коллективизации.

Н.И. Бухарин же и его сторонники причину “хлебного кризиса” видели в недостатках в сфере управления и предлагали в качестве альтернативы другой путь – совершенствование работы партии и государства, осуществление индустриализации и коллективизации по мере созревания объективных и субъективных условий на основе сохранения и совершенствования экономического механизма, складывающегося в годы новой экономической политики.

В то время был известен и реально начал действовать и третий вариант – вариант, предусмотренный первым пятилетним планом развития народного хозяйства СССР (1928/29 – 1932/33 гг.), одобренный XVI партконференцией в апреле и принятый V съездом Советов СССР в мае 1933 г. По плану к концу пятилетки, т.е. к 1933 г., всеми формами сельскохозяйственной кооперации должны были быть охвачены до 85% крестьянских хозяйств, 18–20% из них предполагалось вовлечь в колхозы². Предусматривались реальные меры, направленные на подъем производства в частном секторе. Это был напряженный, требующий больших усилий, но реальный путь.

Сталин и его окружение пошли по спрямленному пути, дающему на их взгляд, наибольший эффект в изъятии у крестьян максимально возможного ради ускоренной индустриализации. Даже в пятилетнем плане, составленном более реально, было заложено, что к концу пятилетки колхозы и совхозы, обладая 13% всей по-

¹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма Сталину. – С. 110–111.

² КПСС в резолюциях... – Т. 4. – С. 451.

севной площади, должны были дать 15,5% валовой и 43% товарной продукции зерновых культур¹.

Путь форсированной коллективизации определился в конце 1929 г. Ее “теоретическим обоснованием” стала статья Сталина “Год великого перелома”, опубликованная в газете “Правда” 7 ноября. В ней утверждалось, что в колхозы якобы пошли основные, середняцкие, массы крестьянства, тем самым был достигнут коренной перелом в развитии сельского хозяйства². На самом же деле в колхозах тогда состояло 6–7% крестьянских хозяйств³.

В статье перед колхозами и совхозами была поставлена совсем уже нереальная задача. Они уже в 1930 г. должны были дать более 400 млн. пудов зерна, т.е. свыше 50% товарной продукции зерновых всего сельского хозяйства (внедеревенский оборот)⁴.

Следующим шагом на пути ускорения насильственной коллективизации стали решения ноябрьского пленума ЦК ВКП(б). Пленум вывел из состава Политбюро ЦК ВКП(б) Бухарина как идеолога правого уклона, предупредил Рыкова, Томского, а также Угарова о том, что в случае малейшей попытки с их стороны продолжить борьбу против линии партии на форсированную коллективизацию, против них будут незамедлительно применяться соответствующие меры. Пленум, исходя из сталинского утверждения, что “в колхозы двинулась середняцкая масса”, поставил задачу сплошной коллективизации не только целых селений, районов и округов, но и отдельных областей, при этом всячески пресекая попытки проникновения в колхозы кулаков⁵.

Точку в плане ускоренной коллективизации поставило постановление ЦК ВКП(б) “О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству”, принятое 5 января 1930 г.

В нем Политбюро ЦК ВКП(б) пересмотрело пятилетний план колхозного строительства. Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга должны были в основном завершить коллективизацию “осенью

1930 года или, во всяком случае, весной 1931 года”, другие зерновые

¹ Там же.

² Сталин И.В. Соч. – Т. 12. – С. 132.

³ Урок дает история. – С. 150.

⁴ Сталин И.В. Соч. – Т. 12. – С. 126.

⁵ КПСС в резолюциях... – Т. 5. – С. 29–30.

районы – “осенью 1931 г. или, во всяком случае, весной 1932 года”¹. Кыргызстан был отнесен к третьей группе районов, где коллективизация должна была завершиться в основном в 1932–1933 гг.²

Однако “революционная нетерпеливость” местных руководителей, обусловленная стремлением к коренному улучшению жизни своего народа, верой в успешный переход к социализму сокращенным путем через сплошную коллективизацию, заставляла сокращать сроки. Ведь до сих пор проводимые советской властью мероприятия – образование государственности, политика перевода к оседлости, ликвидации неграмотности и другие – были во благо народа. Боязнь быть обвиненными в правом оппортунизме, привела к бешеным темпам насильственной коллективизации во многих районах страны. Большое значение в этом имело и то, что местные руководители видели в создании колхозов верный путь выполнения “скачущих” государственных планов без особого сопротивления со стороны не ставших уже хозяевами крестьян.

В результате уже в 1929 г. вслед за регионом нечерноземья в стране и в Средней Азии, в том числе и в Кыргызстане, по инициативе Средазбюро ЦК ВКП(б) появился лозунг: “Догнать и перегнать передовые районы по темпам коллективизации!”. И если на 1 января 1929 г. здесь было коллективизировано 2,9% крестьянских хозяйств и 3,3% посевных площадей, то на 1 февраля следующего года – уже соответственно 28 и 28,4%.

Третий объединенный пленум Киробкома и ОКК ВКП(б), состоявшийся в июле 1931 г., принял решение завершить коллективизацию в основном в течение 1932 г., а в хлопковых районах – к весне того же года³.

Безумная гонка коллективизации набрала еще больший темп. Она сопровождалась зачастую необоснованными даже с позиции простой логики “разоблачениями”, искоренениями проявлений “примиренчества” и “срачивания” с кулачеством, так называемого правого оппортунизма, который, как считал Сталин, представлял главную опасность. Это наглядно видно на примере с “разоблачениями” О. Тынаева, причисленного к правым

¹ КПСС в резолюциях... – Т. 5. – С. 73.

² Там же. – С. 338.

³ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 372.

оппортунистам в то время, когда надо было обязательно найти таковых и в Кыргызстане (подробно об этом ниже).

27 декабря 1927 г. “отец всех народов” выступает на конференции аграрников-марксистов. Характеризуя политику партии на том этапе, он сказал: «...мы, как партия, как Советская власть (не чета выражению “Мы, Николай II”): а) развернули наступление по всему фронту против капиталистических элементов деревни; б) это наступление дало и продолжает давать, как известно, весьма ощутимые положительные результаты.

Что это значит? Это значит, что от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества как класса»¹.

Таким образом, ровно через два года Сталин стал противником своей же позиции, изложенной на XIV съезде партии. Тогда, подчеркивая опасность уклона к преувеличиванию кулацкой опасности, он говорил: “На деле этот уклон ведет к разжиганию классовой борьбы в деревне, к возврату к комбедовской политике раскулачивания, к провозглашению, стало быть, гражданской войны в нашей стране и таким образом к срыву всей нашей строительной работы...”².

Законный вопрос, поступавший из разных регионов: как быть с политикой раскулачивания, можно ли допустить раскулачивание в районах сплошной коллективизации, он назвал “смешным”: потому что “смешно и несерьезно распространяться теперь о раскулачивании. Снявши голову, по волосам не плачут”³. Таким образом, предстоящая трагедия и кровавые слезы миллионов для него были явлением до смешного простым.

Политика истребления кулачества в таких широких масштабах, в каких она была осуществлена и в Кыргызстане, являлась антигуманной не только с позиции общечеловеческих ценностей, но и с позиции пресловутого классового подхода и простой хозяйственной целесообразности.

Первое. Все исследователи истории Кыргызстана, особенно Северного, отмечали слабое еще политическое расслоение края, сильное влияние общинно-родовых отношений. На это же указывали партийные документы тех лет. В этой обстановке навязывание

¹ Сталин И.В. Соч. – Т. 12. – С. 166.

² XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет. – М.; Л., 1926. – С. 48.

³ Сталин И.В. Соч. – Т. 12. – С. 170.

сверху классового расслоения и усиления классовой борьбы во имя ликвидации так называемых кулаков содержало в себе опасность необъективности, голого администрирования, волюнтаризма и насилия.

В подавляющем большинстве случаев при ликвидации байманапства так и случилось. В этом плане очень характерна установка Киробкома, отправленная на места в 1928 г., по поводу градации сословной принадлежности. В ней указывалось:

манап – как хозяйственно-экономическая единица не является мощной, но как политическая фигура имеет большое влияние;

бай – это экономически сильный скотовод-земледелец, имеющий стадо баранов от 200 и более голов, крупного рогатого скота – 35 голов и более;

средняк – имеет от 20 до 200 голов баранов и крупного рогатого скота – от 3 до 35 голов;

бедняк – имеет 20–25 баранов, 3–4 головы крупного рогатого скота;

батрак – работает как пастух или домашняя прислуга, годовой заработок 50 рублей или 6 баранов¹.

Здесь прослеживается чисто количественная сторона и не учитывается главный критерий – эксплуатация чужого труда во имя накопления, преумножения капитала на его основе. В условиях кочевого животноводства, сопровождаемого частыми “джутами”, когда единственным источником существования является стадо, 200 голов овец и коз, 35 лошадей и коров – богатство невеликое. Кроме того, большая патриархальная семья, имея такое количество скота, вполне могла обойтись собственными силами, а малые семьи могли использовать наемный труд и при значительно меньшем поголовье.

Добро бы, хоть бы эта искусственная, ничего общего не имеющая с марксистско-ленинской концепцией классов и классовобразующих признаков схема соблюдалась. Такой количественный подход открывал широкий простор для изоляции в любой момент, зачастую из конъюнктурных соображений, людей, не угодных местному руководству, имеющих собственное мнение, обладающих влиянием на сородичей. Так, Исполбюро Киробкома 28 октября

1928 г. перед избирательной компанией в целях успешного ее проведения принимает решение: “Исходя из слабости партийных и советских организаций в Нарынском, Каракольском, Таласском и в

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 128, л. 32–34.

некоторых пастбищно-кочевых районах южных кантонов, где при наличии натурального хозяйства сохранились в довольно сильной степени пережитки родовых отношений, дающих возможность байскому, манапскому элементу распространять свое влияние над бедняцкими прослойками, – в административном порядке выселить первых из пределов Киргизии”¹.

В целях привлечения (по крайней мере, нейтрализации) общественного мнения, предписывалась раздача имущества высланных бедноте к началу или во время перевыборных кампаний. Вот уж поистине “коготок увяз – всей птичке пропасть”!

Руководство республики и Средазбюро ЦК ВКП(б) игнорировали мнение председателя СНК Ю. Абдрахманова о преждевременности, по крайней мере на год, выселения баев и манапов. Он писал: “24. X. 28 с 12 ч дня был на заседании исполкомиссии

(Средазбюро. – Д.Д.). В вопросе экспроприации байских хозяйств я выступил против. Против не потому, что я защищаю байство и манапство, а потому, что проведение этой работы без разрешения вопроса о формах и методах работы с беднотой кочевых районов и организации их хозяйственной жизни – не дало бы сколько-нибудь значительных положительных результатов”².

К весне 1929 г. было выслано 44 семьи крупнейших баев и манапов. Подводя предварительные итоги, 11 марта 1929 г. Исполбюро Киробкома констатировало, что “директива ОК о широкой агитационно-разъяснительной работе о задачах и значении выселения... выполнена была недостаточно, в результате чего в отдельных местах имелись случаи массового провожания баев и манапов с участием батраков и бедноты, а также случаи неправильного отношения к выселению трудящихся айла, рассматривающих конфискацию имущества манапов и их выселение как ущерб роду...”³.

В т о р о е. Если в европейской части России национализация земли касалась в основном помещичьего землевладения и почти не коснулась кулацкого, то в Кыргызстане обстановка была иная.

Дело в том, что суть земельно-водной реформы, осуществленной преимущественно в Северном Кыргызстане в 1921–1922 гг., состояла в перераспределении излишков сверх трудовой

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 128, л. 34.

² Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма Сталину. – С. 115.

³ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 210, л. 29.

нормы земель у европейских переселенцев и раздаче их коренному населению. Эта работа продолжалась и последующие годы. Как видно из отчета Особой комиссии ВЦИК по землеустройству (образована 8 декабря 1924 г.), за первое полугодие 1924/25 г., всего по Туркеспублике в порядке земельной реформы было ликвидировано 161 селение, 175 хуторов, 95 заимок и 35 самовольных захватов. Выселено и расселено 8084 русских крестьянских хозяйства, изъято и передано в земельный фонд 232891 дес. земли. Выселенные в порядке реформы хозяйства были расселены по другим русским селениям, в которых были излишки земли сверх трудовой нормы¹, т.е. они по существу уже были раскулачены (даже в том – сталинском – смысле, который утвердился в начале 30-х годов).

Значительная часть этих выселенцев была из Северного и предгорной зоны Южного Кыргызстана, поселившихся в свое время преимущественно в этих районах, так как природно-климатические условия здесь были схожи с условиями центральной России. В новых поселениях большинство из них, поскольку существовал закон, запрещающий куплю и продажу земельных участков, а также из-за проводимой по всей стране политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества, в течение 5–6 лет не могли превратиться в кулаков.

Т р е т ь е. В 1912–1913 гг. в Северном Кыргызстане (без Таласской зоны) проживало 330,2 тыс. кыргызов. Через 3 года, т.е. в 1916 г., спасаясь от царских карателей, часть из них стали беженцами. Возвращение из Китая разоренных, обнищавших кыргызов продолжалось до середины 20-х годов. Возвращение сопровождалось оседанием, т.е. обустройством на новой бытовой и хозяйственной основе. Следовательно, и среди этой части населения была исключительно слаба кулацкая прослойка, даже в том, извращенном, ее понимании. Действительно, по данным налогового учета, в 1928/29 г. в Кыргызстане имелось 3406 хозяйств, которые относились к кулацким, что составляло 1,8% от общего числа крестьянских хозяйств².

Однако установка о раскулачивании требовала ликвидировать не менее 3% крестьянских хозяйств. Она была обязательной для всех районов, без особого конкретного анализа социальной структуры хозяйств. Хуже того, боясь быть обвиненным и в правом

¹ Советский Кыргызстан в документах. 1917–1967. – С. 120–121.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 762, л. 203.

оппортунизме, а иногда и с целью избавления от своих противников по групповой борьбе местные руководители, как правило, “справлялись с заданиями”, и даже с перевыполнением. Поэтому раскулачивались помимо кулаков и середняки – именно та тонкая, но наиболее способная прослойка дыйкан-кыргызов, которые быстрее, чем другие, приспособивались к новому виду хозяйственной деятельности и новому для них укладу оседлой жизни.

Следует отметить, что экспроприация бай-манапских и кулацких хозяйств и выселение их самих из республики за “антисоветские” действия проводились в Кыргызстане с 1921 г. Но до 1927 г. это носило эпизодический характер, пусть и строгой, но в какой-то мере обоснованной политической кары.

В марте 1927 г. I Учредительный съезд Советов Киргизской АССР, констатируя, что бай-манапские элементы, пользуясь темнотой трудящихся Кыргызстана, продолжают их эксплуатировать и проводят работу, направленную на подрыв доверия широких слоев трудящихся к советской власти, в целях обеспечения нормальной работы низовым советским органам, поручил ЦИК Киргизской АССР разработать мероприятия, “обеспечивающие высвобождение трудящихся из-под гнета и эксплуатации бай-манапских элементов, не останавливаясь перед применением мер административной изоляции по отношению к наиболее злостным социально-вредным баям, манапам и кулакам”¹. 7 августа того же года газета “Советская Киргизия” оповещает своих читателей о том, что 20 наиболее злостных баев и манапов – “врагов народа” выселены из пределов республики. Следующая группа – 44 семейства – была выслана в 1929 г., о чем мы уже говорили. Установка Сталина на ликвидацию кулачества как класса, данная в конце декабря 1929 г., и постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. “О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации” начали реализовываться незамедлительно. Уже в феврале в Беловодском районе решили выселить 97 кулацких хозяйств. Обком, “подправив” местные власти, округлил счет до 100. “Старались” и другие районы (Араван-Буринский, Базар-Курганский, Кара-Балтинский, а также Рыковский, Сталинский), объявленные зонами сплошной коллективизации.

¹ Резолюции и постановления съездов Советов Киргизии (1925-1937 гг.). – Фрунзе, 1973. – С. 66.

Обком партии, ЦИК и СНК республики разработали на основе преподанной сверху свою инструкцию “О порядке ликвидации байских и кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации”. Ликвидируемые хозяйства подразделялись на три категории. К первой категории относились хозяйства бай-манапских элементов, которые когда-либо привлекались к судебной ответственности за антисоветскую деятельность; ко второй – наиболее богатых баев, манапов, кулаков, родовых вождей (а по сути – просто наиболее авторитетных среди сородичей людей), влиятельных представителей духовенства. Из них выселялись за пределы республики те, кто “боролся против мероприятий советской власти” (за действительную борьбу сажали в тюрьму, здесь же, по-видимому, имеется в виду критика или неодобрительное высказывание по поводу отдельных руководящих лиц или сомнительных решений местной власти). Наконец, к третьей категории причислялись все остальные байско-кулацкие хозяйства, подлежащие выселению внутри республики. Норма раскулачивания была установлена в пределах 2–3% хозяйств в районах сплошной коллективизации¹. Следует при этом иметь в виду, что с первого-то раза не все вопросы удавалось решить. Да и каждое новое постановление, каждая новая директива из центра требовали неукоснительного выполнения. Поэтому каждый раз снова, “по инструкции”, искали 3% новых кулаков, “прихватывая” середняков, на что с горечью указывал в свое время Ю. Абдрахманов.

Таким образом, вопрос выселения за пределы республики решался главным образом даже не в зависимости от имущественного положения человека, а в зависимости от его отношения к мероприятиям советской власти, а точнее, – не всегда умным директивам и указаниям функционеров административной системы на местах. Какой простор для злоупотреблений!

29 июня 1931 г. Средазбюро ЦК ВКП(б) утверждает директиву, которая устанавливала порядок выселения за пределы республики хозяйств первых двух категорий. 11 июля 1931 г. Секретариат Киробкома создает республиканскую комиссию – в ее составе 7 человек во главе с секретарем обкома Б.Д. Исакеевым. Комиссия рассматривала материалы, составленные уполномоченными на местах, и утверждала списки кулацко-байских и манапских хозяйств, подлежащих выселению за пределы республики. Таковых оказалось 700. Уже в августе–сентябре 1931 г. значительная часть из них была

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 398, л. 2; д. 410, л. 18, 68.

выселена. На основе решения Исполбюро Киробкома от 11 апреля 1932 г. было выселено большое количество отнесенных к кулацким хозяйствам на юге Кыргызстана.

В 1933 г. начался следующий круг в ликвидации кулацких хозяйств на основе постановления Киробкома от 3 декабря 1932 г. “О проведении чистки колхозов от кулацкого, бай-манапского элемента”. Под “зорким контролем” политотделов МТС из колхозов было исключено 2461 кулацкое и бай-манапское хозяйство. “Передовиками” оказались руководители Ат-Башинского района, экспроприировавшие 177, и Нарынского района – 360 бай-манапских и кулацких хозяйств.

Разверстка на раскулачивание была перевыполнена.

Кого же раскулачивали? Например, член колхоза Корумду Тюпского района Шаршенбек Токтосунов с сыном Куптанбеком – сельским учителем были раскулачены лишь за то, что сумели построить двухкомнатный дом с деревянным полом на две семьи, засадили половину отведенного приусадебного участка фруктовыми деревьями и имели около 20 пчелосемей, чего не было ни у кого в селе.

Такая широко организованная репрессивная политика в отношении крестьянства, конечно, обеспечила довольно высокие темпы коллективизации в республике. Если на 1 июля 1931 г. было коллективизировано 51,5% крестьянских хозяйств и 52,5% посевной площади, то на 1 июля 1935 г., обобществив 70,8% крестьянских хозяйств и 84,7% посевных площадей. Кыргызстан в основном завершил коллективизацию. (Постановлением ЦК ВКП(б) от 2 августа 1931 года “О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов” устанавливалось, что коллективизация считается завершенной в основном при условии вовлечения в колхозы не менее 68–70% крестьянских хозяйств с охватом не менее 75–80% посевных площадей.) На тот же период 1936 г. было коллективизировано 82,4% хозяйств и 93, % посевных площадей. Можно сказать, что коллективизация завершена была полностью в 1939 г., когда 96% крестьянских хозяйств были объединены в колхозы и совхозы, имеющие в своем распоряжении 99,5% посевных площадей.

В погоне за высокими темпами коллективизации, чего требовал центр, на местах не всегда учитывали степень подготовленности только еще переходящего к оседлости дыйканства.

Руководители на местах с благословения республиканского руководства не только “обеспечивали” решительный поворот крестьянских хозяйств к колхозам, но и “обнаруживали” проявления национализма в процессе коллективизации. Его увидели в стремлении создавать колхозы по родовому признаку. А каковы были мотивы? Утверждалось, что будто бы при организации «родовых колхозов состав колхозных правлений подбирался исключительно по родовому принципу. В колхоз принимались даже манапы своего “рода”, в то время, как бедняки и середняки из других “родов”, проживающие на его территории, не допускались. В “родовых” объединениях трудно было проводить мероприятия по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Поэтому создание “родовых” колхозов было средством классовой борьбы бай-манаров против коллективизации в аилах»¹.

Насколько же обоснованы были мотивы?

Во-первых, правление колхозов это не партийный, советский или профсоюзный орган, это демократический орган управления первичной производственной единицей. И, кажется, нет ничего плохого в том, если в него подбираются люди, хорошо знающие нужды, потребности, характер, производственные навыки и возможности каждого.

Во-вторых, манаров, как мы уже видели, не принимали в колхозы, а в массовом порядке выселяли. Малоубедительно и утверждение о том, что представители других родов не принимались в колхозы. Роды, наоборот, всегда старались переманить, привлечь к себе всех обиженных из других родов, поскольку это было выгодно и в экономическом, и в политическом (особенно в ходе избирательной кампании), и в моральном плане. Известно, что переманивание людей из других родов в прошлом всегда было второй (после раздоров из-за пастбищ, сенокосов и водоемов) главной причиной межродовых трений и столкновений.

В-третьих, не выдерживает никакой критики и довод о том, что родовые объединения якобы затрудняли организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Что на самом деле выгоднее было колхозу – отношение людей к его собственности и производству как родовому, близкому, почти собственному или как к общему, колхозному и почти чужому?

¹ Советская Киргизия. – 1931. – 4 февраля.

Понимали ли это партийные и государственные деятели республики тех лет? Думается, видели и прекрасно понимали. Тогда в чем причина? Главная причина – классовый подход ко всему даже там, где оснований-то для этого не было. Определяющее значение имело то, что нужны были именно такие колхозы, руководство которых избирается только для вида, на самом же деле назначается из числа послушных, чаще со стороны, а колхозники – лишь пассивные наблюдатели, безразличные к изъятию почти всего, что произведено их руками.

Это наглядно видно на примере хлебозаготовок в 1932 г., когда Кыргызстан выполнил государственный план лишь на 92% по колхозам и на 74% – по единоличным хозяйствам. За невыполнение плана решением ЦКК ВКП(б) от 13 мая 1933 г. были освобождены от занимаемой должности с объявлением строгого выговора О.Алиев – секретарь Киробкома, ведающий вопросами транспорта, и Д.Садаев – председатель Обл КК РКИ. Строгий выговор по партийной линии получили: А.О.Шахрай – первый секретарь Киробкома; Ю.Абдрахманов – председатель СНК республики, Словацкий – нарком снабжения Киргизской АССР.

Объективный анализ архивных материалов показывает, что вины указанных лиц в невыполнении плана не было. Главной причиной этого были недостатки планирования, отсутствие стабильных и обоснованных планов хлебозаготовок. Так, в июле 1932 г. общий план хлебозаготовок утверждался в объеме 1369 тыс. ц по колхозам и единоличным хозяйствам и 36 тыс. ц – по совхозам, а в августе того же года объем был увеличен еще на 22,4 тыс. ц и составил 1427,4 тыс. ц¹.

Спущенный сверху к началу уборки хлеба годовой план был разверстан по районам спешно, в двухнедельный срок, без учета реальных возможностей районов и анализа урожайности в различных зонах республики. Например, Иссык-Кульскому району были вручены обязательства на 8400 хозяйств, из которых 1837 хозяйств вообще не имели посевов (казахстанцы и сибиряки, прибывшие в республику, спасаясь от голода). Такой план мог быть выполнен лишь при условии посева зерновых на площади 32,6 тыс. га, тогда как было посеяно всего 18 тыс. га, или же при повышении урожайности до 17 ц с га вместо 7,2 ц по плану, а в условиях засухи 1932 г. колхозы не получали и предусмотренного планом урожая. И

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 376, л. 105, 151.

подобное совершалось в отношении почти всех горных и предгорных районов.

Вся валовая продукция зерновых в республике в тот год составила 4547,3 тыс. ц. После выполнения плана хлебосдачи в республике осталось хлеба всего по 86 кг зерна на душу населения.

Киргизская АССР, выполнив планы хлебозаготовок предшествующих лет, резервов не имела, сданы были все наличные запасы зерна. поголовье скота в республике за год (с 1931 по 1932 г.) сократилось с 3800 тыс. до 2300 тыс. голов¹. Кроме того, в Кыргызстан хлынули голодающие из Казахстана и Сибири – более 130 тыс. хозяйств.

Все эти обстоятельства в совокупности, несмотря на принятые жесткие меры, и стали причиной невыполнения плана хлебозаготовок 1932 г.

А меры принимались действительно чрезвычайно жесткие. С мая до конца 1932 г. только на бюро Киробкома более 30 раз обсуждались вопросы заготовок и вывоза хлеба. Большинство обсуждений заканчивалось оргвыводами и наказаниями. Не отставали и на местах. Так, секретарь обкома партии Исакеев докладывал VII пленуму обкома (июнь 1933 г.), что “к концу хлебозаготовительной кампании целый ряд районов допустил грубое администрирование, как, например, Таласский и Рыковский районы, где заготавливали хлеб с избиением колхозников, с массовыми арестами и обысками крестьян”².

В одном из колхозов Таштакского сельсовета Иссык-Кульского района за невыполнение плана хлебозаготовок из колхоза было исключено 105 хозяйств из 175 имевшихся в колхозе. В Беловодском районе, где политотдел МТС обнаружил несколько сотен пудов хлеба, скрытого от учета по хлебозаготовкам, исключено из партии 11 секретарей парторганизаций колхозов, сняты с работы 10 председателей сельских Советов, распущено 3 правления колхоза, 6 председателей колхозов отданы под суд³, хотя район наряду с Чуйским и Калининским районами план хлебосдачи перевыполнил и был премирован за то 5 тыс. руб.

¹ Там же, л. 119.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 447, л. 24.

³ Там же, л. 86.

На пленуме прокурор республики Рапопорт относительно методов хлебозаготовки сказал: «Были ли у нас перегибы в отношении бедняков и середняков? Я считаю, что мы все должны сказать, что в некоторых районах эти перегибы были..., мы тоже действовали по принципу “раньше посадить, а потом разбираться”. Мы имеем совершенно незначительный процент по привлечению к ответственности социально-чуждых и чрезвычайно большой процент социально-близких... Мы хотим, чтобы райкомы не хватались за прокурора, за судью, когда плохи дела, а хватались только тогда, когда речь идет о подлинно классовом враге»¹.

Более откровенен был Шахрай – первый секретарь Киробкома, сообщивший о расстреле в ходе хлебозаготовок более 100 человек.

К сожалению, издевательства над колхозниками продолжались и позже. Выступая на VII облпартконференции (январь 1934 г.) с докладом о работе ОКК, Таукин в качестве наиболее ярких показателей “левацких перегибов” приводил следующие факты:

Наукатский район. Районное руководство приняло решение об одновременном штрафовании 1362 хозяйств за невыполнение зернопоставок на сумму 1,5 млн. руб., которые должны быть собраны в течение 24 часов.

Узгенский район. В селении “Кызыл-Тоо” председатель сельского Совета практиковал избивание дыйкан камчой, причем порка проводилась обязательно в присутствии всех жителей села.

Таласский район. За невыполнение задания хлебопоставок мужчин и женщин догола раздевали и водили по кыштаку.

Каракольский район. Отдельные уполномоченные в качестве воздействия при хлебозаготовках практиковали одевание “проштрафившихся дыйкан” в рогожные костюмы, и районное руководство оценило это как удачный опыт.

Сталинский район. Директор совхоза “Кочкорка” и другие работники избивали рабочих, причем в отдельных случаях доходили до средневековых пыток – веревкой перекручивали руки и т.д.²

Как же реагировали колхозники на издевательства?

По-разному.

Одни вновь откочевывали в Китай. Например, в начале 30-х годов из Алайской долины ушли 300 хозяйств³. Откочевывало

¹ Там же, л. 166.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 527, л. 125–127.

³ Там же, оп. 7, д. 164, л. 148.

население айлов Туяук и Богачы Ат-Башинского района, угнав с собой

30 тыс. овец и 15 тыс. лошадей. Подобные передвижения наблюдались и в других районах. Только в 1933 г. из Кетмень-Тюбинского района ушли 805 хозяйств¹.

Другие брались за оружие и пополняли ряды басмачества. По этому поводу Ю. Абдрахманов в своих дневниках писал: “24.VII.31. За мое отсутствие (был в командировке) Киргизия пережила несколько неприятных событий. Иссык-Куль, Нарын, Ат-Баши, Балыкчи дали что-то наподобие Тамбова. Одно объяснение – все это результаты обостренной классовой борьбы. Получила право гражданства странная теория – если население устраивает восстание, то значит линия правильна. Нависла грозная туча, дай бог, чтоб не было ливня”².

Третьи искали правду и справедливость или, по крайней мере, объяснения у вышестоящих инстанций, вплоть до Сталина. Один из них – преподаватель истории революционного движения (штатный пропагандист) конезавода № 54 Иссык-Кульского района Бейше Турусбаев в марте 1933 г. направил письмо Сталину. Вот его содержание (стилистика и орфография сохранены):

«Дорогой Сталин! Прежде чем написать Вам обращение, тороплюсь послать Вам глубокий коммунистический привет и жадно желаю Вашего здорового долголетия жизни и барометрического направления Вашей руки к тому, к чему мы уже обращены и идем.

Иосиф Виссарионович! Разрешите получить у Вас ответ и соответствующее освещение на следующие мелочные вопросы помимо всех и всяких вопросов революции, партии, государства, класса, руководства, индустриализации, нации, экономики и коллективизации...

1. Неимоверный наплыв в Киргизию голодных, разоренных, погибающих от нищеты казахов из Казахстана, жуткую цену на хлеб (240 руб. пуд муки), враждебно настроенных киргизов против прибывших нищих (почему это?).

2. Колхоз по госцене (1,16 руб.) сдает хлеб государству, но по 70–90 рублей не может найти и купить пуд хлеба на семена (это почему?).

¹ Там же, оп. 1, л. 726, л. 52–53, 58.

² Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма Сталину. – С. 183.

3. В силу каких “кризисов” и затруднений установлен рецепт 400 граммов хлеба рабочим, считаете ли Вы с точки зрения физиологии труда такую штуку допустимой?

4. Деньги... Когда будут аннулированы? Ибо они говорят за признаки капитализма, тем не менее, обесцениваются.

Хотелось бы написать письмо на киргизском языке, но решил на русском, хотя плохо владею им. Просим ответ адресовать: Киргизия, Иссык-Кульский конезавод № 54 Конетреста СССР. Чолпон-Ата. Бейше Т. 19. III. 33 г.»¹

Ответ пришел осенью – в виде строгого выговора с предупреждением от Иссык-Кульской райКК и бюро райкома партии, а в январе 1934 г. Таукин, выступая на VII облпартконференции, требовал исключения из партии автора письма. В последующем он будет репрессирован и расстрелян.

Еще раньше, в декабре 1929 г., член Беловодского сельхозтоварищества М.С. Молчанов в отдел по работе в деревне обкома партии направил развернутое письмо с просьбой дать разъяснение по аграрной политике партии. В письме, в частности, приводятся такие факты: в селе Предтеченка начали отбирать скот и хлеб у кулака. Середняки, испугавшись аналогичных действий по отношению к ним, стали продавать скот и хлеб, и не только излишки, но и семенной; в с. Сретенском у малолетнего сына убежавшего после экспроприации кулака-отца отобрали последнее: 300 шт. кизяка, 30 снопов клевера и “под метелку – 9 пудов и 10 фунтов пшеницы, а теперь подросток ходит по миру, “наноса на крестьянство нехорошее впечатление”; среди крестьянства после вхождения в колхозы “бродит призрак” насилия, и они продают рабочий скот и инвентарь, занимаясь пьянством – только с 15 августа по 1 октября беловодская лавка центроспирта реализовала спирта на 47600 руб. Идет полнейшая дегградация крестьян. Из 140 плугов, имевшихся в Беловодском сельхозтовариществе, в осеннюю посевную на район из 6 крупных селений продано всего 3–4 плуга. «Мужик-крестьянин сейчас спрашивает бричку-одиночку, а когда ему предлагают параконную, то он просто говорит: “нельзя – все равно раскулачат”» и т.д.²

Некоторые колхозники не выдерживали и накладывали на себя руки. Так, комиссия, созданная для расследования положения в колхозе им. Литвинова Калининского района, 16 августа 1935 г.

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 527, л. 114–116.

² ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, д. 191, л. 64–67.

докладывала на заседании бюро обкома партии о том, что за короткий промежуток времени, с 20 июня по 21 июля, в колхозе было два случая самоубийства и две попытки. Причина – бездушное отношение к людям. Одна из жертв – птичник колхоза Лобаденко, у которого было украдено 26 кур и пало 35 цыплят. Он был отдан под суд, несмотря на то, что, продав свои вещи, возместил колхозу стоимость пропавших кур и цыплят. Другая жертва – премированная незадолго до этого доярка Рогачева, осужденная за то, что на МТФ, где она работала только два месяца, пало несколько телят, заболевших еще до ее прихода¹.

Многие дыйкане (по существу абсолютное большинство, смирились со своим положением, фактически стали поденщиками, не заинтересованными в конечном результате своего труда. Это, конечно, отразилось на состоянии сельскохозяйственного производства. В Кыргызстане в 1936 г. поголовье лошадей составляло лишь 50,3% к уровню 1928 г., крупного рогатого скота – 50,6, овец и коз – 32,3%. Положение не поправилось даже к 1940 г., когда поголовье крупного рогатого скота составляло 77,7% от уровня 1928 г., овец и коз – 52,2, лошадей – 61,6%. В результате производство мяса было ниже на 8, а шерсти – на 48%².

Несмотря на большую мелиоративную работу и применение более совершенной техники, значительно снизилась урожайность сельскохозяйственных культур. В 1940 г. по сравнению с 1928 г. урожайность озимой пшеницы снизилась на 15,3%, яровой – на 19,2, картофеля – на 32%³, в чем сказались и низкие земледельческие навыки вчерашних скотоводов.

В те годы колхозный строй еще не мог проявить своего преимущества. В литературе, да и в общественном мнении до последнего времени на его счет относилось и то, что было получено благодаря ему, и то, что было достигнуто и без насильственной коллективизации. В Кыргызстане, например, земельная реформа, широкомасштабная ирригационная работа, переход кочевников к оседлости и т.п. мероприятия, осуществленные в других регионах страны в далеком историческом прошлом или сразу же после установления советской власти, по времени совпали с

¹ Там же, оп. 1, д. 636, л. 90.

² Кыргызстан за годы Советской власти. – Фрунзе, 1970. – С. 129–131 (подсчет наш).

³ Там же. – С. 120 (подсчет наш).

коллективизацией и воспринимались в качестве лишь ее благотворных последствий.

5. Невыполненные планы

В историографии, посвященной довоенному периоду развития республики в целом, ее промышленности в частности, до сих пор доказываются огромные успехи индустриализации Кыргызстана. На первый взгляд, для этого есть все основания. Объем промышленной продукции растет в республике более быстрыми темпами, чем в стране в целом. Например, по сравнению с предыдущим годом в 1926/27 г. в Кыргызстане он вырос на 241,5%, а в 1927/28 г. – на 163,5%, а по РСФСР – соответственно лишь на 115 и 117,2%¹.

Если в годы первой пятилетки валовая продукция промышленности СССР в целом выросла в 2 раза, то в Киргизской АССР – почти в 5 раз. Темпы роста численности рабочих в Кыргызстане также значительно опережали общесоюзные (в стране число рабочих увеличилось в 2 раза, а в Кыргызстане – в 3)².

За годы второй пятилетки объем валовой продукции промышленности в стране увеличился в 2,2 раза, а в Киргизской АССР – в 2,4 раза. В 1937 г. общее промышленное производство республики по сравнению с 1913 г. увеличилось в 6 раз, объем продукции крупной промышленности – в 95,5 раза³.

На первый взгляд, успехи впечатляющие. Но чтобы правильно оценить масштабы индустриализации, ее значение и роль в переходе ранее отсталого края к социализму сокращенным путем, по-видимому, надо объективно проанализировать и честно ответить на четыре вопроса:

Ставилась ли задача индустриализации Кыргызстана вообще?

Что стоит за пресловутыми “разами”? Ведь если исходное нулевое, то любая возникшая “единица” превращается в 100%;

Так ли гладко и успешно перевыполнялись пятилетние планы развития промышленности?

Оказывало ли то промышленное развитие республики существенное влияние на социальное развитие, изменение

¹ История Киргизской ССР. – Т. 3. – С. 369.

² Там же. – С. 435.

³ История Киргизской ССР. – Т. 3. – С. 502–503.

жизненного уклада коренного населения республики и на переход к социализму в конце 30-х годов?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо разобраться в сущности, главных задачах и направлениях самой политики индустриализации и их реализации в Кыргызстане.

На вошедшем в историю как “съезд индустриализации” XIV высшем форуме ВКП(б) (ноябрь 1925 г.) Сталин в политическом отчете ЦК обосновал необходимость развития народного хозяйства страны “не как подсобного хозяйства мирового капитализма, а как самостоятельной экономической единицы”¹. Он подчеркнул, что такая линия требует “максимального развертывания нашей промышленности”² и руководства “хозяйством в плановом порядке так, чтобы было меньше просчетов”³.

В качестве главных задач и направлений индустриализации были выделены: подъем “прежде всего и во чтобы то ни стало” крупной промышленности; оказание содействия советской (местной) промышленности; развитие металло- и топливного производства; подготовка кадров в соответствии с потребностями индустриализации; принятие решительных мер для развития железнодорожного транспорта⁴.

В Кыргызстане, как показывает анализ архивных материалов, из этих приоритетных направлений и задач индустриализации лишь по двум (топливная и местная промышленность) проделана определенная работа, хотя в значительно меньшем, чем было запланировано, объеме. Но иначе и не могло быть. Партийные документы, народнохозяйственные планы всех уровней тех лет свидетельствуют, что задача широкомасштабной индустриализации Кыргызстана, в том виде как она осуществлялась в стране в целом, не ставилась. Хуже того, значительная часть даже тех запланированных мероприятий развития промышленности и транспорта были сорваны.

Так, пленум Средазбюро ЦК ВКП(б) (март 1926 г.) решает, что “основная линия развития промышленности в Средней Азии должна быть направлена:

¹ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Стеногр. отчет. – М.; Л., 1926. – С. 27.

² Там же. – С. 28.

³ Там же. – С. 29.

⁴ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Стеногр. отчет. – С. 37–38.

а) на развитие таких отраслей производства, которые построены на обработке технического сырья, предназначенного к вывозу из Средней Азии;

б) на развитие таких отраслей производства, построенных на обработке местного сырья, которые удовлетворяли бы потребности среднеазиатских республик и отчасти сопредельных стран”¹.

К первой группе относились: хлопкоочистительная промышленность с побочными производствами (маслобойное дело, мыловарение, бумажно-целлюлозное производство); обработка животного сырья: каракуля, шерсти, кишок; шелковое производство; виноделие и фруктоконсервное производство; рыбоконсервное производство; обработка люцерны, солодковое и лакричное производство; производство фанеры из орехового напыла и распиловка карандашного дерева.

Ко второй группе относились: текстильные фабрики, сахарные, кожевенные, пивоваренные, мыловаренные, винокуренные заводы, кондитерские, фарфоро-фаянсовые производства, рыбные промыслы, мукомольное дело, механический завод сельхозмашин и орудий.

Третьим направлением было развитие горной промышленности (радиевые руды, озокерит, глауберова соль, сера), имеющей всесоюзное значение, а также добыча топлива для местного потребления².

Таким образом, вся Средняя Азия, в том числе и Кыргызстан, с самого начала рассматривались в качестве поставщика сырья для индустриальных центров страны, обеспечивающего собственными силами значительную часть своих потребностей на продукцию легкой промышленности.

По-видимому, этим и объясняется, что в 20–30-е годы на конференциях и пленумах Киробкома партии ни разу не обсуждались проблемы индустриализации как самостоятельный вопрос, тогда как вопросы полеводства за этот период рассматривались 8, животноводства – 5 раз. Лишь один раз, и то в качестве составной части вопроса “О состоянии и задачах хозяйственного строительства в Кыргызстане”, на III областной партконференции (март 1927 г.) были более обстоятельно обсуждены проблемы промышленности. В принятой резолюции указано: “Развитие сельского хозяйства без соответствующих

¹ КПСС и Советское правительство о Советском Кыргызстане: Сб. док. (1924–1974). – С. 160.

² Там же. – С. 161.

отраслей промышленности было бы незаконченным и упиралось бы в проблему организации переработки продуктов сельского хозяйства. Поэтому ... должны осуществляться и мероприятия, связанные с организацией промышленности по переработке продуктов сельского хозяйства (постройка кожзавода, мясохладобойни, мельниц, маслобоек и мыловаренных заводов, предприятий по переработке кенафа, кендыря, табака и т.п.). ...Наряду с промышленностью, перерабатывающей продукты сельского хозяйства, необходимо всемерно добиваться развития промышленности, добывающей и обрабатывающей недренные богатства, как-то: уголь, нефть, олово, медь, свинец, серебро и т.д.”¹.

Конференция отметила, что решение проблемы промышленного строительства возможно лишь при одновременном развитии железнодорожного строительства. Поэтому, приветствовав решение союзных органов о начале строительства Семиреченской железной дороги (первоначальное название Турксиба), она обязала руководящие органы Кыргызстана оказывать всемерное содействие в строительстве этой дороги².

Действительно, в постановлении 3-й сессии областного исполнительного комитета КАО о его деятельности и преобразовании Кир-гизской автономной области в автономную республику, было записано: “В целях более успешного экономического развития края усилить железнодорожное строительство, в частности ускорить постройку Семиреченской железной дороги (Фрунзе – Алма-Ата – Семипалатинск)...”³.

Вскоре создается специальный Комитет содействия Семиреченской железной дороге, куда вошли представители РСФСР, Казахстан, Узбекистана, Туркмении и Кыргызстана. СНК СССР своим постановлением от 28 февраля 1927 г., одобрив Какпактасское (Курдайское) направление железной дороги протяженностью 420 км, обязывает строительные организации начать работу одновременно от г. Семипалатинска и от г. Фрунзе⁴.

Но 24 июня 1927 г. О. Алиев (представитель Кыргызстана в Комитете содействия) из Москвы посылает депешу о том, что 16 июня состоялось заседание президиума Комитета содействия.

¹ Компартия Киргизии в резолюциях... -- Ч. 1. – С. 132.

² Там же.

³ КПСС и Советское правительство о Советском Киргизстане: Сб. док. (1924–1974). – С. 27.

⁴ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 133, л. 34.

Выступивший на нем с докладом заместитель председателя СНК РСФСР, одновременно заместитель председателя Комитета содействия Т. Рыскулов предложил взамен Курдайскому Чокпарский вариант дороги. Как видно из сообщения, мотивы Т. Рыскулова заключались в том, что: по Чокпарскому варианту дорога будет на всем своем протяжении однопутной, срок строительства сократится на один год, меньше будут строительные и эксплуатационные расходы. В конце своего сообщения Алиев предупреждает руководство республики о том, что если пройдет вариант Рыскулова, то Фрунзе может очутиться “на положении ветки и стоять в тупике”¹.

15 августа работник постпредства Кыргызстана в Москве Танский посылает вторую депешу, из чего видно, что начальник управления “Турксибстроя” Шаров стал сторонником Рыскулова, а 22 августа сам Шаров сообщает первому секретарю Киробкома партии Шубрикову, что Чокпарский вариант на 26 млн. руб. дешевле, на 23 км короче, при строительстве не потребуется импортного оборудования, срок строительства сократится на один год, годовые эксплуатационные расходы будут на 800–900 тыс. руб. меньше, ибо движение обеспечивается одной тягой. Шаров заканчивает свое сообщение предупреждением: “Послезавтра, в среду, я рассчитываю побывать у тов. Сталина и доложу лично о наших делах. Надеюсь, что интерес тов. Сталина к Турк. Сиб. ж.д. подскажет ему поддержать нас”².

4 октября 1927 г. состоялось очередное заседание Комитета содействия. Председатель комиссии по анализу достоинств обоих вариантов Эссен докладывает: “Чокпарский вариант дешевле не на 26 млн., а на 12 млн. руб. При этом надо будет строить ветку Фрунзе – Токмак, которая стоит 6 млн. руб. При Курдайском варианте потребуется расширение линии Луговая – Фрунзе, что будет стоить 4 млн. руб. Следовательно, вся разница в стоимости 7–8 млн. руб. Эксплуатационные расходы, по расчетам комиссии, одинаковы. Курдайский вариант длиннее всего на 12 км, а объем земляных работ на 20% больше, но это не означает, что срок строительства длиннее на 1 год.

В ближайшие 10 лет не потребуется увеличения пропускной способности линии Луговая – Фрунзе. Курдайская линия проходит

¹ Там же, л. 40.

² Там же, л. 97.

по густо заселенным и уже орошаемым землям. Чтобы привести в такое состояние Чокпарскую линию потребуется 80 млн. руб. только на орошение.

Значение транзитности линии для Кыргызстана несравнимо с ее значением для пустующих земель Чокпара. Курдайский вариант обеспечивает трудоустройство 50% чернорабочих и 76% квалифицированных рабочих на строительстве – из числа местного населения, тогда как Чокпарский – требует привлечение их из центра. Чокпарская линия проходит по территории, не имеющей никакой экономической перспективы, дорога будет построена в буквальном смысле слова на песке, а саксаул, на необходимость вывоза которого делают ставку сторонники Чокпара, во-первых, представляет мизер в топливном балансе Средней Азии, во-вторых, его можно вывезти и по узкоколейкам, в-третьих, это грозит превращением местности в пустыню¹.

Несмотря на такие убедительные доводы комиссии, 20 августа президиум Комитета содействия Турксибу, а 6 октября президиум Госплана СССР поддержали и одобрили Чокпарский вариант, а Кыргызстан лишился одного из главных условий интенсивного развития народного хозяйства, и процесс индустриализации здесь задержался до начала войны и послевоенных лет.

Из отчета Киробкома ВКП(б) III областной партконференции (март 1927 г.) о состоянии промышленности Кыргызстана ясно, что при национальном размежевании Средней Азии к Кыргызстану отошли каменноугольные копи Кызыл-Кия, Кок-Янгак, которые добывали 120,6 тыс. т угля в год, а также Нарынское (Таш-Кумыр) каменноугольное месторождение и соляные копи Джель-Су. Из предприятий других отраслей промышленности имелось 8 мельниц, 5 пивоваренных заводов, 3 спиртоочистительных, 5 кожевенных, 2 лесопильных, 5 хлопкоочистительных, 2 маслобойных и 7 кишечных. Все они, за исключением мельниц и пивзаводов, имели примитивное и ветхое оборудование. И это была исходная база местной индустрии.

Обследование 1925 г. показало, что в республике имелось 3880 мелких кустарно-промышленных предприятий (внушительное число!). Из этих предприятий 1195 были расположены в городах и 2685 – в сельской местности. В них работало 5736 человек. По одному работающему имели 62,2% “предприятий”, по два – 21,1%, от 3 до 5 – 9%, от 6 до 10 – 0,5%, более 11 работающих – 0,2%.

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 132, л. 153–169.

Что же представляли собой и что производили кустарно-промышленные предприятия Кыргызстана того периода?

Из обзора областного отдела местного хозяйства (февраль 1926 г.) видно, что механические двигатели имели 5,5% заведений в городах и 32,5% – в сельской местности (за счет использования энергии горных рек). К найму рабочих прибегало 6,9% промысловых хозяйств в сельской местности и 32,3% – в городах. Всего наемные рабочих было 911.

По группам производства самое большое число заведений в сельской местности имела группа “производства пищевых продуктов”, “напитков”, “наркотиков”, “одежды и туалета” – 57,3% от общего числа заведений, а в городах: “одежда и туалет” – 34%, “обработка металла” – 24,6%, “производство пищевых продуктов” – 14,8%¹.

Исходя из такого уровня промышленного производства, II Кыргызская областная конференция РКП(б), проходившая в ноябре 1925 г., указала на необходимость развития в первую очередь тех отраслей промышленности, которые, имея своей базой сельское хозяйство и скотоводство, стимулируют в свою очередь развитие этих основных отраслей.

К числу отраслей, которые должны были развиваться “в первую голову”, были отнесены использование гидроэнергетических ресурсов области, строительство элеваторов, мельниц, хлопкоочистительных заводов, свеклосахарных, кожевенных, шерстомоек, мясокладобоев, заводов, обслуживающих молочное хозяйство, и заводов строительных материалов.

Конференция отметила необходимость приступить в ближайшее время к геологической разведке, строительству горнодобывающих предприятий в уже разведанных местах, а также к анализу лесных ресурсов республики. Определив, что обеспечение высоких темпов развития крупной обрабатывающей промышленности (текстильной, металлургической и т.п.) не является первоочередной задачей (почему?), она постановила уделить особое внимание развитию и поддержке местной кустарной промышленности и особенно тех ее отраслей, которые удовлетворяют потребности населения в предметах личного потребления².

¹ История индустриализации Киргизской ССР: Документы и материалы (1926–1941 гг.). – Фрунзе, 1972. – С. 39–40. (В дальнейшем: История индустриализации...).

² Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 62.

Скажем прямо, что решение было во многих отношениях мудрое: во-первых, оно предусматривало оптимальность, учитывающую реальные возможности Кыргызстана; во-вторых, было направлено на увязку потребностей развития всех отраслей народного хозяйства (промышленности, строительства, полеводства и скотоводства); в-третьих, предусматривало, пусть и ускоренную, но естественную адаптацию коренного населения к промышленному производству, и одновременно приближение самой промышленности к местному населению, к его традициям, трудовым навыкам и предпочтениям.

Естественное развитие (без командного пока еще давления сверху) основывалось на использовании собственных сырьевых ресурсов. Оно при соответствующей помощи с целью “облегчить внедрение машин и проч.” со стороны индустриальных центров страны могло бы сравнительно быстро и позитивно воздействовать на хозяйственную жизнь аграрной окраины.

Надо отметить, что в первое время после образования области выработанное областным комитетом партии правильное направление развития промышленности в Кыргызстане в основном осуществлялось.

Средазбюро Госплана СССР, заслушав мнения различных секций Госплана о представленных правительствами среднеазиатских республик хозяйственных планах, внесло на утверждение Президиума Госплана СССР проект постановления, где для Кыргызстана намечалось: строительство паровой электростанции в г. Кызыл-Кия (проектной стоимостью 300 тыс. руб.), Аламединской гидроэлектростанции (255 тыс. руб.), элеватора (529 тыс. руб.), хлебозавода (25 тыс. руб.), холодильника (около 75 тыс. руб.) в г. Фрунзе¹.

21 декабря 1926 г. президиум облисполкома КАО принимает решение о строительстве шелкомотальной фабрики в г. Ош (проектной стоимостью 70 тыс. руб.)², а 9 января 1927 г. Исполбюро Киробкома принимает решение об организации угольного треста с объединением угольных копей Кок-Янгак, Кызыл-Кия и Сулюкта³.

III Киргизская областная партийная конференция (март 1927 г.), отметив как положительный момент начало строительства кожзавода, двух лесопильных и двух черепичных заводов, элеваторов и маслохладобоев, шелкомотальной фабрики,

¹ История индустриализации... – С. 31–32.

² Там же.

³ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 124, л. 1.

Аламединской гидроэлектростанции, Семиреченской железной дороги, включение в хозплан постройки сахарного завода и электростанции на Кызыл-Кийских коях, начало разработки кок-янгакского угля, указала, что развитие сельского хозяйства без соответствующих отраслей промышленности было бы незаконченным, все упиралось бы в проблему организации переработки продуктов сельского хозяйства. Поэтому было предложено расширить сеть предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства (строительство кожзавода, мясохладобоев, мельниц, маслобоек и мыловаренных заводов, предприятий по переработке кенафа, кендыря, табака и т.п.)¹.

Речь шла об увеличении объемов производства на месте не полуфабрикатов, а готовой товарной продукции.

В этот период были действительно высокие темпы развития промышленного производства в Кыргызстане. Так, в 1927–1928 гг. валовая промышленная продукция в денежном выражении составляла 11 млн. 507 тыс. руб., или 95% от уровня 1913 г. Общее число рабочих, занятых на производстве, достигло 3202 человека². Это означало, что было произведено промышленной продукции на каждого жителя республики на 11,58 руб. (без стоимости каменного угля – на 7,83 руб.). На каждую тысячу жителей республики в эти годы приходилось 3,2 рабочего, среди кыргызов этот показатель был равен 0,46, т.е. 1 рабочий цензовой промышленности на 2 тыс. кыргызов. Таковы были исходная индустриальная база и сформулированные перспективы в канун “коренного перелома”.

В апреле 1928 г. сессия ЦИК Киргизской АССР принимает директиву о составлении первого пятилетнего плана. Вопросы, связанные с разработкой плана, обсуждались на бюро, пленумах обкома, хозяйственных совещаниях, на V областной партконференции (январь 1929 г.), где указывалось на необходимость усиления внимания к выработке оптимального, но сбалансированного варианта пятилетнего плана. Первоначально на развитие промышленности намечалось выделить 18,1 млн. руб., но эта сумма не прошла как не учитывающая хозяйственные возможности республики. Второй вариант, предусматривающий на эти цели 34,4 млн. руб. капитальных вложений, был отклонен СредазЭКОСО по той же причине.

¹ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 132.

² История индустриализации... – С. 151–152.

Составителей первых двух вариантов, в первую очередь, конечно, председателя Совнаркома республики Ю.Абдрахманова, в последующем объявят буржуазными националистами, не желающими обеспечения быстрых темпов развития промышленности¹. Буржуазный националист и против промышленного развития? Невероятно! Наоборот, архивные материалы свидетельствуют о горячем и инициативном отношении Абдрахманова к программе индустриализации. Понимая ее не просто как количественное увеличение промышленных предприятий в народном хозяйстве, но как переход от доиндустриальных, патриархальных форм к индустриальному типу производства во всех отраслях экономики, Ю.Абдрахманов видел контуры республиканского народнохозяйственного комплекса, формировавшегося как органическая составная часть хозяйства всей страны, с неперенным учетом региональных возможностей и потребностей, а также исторической обусловленности. Достаточно обратиться почти ко всем его дневниковым записям за 1928 и 1930 гг., чтобы убедиться в том, что председателя Совнаркома республики волнует не столько включение в план и получение ассигнований на “лишний” индустриальный объект, сколько возможность комплексно решить с помощью новых строек экономические и социальные проблемы республики или ее крупных регионов.

Широтой замысла и комплексностью подхода отличаются многие предложения и проекты республиканского правительства в годы первой пятилетки. Но оптимальный вариант первого пятилетнего плана страны был отвергнут, в него Сталин внес такие изменения, что от принятого XVI партконференцией и съездом Советов ничего не осталось. Республиканский план теперь “не вписывался” в своевольную импровизацию Сталина, его выполнение потребовало новых согласований.

Немало сил и нервов стоила председателю Совнаркома Киргизской АССР строительство Токмакской железнодорожной ветки. Оно увязывалось с созданием сахарной промышленности в республике и начавшимся свеклосеянием в Чуйской долине, что в последующие годы сыграло столь важную роль для экономики всей республики. В планах предсовнаркома и правительства было строительство железнодорожной ветки Токмак – Рыбачье – к новым

¹ История Киргизской ССР. – Т. 3. – С. 375.

источникам сельскохозяйственного и минерального сырья¹. Но этот план осуществлялся уже много позже, без непосредственного участия Ю. Абдрахманова.

Включение в план на 1928–1929 гг. строительства железнодорожной ветки Фрунзе – Токмак потребовало дополнительных согласований в Госплане, в Наркомате путей сообщения и т.д.

Лишь один штрих, характеризующий эти полные напряжения хлопоты. 12 сентября 1928 г. на заседании ЦИК СССР встретился с Рудзутаком, – пишет Ю. Абдрахманов. – “Нового ничего нет. Он за ветку. Был там и Каганович – этот законченный бюрократ, беспринципный держиморда...”.

22 сентября Госплан СССР включил Токмакскую ветку в титульный список. В то же время председатель Совнаркома “пробивает” вступление Кыргызстана в союзный трест “Мясо-продукт”, а также ведет переговоры с “Сахартрестом” об организации совхоза и строительстве сахзавода в республике. То, что не удалось разрешить в первом из названных трестов, легко разрешил с А.И. Микояном, который согласился со всеми предложениями правительства республики. Вскоре закипела работа на строительстве мясокомбината во Фрунзе и сахарного завода в Канте.

1 октября 1928 г. Ю. Абдрахманов уже “воюет” в СредазЭКОСО и добивается своего в вопросе налаживания снабжения сырьем артели “Интергельпо”. Но не все удается и такому напористому и энергичному человеку, как 27-летний председатель Совнаркома Киргизской АССР. Окончательно стало ясно плачевное состояние республиканского бюджета, в котором еще больше уменьшился удельный вес ассигнований на культурное строительство. Его глубоко расстраивает то, что, увлекшись вложениями в капитальное строительство, “забыли” нужды культуры².

“Тщательно доработанный” вариант пятилетнего плана был принят на сессии ЦИК Киргизской АССР 10 декабря 1929 г. и утвержден СНК РСФСР 20–21 декабря 1929 г., а в феврале 1930 г. – СНК СССР. Планом предусматривались капитальные вложения в промышленность в сумме 140,1 млн. руб. За 1928–1932 гг. предполагалось увеличить удельный вес промышленности в общественном продукте республики с 5,47 до 20–23%. Намечалось в

¹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма Сталину. – С. 105.

² Там же. -- С. 104.

1932 г. довести добычу угля до 1360 тыс. т; завершить строительство Чуйской электростанции и железной дороги Фрунзе – Рыбачье, азотного завода мощностью 40 тыс. т удобрений, увеличить объем валовой продукции стройиндустрии с 309 тыс. до 7404 тыс. руб.; кооперировать кустарную промышленность. Капитальные вложения в промышленность должны были составить 11685 тыс. руб., а валовая продукция – 3983,9 тыс. руб. в завершающем году пятилетки. Планом предусматривался рост численности фабрично-заводских рабочих с 3 тыс. до 18,5 тыс. человек, строительных рабочих – с 2,4 тыс. до 16,2 тыс. человек. Средняя годовая заработная плата рабочих цензовой промышленности должна была возрасти на 69,7%.

Планы были грандиозными, но реализовать их оказалось чрезвычайно трудно. Возникли и нарастали трудности финансирования. Это было связано со сталинской линией на пересмотр оптимального варианта пятилетки, с “подхлестыванием” темпов индустриализации. Выступая с отчетным докладом на XVI съезде партии летом 1930 г., Сталин утверждал, что пятилетка в области нефтяной промышленности выполнима в каких-нибудь 2,5 года, торфяной промышленности – в 2,5 года, если не раньше, по общему машиностроению – в 2,5–3 года¹.

Средства же, конечно, начали направляться в эти ударные отрасли. В результате за пятилетку в развитие промышленности республики было вложено всего 64756 тыс. руб., или 46,2% от предусмотренной пятилетним планом суммы². Вот уж поистине “резали по живому”.

Что же получили в итоге реализации пятилетнего плана? Из материалов к отчету IV съезду Советов Киргизской АССР по итогам первого пятилетнего плана видно, что были перевыполнены плановые наметки повышения заработной платы различным категориям рабочих, что не составляло особой трудности в условиях денежной эмиссии. Удельный вес промышленной продукции в народном хозяйстве, по официальным данным (статистическая служба была к этому времени упразднена), к концу первой пятилетки увеличился до 23,5%, т. е. план перевыполнен на 0,5%. К сожалению, такой удельный вес продукции промышленности в совокупном продукте достигнут не столько за счет развития самой

¹ Сталин В.И. Соч. – Т. 12. – С. 270–271.

² История индустриализации... – С. 216.

промышленности, сколько за счет неурожая зерновых культур и резкого снижения поголовья скота в 1932 г., о чем мы уже говорили выше. На фоне резко упавших основных отраслей экономики республики и небольшие успехи в промышленности казались гигантскими.

Добыча угля в 1932 г. составила 745 тыс. т, или 54,7% от планового задания. Было завершено строительство Чуйской электростанции, но железнодорожная ветка Фрунзе – Рыбачье была доведена только до Канта (20 км). Правда, были построены другие железные дороги: Кара-Су–Кок-Янгал (62 км), Кара-Су–Ош (22 км), Сулюкта–Пролетарский (10 км), Фергана–Кызыл-Кия (37 км), началось строительство ветки Уч-Курган–Таш-Кумыр. Иными словами, было сделано многое для вывоза топлива из Кыргызстана в другие районы Средней Азии. Валовая продукция строительной индустрии составила 2417,6 тыс. руб., или 32,6% к плану. Поразительных успехов достигла лишь промкооперация. Она, произведя продукции на 15845,6 тыс. руб., уже в 1931 г. превзошла намеченный на конец пятилетки рубеж в 4 раза¹.

В то же время, как явствует из материалов, подготовленных для IV съезда Советов республики, уже тогда начался отход от правильно выбранной II областной партийной конференцией линии в вопросе индустриализации. Вместо приоритетного развития перерабатывающей и легкой промышленности, предприятий по выпуску товаров народного потребления, которые успешнее решали проблему взаимной адаптации промышленности и коренного населения, верховенство было отдано добывающей отрасли тяжелой промышленности.

Индустриализация до последнего времени (и это, к сожалению, стало идеологической нормой) подавалась лишь как развитие тяжелой промышленности. Хотя истинный (первородный) смысл этого понятия состоит в том, что общество в результате этого процесса переходит на иной технологический уровень, обеспечивающий развитие всех сфер производства и более высокое качество жизни.

К чести тогдашнего руководителя правительства Кыргызстана следует отнести то, что он видел эту смысловую подтасовку. После доклада на собрании в честь 15-летия Октябрьской революции Ю. Абдрахманов с горечью записал в своем дневнике: “Достижения огромны. Но... Бесхлебный колхозник и ДнепроГЭС, нищий казах и

¹ История индустриализации... – С. 216–226.

Магнитогорск и т.д. и т.п. сочетания... между прочим, план этого года не выполнен по Союзу ни одной отраслью народного хозяйства. Черная металлургия, уголь, транспорт, легпром – почти все отрасли. Кризис? Как будто не то. Ценой ухудшения материального положения известной части крестьянства и рабочего класса мы создали крупную индустрию, вооруженную современной техникой. Окажется ли эта индустрия в состоянии в ближайшие 2–3 года сделаться базой улучшения материального положения этих слоев населения”¹.

За пятилетку на развитие тяжелой промышленности республики было направлено 36605 тыс. руб., или 56,6% капитальных вложений в промышленность. В каменноугольную промышленность было направлено 69,4% из этой суммы. К концу пятилетки удельный вес этой отрасли в тяжелой промышленности составил 70, а во всей промышленности – 40%.

На развитие добычи редких металлов было отпущено 4459 тыс. руб., или 12,2% капитальных вложений в тяжелую промышленность. Велось строительство на Хайдарканском и Кадамджайском ртутном и сурьмяном рудниках. Вложения в нефтяную промышленность составили лишь 515 тыс. руб., или 1,41% капитальных вложений.

На развитие электроэнергетики направлено 9,86% средств, выделенных для тяжелой индустрии. Было закончено строительство Аламединской ГЭС, ТЭЦ № 1 в г. Фрунзе и начато строительство ТЭЦ № 2.

По линии промышленности строительных материалов, которая получила 3,56% капитальных вложений, были построены кирпичные заводы: в г. Фрунзе, Беловодске, Караколе, Оше, Джалал-Абаде; известковые – в г. Оше и в Каинде (неудачно построенный и потом законсервированный). Отставание стройиндустрии, как указано в итоговом документе, уже в первой пятилетке начало сказываться на развитии остальных отраслей народного хозяйства.

Из 17877 тыс. руб., вложенных на развитие пищевой промышленности (27,6% всех средств, направленных на развитие промышленности), 10248 тыс. руб., или 54,5%, были затрачены на завершение строительства Кантского сахарного завода и строительство таких же заводов в Кара-Балте и Беловодске. Для развития предприятий по переработке молочной продукции было направлено 0,64%, производящих мясные изделия – 7,83, для предприятий по производству прядильных изделий – 0,82,

¹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма Сталину. – С. 188.

спиртоводочных – 0,15, табачных – 0,75, а также для предприятий по производству макаронных изделий и элеваторам – 1,7%.

Из предприятий легкой промышленности предприятия по переработке новолубяных культур получили 4,83%, шелкомотальная – 1,83, хлопкоочистительная – 1,18, кожевенная – 1,08, химическая – 0,49, швейная – 0,28% средств, выделенных для развития промышленности.

Таким образом, в первой пятилетке предприятия, на которые могли бы быть привлечены широкие слои местного населения с учетом их трудовых навыков и предпочтений, почти не получили развития.

Многие проблемы индустриализации республики должны были решаться во второй пятилетке. Второй пятилетний план развития народного хозяйства Кыргызстана был разработан, исходя из установок общесоюзного плана, и принят на IV съезде Советов Киргизской АССР (январь 1935 г.). Капитальные вложения предусматривались в объеме 657,49 млн. руб., что составляло 0,49% средств, направляемых на эти цели по стране в целом. Яркое доказательство ускоренной “ликвидации” отсталости бывшей колониальной окраины!

В развитие тяжелой промышленности предполагалось вложить 148,4 млн. руб. (22,57% всей суммы капвложений). Из этих средств на развитие угольной промышленности направлялось 77,76%, геологической разведки – 12,1, химической и коксохимической – 3,36, промышленности строительных материалов – лишь 2%.

Из средств, выделенных на развитие народного хозяйства в целом, в легкую промышленность направлялось 9,36%, на развитие транспорта и связи – 15, жилищного строительства – 1,47%¹.

Таким образом, уже в самом втором пятилетнем плане было заложено не опережающее развитие, а отставание всей экономики республики как части народнохозяйственного комплекса страны, особенно таких жизненно важных для коренного населения отраслей, как легкая и пищевая промышленность, стройиндустрия и жилищное строительство. Это, в частности, сказалось в том, что общая (полезная) площадь в среднем на одного городского жителя, например, снизилась с 7,2 кв. м в 1924 г. до 4,4 кв. м в 1940 г.² В такой обстановке широкое привлечение коренного населения в

¹ Кыргызстан за годы Советской власти: Стат. ежегодн., 1977. – С. 21.

² История индустриализации... – С. 234–235.

промышленное производство, развивавшееся в основном в городах, оставалось по-прежнему не только проблематичным, но и неосуществимым.

Этим пятилетним планом, как видно из титульного списка основных объектов строительства, предусматривалось: довести добычу угля до 3 млн. т в год; завершить строительство сахарных заводов в Кара-Балте, Ново-Троицке, Караколе и увеличить производство сахара с 8,3 тыс. до 40 тыс. т; мясная промышленность, представленная единственным (Фрунзенским) мясокомбинатом, должна была довести выпуск продукции до 11,9 тыс. т; планировалось строительство в г. Фрунзе суконного комбината, шпагато-веревочной, чулочной, обувной фабрик, завода сортового стекла, плодоовощного комбината; строительство железнодорожных линий: Кант–Рыбачье (139 км), Мельниково–Шураб (52 км), Уч-Курган–Нарын (Таш-Кумыр) (133 км); автогужевых дорог: Фрунзе–Торугарт (523 км) и Ош–Памир–Хорог (754 км)¹.

Титульный список основных объектов строительства показывает, что крупные промышленные предприятия, за исключением сахарных заводов и мясокомбината в г. Ош, строительство которого началось в 1937 г., должны были быть построены в г. Фрунзе. Однако многие из планировавшихся объектов так и не начали строиться, в том числе железнодорожная линия Кант–Рыбачье, суконный комбинат, чулочная, обувная и швейная фабрики, завод сортового стекла в г. Фрунзе, сахарный завод в Караколе. Только в 1937 г. началось строительство Ново-Троицкого сахарного завода и мешочно-веревочной фабрики во Фрунзе, хотя в тот год они должны были уже давать готовую продукцию.

В материалах Госплана Киргизской ССР к итогам выполнения второго пятилетнего плана указано, что Кыргызстан к концу второй пятилетки стал крупнейшей базой снабжения Средней Азии каменноугольным топливом, разведан и сдан в эксплуатацию ряд месторождений нефти, сурьмы, ртути, серы, мышьяка, свинца. Однако основные наметки пятилетнего плана не были реализованы. Так, в 1937 г. добыто угля 896 тыс. т (29,9% к плану), изготовлено всего 27,1 млн. штук кирпича (54%).

Как видим, утверждение о досрочном выполнении пятилетнего плана является, мягко говоря, преувеличением. Значительных

¹ История индустриализации... – С. 234–235.

изменений в структуре кыргызского общества не произошло. Одностороннее развитие промышленности не стало “базой улучшения материального положения рабочих и крестьян”.

Все построенное и введенное тогда – большое приобретение для республики, народ которой самоотверженно трудился, видя в создании каждого нового объекта свидетельство приближения нового строя, лучшей жизни. Еще большую цену всем этим промышленным объектам придала кровопролитная война, когда Кыргызстан стал домом для тысяч гонимых фашистской чумой и частью арсенала страны.

Восстанавливая правду об индустриализации Кыргызстана, мы вовсе не занимаемся преднамеренным очернительством. Наша задача в том, чтобы понять ее место и реальную роль в ускоренном переходе от феодализма к социализму. Развитие промышленности в те годы, как видно из анализа, не происходило темпами, предусмотренными пятилетними планами. Ее валовая продукция в 1937 г. составляла 176,7 млн. руб., т.е. в расчете на каждого из 1369,1 тыс. человек населения республики было произведено промышленной продукции на сумму 125,3 руб. В 1937 г. в ценовой промышленности работало 14,5 тыс. человек, или 10,5 фабрично-заводских рабочих на тысячу жителей. Если учесть, что представители коренной национальности составляли около 20% рабочих ценовой промышленности, то станет ясно, что в отношении кыргызов этот показатель был не более 4 человек на тысячу жителей.

Таким образом, в предвоенные годы промышленность Кыргызстана находилась на таком уровне, что говорить об успешном создании индустриальной базы социализма было еще рано. Это состоялось в годы войны и после нее.

ИЗМЕНЕНИЯ В ДУХОВНОЙ СФЕРЕ ЖИЗНИ НАРОДА

1. Повышение грамотности населения

В сложной и многоплановой работе в послеоктябрьский период по реформированию общественного строя особое место по масштабам и историческим последствиям занимает деятельность государства по повышению образовательного уровня масс на основе ликвидации почти поголовной неграмотности населения. Эта деятельность имела целью обеспечить идейную вооруженность, организационную сплоченность прежде всего партийных, а затем и широких масс, поднять их на осуществление практических задач “сокращенного” пути развития к социализму.

Работа по перестройке общественного сознания велась в различных направлениях с применением средств, форм и методов, имевших неоднозначные последствия.

Одним из направлений такой деятельности, имеющим прогрессивно преобразующее значение, была работа по повышению уровня грамотности населения.

В области народного образования, как сказано в Программе РКП(б), принятой VIII съездом, ставилась задача “довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества”¹.

Ближайшей задачей на этом пути провозглашалось проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического образования для всех детей обоего пола до 17 лет; создание сети дошкольных учреждений, полное осуществление принципов единой

¹ КПСС в резолюциях... – Т. 2. – С. 81–82.

трудоустройской школы с преподаванием на родном языке, безусловно светской – свободной от какого бы то ни было религиозного влияния; снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства; подготовка новых кадров работников просвещения; привлечение населения к активному участию в деле просвещения; всесторонняя государственная помощь самообразованию рабочих и крестьян и т.д.¹

Однако в связи с гражданской войной, а затем восстановлением разрушенного народного хозяйства долго не было возможности заняться в должной мере вопросами народного образования. Финансирование школ было временно передано из государственного бюджета в местный. Это привело к сокращению в 1922–1923 гг. школьной сети во всей стране.

Еще хуже было положение в Туркестане и, естественно, во входящем в него Кыргызстане. Здесь в 1921–1922 гг. с переходом к нэпу почти все учебные заведения были переведены на финансирование из местного бюджета. XI съезд Советов ТАССР (декабрь 1922 г.), признав “положение школьного дела Туркеспублики чрезвычайно тяжелым”², предложил увеличить объем выделяемых государственных средств на его развитие. Однако и население не освобождалось от расходов по содержанию местных школ. В январе 1923 г. Исполбюро ЦК КПТ приняло специальное постановление о проведении недели просвещения для сбора средств для системы народного образования. Тогда же ЦИК ТАССР постановил наделить детские дома, интернаты, сельские, айльные и кыштакные школы земельными участками (до 6 десятин). В это время начинается движение “Запашка последних десятин для ликбеза”. Все это в какой-то мере помогало процессу становления и развития народного образования, однако не решало проблемы.

Конечно, на состоянии народного образования сказались и определенные моменты игнорирования культурно-экономических нужд кыргызов до национального размежевания. Бюджетом не предусматривались достаточные средства даже для оплаты труда учителей, забота о них в основном перекладывалась на население.

Так, в конце 1923 г. почти все школы в Пишпекском уезде (98%), Нарынском (97,5%) и Каракольском (83%) содержались на средства сельского населения. Труд учителей оплачивался натурой

¹ КПСС в резолюциях... – Т. 2. – С. 81–82.

² Съезды Советов в документах. 1917–1933 г. – Т. 1. – М., 1959. – С. 513.

(зерном, овощами, скотом), в каждом уезде по-разному – согласно договору.

В 1923–1924 гг. на территории Кыргызстана было лишь 225 школ и 17 тыс. учащихся, чем и были обусловлены низкие темпы повышения грамотности населения. Это видно, в частности, из данных областной комиссии по ликвидации неграмотности за 1926 г.¹

Националь-ность	Общее количество людей	Количество грамотных	Количество неграмотных	Процент неграмотности
Кыргызы	510061	18999	491062	96,5
Узбеки	146041	17098	128943	88,1
Русские	138686	36272	102414	71,6
Казак-кыргызы	13170	448	12722	97,4
Кипчаки	1215	24	1191	98,0
Другие национальности	24711	4643	20068	84,0
Всего	833884	77484	756400	90,7

Вопросы народного образования, как отмечала первая кыргызская областная партийная конференция, должны были оставаться и в дальнейшем в центре внимания, “ибо без этого развитие как хозяйственной мощи, так и общий подъем в области пойдут чрезвычайно медленным темпом”. В качестве практических задач на местах выдвигались: улучшение состояния школы, повышение ее авторитета и заинтересованности в ней со стороны как всего местного населения, так и в частности крестьянства; необходимость постоянного внимания к учительству, широкая организация его подготовки и переподготовки. Подчеркивая, что улучшение дела народного образования упирается в религиозные предрассудки населения, конференция рекомендовала “проявить максимум такта в изжитии этих предрассудков”².

Таким образом, создание самостоятельной кыргызской государственности, успехи в восстановлении и развитии народного хозяйства постепенно сказывались и на развитии и укреплении материальной базы народного образования. Ассигнования на

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 7, д. 10, л. 1–2.

² Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 21.

строительство и ремонт школ возрастали из года в год. Так, если в 1924/25 г. на эти цели было израсходовано 12 тыс. руб., то в 1925/26 г. – 170 тыс., в 1926/27 г. – 242 тыс., в 1927/28 г. – уже 702,6 тыс. руб., а затраты на нужды народного образования увеличились с 670 тыс. в 1924/25 г. до 3434,6 тыс. руб. в 1927/28 г.¹

С учетом национальных особенностей стали открываться специальные школы для девочек-кыргызок и узбечек. 8 мая 1925 г. “Бат-

рацкая правда” писала: “Окружной инспекцией Наркомпроса открыта впервые специальная школа для кара-кыргызских девочек. С открытием этой школы Каракол-Нарынский округ обогащается еще одной национальной школой. Сейчас по округу открыто всего школ специального назначения: для узбеков – 1 школа, 1 – для уйгуров и 1 – для татар”.

Принимались энергичные меры по укреплению учебно-методической базы, состава педагогических кадров школ. Были организованы курсы переподготовки учителей, составлялись учебные пособия. Научная комиссия, в работе которой активное участие принимали И. Арабаев, К. Тыныстанов, Х. Карасаев и многие другие авторитетные специалисты, только за первую половину 1925 г. успела выпустить 15, сдать в производство еще 30 названий книг, преимущественно учебников и учебных пособий на кыргызском языке².

Однако охват детей школьного возраста школьным обучением оставался низким, особенно у коренного населения. В 1926/27 г. из 100 детей школьного возраста в школе первой ступени обучались:

Округ	Кыргызов	Русских и украинцев	Узбеков	Уйгуров	Татар	Дунган	Немцев
Фрунзенский	26	34	21	–	64	13	100
Каракольский	82	49	–	–	100	63	–
Джалал-Абадский	26	56	27	–	–	–	–
Ошский	10	94	9	46	–	–	–

¹ Культурное строительство в Киргизии. 1918–1929 гг. – Т. 1. – С. 163.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 28, л. 20.

Сказывались и отсутствие в достаточном количестве школьных зданий и низкая квалификация учителей. На 484 школы первой ступени имелось всего 300 школьных зданий, которые кое-как позволяли вести в них работу, 98% аильных учителей составляли люди с начальным образованием, среди европейских 60% имели среднее, а остальные незаконченное среднее и начальное¹.

Правительство Кыргызстана, опираясь на помощь Российской Федерации, принимало все возможные меры для улучшения ситуации в сфере народного образования. В 1928–1929 гг. на школьное строительство был выделен 1 млн. руб. Медленно, но улучшается качественный состав учителей. Действовали курсы переподготовки педагогов. Педагогические кадры начали выпускать педтехникумы. В 1928–1929 гг. среди учителей-кыргызов и представителей других восточных национальностей имеющие среднее образование составляли 10% (их общее число 557 человек), остальные имели лишь начальное. Среди педагогов-европейцев (548 человек) высшее образование имели 10%, среднее – 60, незаконченное среднее – 30%.

Для увеличения охвата детей обучением большое значение имело назначение с 1928/29 уч. г. стипендий детям бедняков в размере

5 руб. в месяц в течение 9 месяцев в году для учащихся школ I ступени и 10 руб. – для учащихся школ II ступени и школ-семилеток и десятилеток. Благодаря таким мерам школами I ступени к началу 1928/29 уч. г. было охвачено 45% детей школьного возраста.

Серьезным препятствием на пути развития народного образования, ликвидации неграмотности масс, как тогда было определено, являлся слабо приспособленный к кыргызскому языку арабский алфавит. Арабские буквы с разными начертаниями в начале, середине и конце слова, в соединении с другими буквами и отдельно, с надстрочными и подстрочными знаками на самом деле трудно запоминались, на их усвоение уходило много времени.

Еще в мае 1925 г. первый научно-педагогический съезд КАО, исходя из указанных выше недостатков арабского алфавита, принимает решение о реформе алфавита на основе латинской графики, руководствуясь следующими принципами: вводимые буквы не должны отличаться друг от друга в печатной и письменной

¹ Культурное строительство Киргизии. 1918–1929 гг. – Т. 1. – С. 152–153.

формах, заглавная буква – от остальных, буквы латинского алфавита с точками должны упрощаться или исключаться вообще; некоторые буквы, отсутствующие в латинском алфавите, но необходимые для передачи звуков кыргызского языка, или имеющие сложную форму начертания, должны приниматься из русского алфавита. 2 декабря 1926 г. V пленум Исполкома Кыргызской автономной области, обсудив доклад о введении нового тюркского (латинского) алфавита, признав его преимущество перед арабским, счел необходимым “скорейшее введение в Кыргызской автономной области ново-кыргызского алфавита”. Тогда же и был создан Комитет ново-кыргызского алфавита.

17 марта 1927 г. I Учредительный съезд Советов Кыргызской АССР, исходя из тех же соображений, постановляет ввести в Кыргызстане в обязательном порядке ново-кыргызский алфавит с 1927 г., все грамотное кыргызское население республики должно было перейти на новый алфавит не позже 1930 г. Окончательным сроком перехода на новый кыргызский алфавит издательств и делопроизводства на кыргызском языке съезд определил конец 1931 г.,

а также переименовал Комитет ново-кыргызского алфавита в Центральный Комитет ново-кыргызского алфавита при ЦИК Кыргызской АССР¹.

В целях реализации данного решения на местах создавались кантонные комитеты ново-кыргызского алфавита, которые организовывали кружки и курсы по его изучению. В 1926–1928 гг. их окончили 3 тыс. человек, т.е. был создан костяк учительских кадров.

С 1928–1929 гг. латинский алфавит был введен во всех кыргызских общеобразовательных школах. Большую роль в организации перехода на новый алфавит сыграли республиканские газеты, организации союза “Кошчу” и комсомола.

Благодаря разъяснительной работе подавляющее большинство кыргызов поняли полезность нововведения и поддержали его. Поэтому переход на новый алфавит был осуществлен успешно за короткий срок, несмотря на сопротивление духовенства, выступавшего против отмены арабского алфавита, непосредственно связанного с мусульманской религией.

В том, что духовенство не нашло широкой поддержки масс, сказалось и то, что за полтора года от введения кыргызской

¹ Культурное строительство Киргизии. 1918–1929 гг. – Т. 1. – С. 228–230.

письменности на основе арабского алфавита до принятия решения о переходе на латинский, при тогдашней полиграфической базе Кыргызстана не очень-то много было издано литературы, представляющей духовную ценность. Да и обучили на основе арабского алфавита не так много людей. Так, в 1926 г. из 399397 жителей республики в возрасте от 16 до 39 лет 333603 человека, или 83,5% от общего числа, были азбучно неграмотными¹. А среди коренного населения неграмотных было еще больше.

Наряду с широким развертыванием школьного обучения детей особого внимания требовала ликвидация неграмотности взрослых. Поскольку из-за ограниченности средств и возможностей политико-просветительных органов эта работа не могла быть выполнена без участия широкой общественности, ликвидация неграмотности взрослого населения была объявлена “ударной задачей всех общественных организаций”. Союз “Кошчу”, например, отчислял в фонд ликбеза до 25% членских взносов. Комсомольские и профсоюзные организации вели широкую разъяснительную работу среди населения, создавали условия для занятий, контролировали учебу своих членов и т.д.

В 1928 г. правительство республики впервые сумело выделить значительные средства – 142 тыс. руб. – для ликвидации неграмотности². Это значительно оживило работу. Если в 1926/27 г. ликвидировали неграмотность 4500 человек, в 1927/28 г. – 5628, то в 1928/29 г. – уже около 16 тыс. человек, 80% которых составляли члены союза “Кошчу”, комсомольцы и члены партии.

Охват обучающихся ликбезом увеличивался с каждым годом. В 1929 г. в системе ликбеза обучалось 20 тыс. человек, а в 1930 г. – 80 тыс. В ходе работы по ликвидации неграмотности было издано 70 тыс. экз. учебников, 40 тыс. из них – на кыргызском языке³.

Все это, безусловно, давало положительные результаты. Но проблема ликвидации неграмотности взрослого населения не была решена до конца не только до войны, но и после нее. Автор этих строк, будучи сельским учителем, занимался ликвидацией малограмотности, а на самом деле неграмотности взрослых... вплоть до середины 60-х годов!

¹ Там же. – С. 184.

² Материалы к отчету Киргизского областного комитета ВКП(б) VI областной партийной конференции. – Фрунзе, 1930. – С. 120.

³ Там же.

Активизации процесса народного образования в годы довоенных пятилеток во многом способствовало увеличение средств, выделяемых на нужды просвещения. За годы первой пятилетки затраты на развитие культуры в республике составили свыше 47 млн. руб., основная часть средств направлялась на школьное образование: перевод письменности на латинскую графику, укрепление материальной базы школ и учебных заведений и т.д. Развитие школьной сети в республике характеризуют следующие показатели:¹

Учебный год	Начальные школы		Неполные средние школы		Средние школы		Общее количество	
	школ	учащиеся	школ	учащиеся	школ	учащиеся	школ	учащихся
1927/28	493	36461	15	4025	3	968	511	41454
1932/33	1492	122140	65	20295	4	2799	1561	145234

Таким образом, за 5 лет число учащихся увеличилось в 3,5 раза, в 3 раза возросло количество школ, в которых в 1932/33 уч. г. работали 3995 учителей против 1143 в 1927/28 уч. г., т.е. в 3,3 раза больше.

В расширении сети школьного образования решающее значение имело введение с 1930/31 уч. г. всеобщего обязательного начального образования детей в возрасте 8–14 лет.

Решениями Киробкома ВКП(б), ЦИК и СНК Киргизской АССР, принятыми в сентябре 1930 г., предусматривалось осуществить всеобуч сначала в городах, рабочих поселках и районных центрах во Фрунзенском, Беловодском, Аламединском, Чуйском, Калининском, Каракольском, Жеты-Огузском, Араван-Буринском и Джалал-Абадском районах. В других сельских районах республики начальным обучением должно было быть охвачено не менее 75% детей указанного возраста².

Введение всеобщего обязательного начального образования было действительно революционным шагом, имеющим исключительное значение в преодолении культурной отсталости кыргызского народа. Несмотря на огромные трудности, связанные с нехваткой школьных зданий, учительских кадров, учебников и

¹ Краткий статистический справочник... – С. 76.

² Советский Киргизстан в документах. 1917–1967 гг. – С. 215–216.

учебных пособий (особенно на кыргызском языке), упорным сопротивлением духовенства и людей с консервативным мышлением, советские и партийные органы сумели поднять трудящиеся массы на осуществление этого поистине великого дела, мобилизовать силы и средства советских, комсомольских, профсоюзных, хозяйственных, кооперативных и других организаций. Для всеобщего руководства работой по введению всеобща был создан республиканский комитет. На местах такие комитеты организовывались при райисполкомах, городских и сельских Советах.

Мероприятия, направленные на дальнейшее расширение сети не только начальных, но и неполных средних школ, улучшение учебно-воспитательной работы в них, совершенствование учебных программ, обеспечение школ стабильными учебниками, учебными пособиями и учительскими кадрами, широко велось и в последующем.

Расходы на нужды народного образования неуклонно увеличивались. В 1933 г. они составили 892,1 тыс. руб.; в 1934 г. – 2977,2 тыс., в 1935 г. – 1545,2 тыс., а в 1936 г. – 8424,3 тыс. руб.¹ Особенно заметным рост расходов на эти цели был в национальных республиках бывших отсталых регионов страны. Так, если на одного жителя РСФСР расходы на просвещение с 1928 по 1938 г. возросли в 11 раз, то в Кыргызстане – более чем в 26 раз².

В 1933–1937 гг. за счет государственных ассигнований в республике были построены 68 начальных, 16 неполных средних школ, 6 интернатов и 58 других объектов. Деятельное участие в этом принимали и колхозы. Только за 1936 г. ими было построено почти 200 начальных школ³. Кроме того, за эти пять лет школам было передано 300 арендованных частных помещений и 200 национализированных бай-манапских и кулацких домов⁴ (одним из них был двухкомнатный дом того “кулака”, о котором шла речь выше, переданный Корумдинской начальной школе Тюпского района).

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 г. “Об учебниках для начальной и средней школы” была проделана большая работа по замене учебников, имевших

¹ Краткий статистический справочник... – С. 25.

² Культурное строительство СССР: Стат. сб. – С. 10–12.

³ Культурное строительство в Киргизии. 1930–1941 гг. – Т. 2, ч. 1. – С. 396.

⁴ История Киргизской ССР. – Т. 3. – С. 524.

недостатки и ошибки, новыми. К сожалению, и здесь не обошлось без перегибов. В духе времени замена учебников сопровождалась обвинением их авторов в национализме, протаскивании буржуазной, бай-манапской идеологии и в других грехах. Справедливости ради, следует отметить, что в этом особенно усердствовали новые авторы, заинтересованные в публикации именно их учебников. Если в 1932–1934 гг. вышло в свет 40 названий учебников на кыргызском языке и 9 названий – на дунганском, общим тиражом 725,2 тыс. экземпляров, то только в одном 1936 г. было выпущено 49 названий учебников тиражом 816 тыс. экземпляров¹.

В годы второй пятилетки серьезное внимание наряду с начальным обучением уделялось развертыванию семилетнего и среднего образования. По сравнению с 1932/33 уч. г. в 1937/38 уч. г. количество начальных школ в результате их реорганизации в семилетние и средние уменьшилось на 134 единицы, но количество школ с семилетним обучением увеличилось в 5 раз, с десятилетним – в 15,5 раза. Общая численность учащихся за это время возросла со 145,2 тыс. до 265 тыс.² Серьезные сдвиги произошли и в охвате школами детей коренной национальности. К концу второй пятилетки в 1120 кыргызских школах обучалось 102,3 тыс. детей³.

В конце второй пятилетки в школах Кыргызстана работало 7607 учителей, что на 90% больше, чем в начале. Однако абсолютное большинство их не имело не только специального педагогического, но и общего среднего образования. Из 5354 учителей начальных школ и I–IV классов семилеток и девятилеток 4573 (т.е. 85%) имели незаконченное среднее образование⁴. Из-за низкого образовательного уровня учителей уровень успеваемости учащихся был низким. Допускался большой отсев учеников, особенно девочек местной национальности.

Несмотря на все трудности и сложности, благодаря проведению указанных выше мероприятий в довоенный период был осуществлен коренной перелом в грамотности населения республики. По данным переписи населения 1939 г., грамотность кыргызстанцев в возрасте от 9 до 49 лет составляла 79,8% против 3,1% в 1897 г. и 16,5% в

¹ К вопросу государственного строительства Советского Киргизстана. 1924–1937 гг.: Сб. док. – С. 284.

² Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. – С. 68–69.

³ Культурное строительство в Киргизии. 1930–1941 гг. – Т. 2, ч. 1. – С. 393.

⁴ Там же. – С. 396.

1926 г. Среди сельского населения, а это основная масса коренного населения, в 1939 г. грамотность составляла 78,3% вместо 2,3 и 13% в 1897 и 1926 гг. соответственно¹.

Однако говорить о высоком образовательном уровне населения, было еще рано. По данным переписи населения 1939 г., на тысячу жителей республики в возрасте 10 лет и старше приходилось 3 человека с высшим и 43 – с незаконченным высшим, средним или неполным средним образованием². К тому же, в начале 40-х годов подавляющее большинство из них вновь стали азбучно малограмотными в связи с переходом на алфавит на основе кириллицы.

Повышение грамотности населения, возрастающий выпуск научно-популярной, художественной литературы (преимущественно фольклорного жанра) на родном языке объективно обусловили быстрый рост информированности, научных знаний и общекультурного уровня народа, особенно молодых людей. Но (и об этом следует сказать) это нанесло серьезный удар по многим моментам традиционного миропонимания, мышления и поведения людей: усилилась тенденция освобождения грамотной молодежи от беспрекословного подчинения авторитету старшего поколения. Постепенно стала терять первоначальную силу массовая тяга людей к сказителям преданий, легенд, малых и больших эпосов, поскольку для многих открылась возможность самостоятельного и более обстоятельного чтения их по книгам. Такова была закономерная плата за всеобщую грамотность, и этого не избежал ни один народ за всю историю человеческой цивилизации.

Вряд ли всё это – негативные явления, как некоторые стараются это представить. Хуже того, в последнее время стали звучать призывы к возврату к письменности на основе латинского алфавита. Необходимость обратного хода мотивируется тем, что будто бы кириллица не обеспечивает письменного воспроизведения ряда звуков в кыргызском языке, что многие цивилизованные страны мира используют латинский алфавит и к ним присоединяются почти все тюркоязычные народы. Думается, здесь больше политических амбиций антирусски настроенной части творческой интеллигенции, чем здравого смысла и реальной потребности общественной

¹ Советский Киргизстан за 40 лет (1926–1966): Стат. сб. – Фрунзе, 1966. – С. 19.

² Киргизстан за годы Советской власти: Юбилейный стат. ежегодн. – Фрунзе, 1977. – С. 13.

практики. Попробуем разобраться в состоятельности каждого из мотивов.

Проблему трех букв (ки, ги, ж), вокруг которых разгорелся первоначально спор, на наш взгляд, безболезненно можно было бы решить и в рамках кириллицы, как это было сделано раньше в отношении других трех букв (ү, ө, ң).

Да, действительно значительная часть населения мира пользуется латинским алфавитом. Но ведь есть же и народы – китайцы, японцы, корейцы, почти все славяне и другие, нисколько не чувствующие ущербности от неиспользования латинской письменности и успешно развивающие свой интеллектуальный уровень.

Вопреки утверждениям “реформаторов”, многие тюркоязычные народы, наоборот, однозначно высказываются против “кардинального новшества”, а другие пока всесторонне анализируют целесообразность и последствия возможного перехода. На самом деле есть над чем подумать, особенно кыргызам. В отличие от других соседних и дальних тюркоязычных народов пока еще главное и реальное богатство кыргызов заключается в их более высокой грамотности. Вряд ли отвечает интересам народа почти поголовное превращение их в одночасье в малограмотных. Потеряв достигнутое в темпах и уровне интеллектуального развития, не откатимся ли и в этой области на позицию развивающихся? И самое главное – выдержит ли наша теперешняя экономика “издержки” такого перехода, затраты на переоборудование и переналаживание всей полиграфической промышленности, переиздание всего ценного, что было создано на протяжении более чем полувека?

2. Под флагом свободы совести

В деятельности партийных организаций, направленной на повышение уровня духовной жизни общества, особое место занимала борьба за утверждение свободного от религиозных догм и предрассудков мировоззрения. Особый, иногда досадно трагический, колорит этой работе придавала обстановка искусственного обострения классовой борьбы, которая питала и революционную нетерпимость, и взаимную ненависть. Беда заключалась в том, что коммунисты в религии видели лишь “опиум

для народа”, хотя в ней многие устои нравственности, лучше которых человечество не изобретало.

Центральный комитет партии на словах требовал заботливого, исключительно тактичного подхода в вопросах антирелигиозной пропаганды, особенно когда это касалось работы среди народов советского Востока, но не пресекал насильственные методы на местах. В феврале 1920 г. в письме о работе среди народов Востока ЦК РКП(б) указывал: “При работе среди мусульманских народов нужно исходить из двух основных моментов, которые играют в их жизни большую роль: моментов религиозного и национального. Религиозные предрассудки у них сильнее, чем у русских и других европейских рабочих и крестьян... Против них нужно бороться не прямым отрицанием религии, а ее подтачиванием посредством распространения грамоты, распространения познаний по истории Земли и человека...”¹.

По данным всероссийской переписи членов партии 1922 г., среди коммунистов Туркестана верующие составляли 44%, а в Джетысуйской области – около 57%². Поэтому требования к мусульманам, являвшимся членами коммунистической партии, на первых порах были несколько мягче. V съезд КПТ указывал, что борьба с религиозными предрассудками в их рядах должна вестись с помощью развития классового самосознания³. Непосредственное научно-атеистическое воспитание их еще не предусматривалось. Так, известно, что во время обследования сельских и айльных партячек Киргизии в 1925 г. многие проверяемые члены партии торопили закончить процесс проверки, если пришло время намаза – религиозного мусульманского обряда⁴. В такой обстановке основное внимание надо было уделять подъему культуры, преобразованию быта, “отрыву партийцев от влияния на них священнослужителей”.

ЦК КПТ, учитывая специфические условия Туркестанского края, требовал от партийных организаций не забегать вперед, умело отделять национальное от религиозного, предостерегал от возможных других ошибок в идеологической борьбе с исламом, который “крепко владел чувствами и сознанием трудящихся масс”.

¹ КПСС в резолюциях... – Т. 2. – С. 236–237.

² Образование и деятельность коммунистической партии Туркестана. Летопись событий. – Ч. 2. 1917–1924 гг. – Ташкент, 1966. – С. 272.

³ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана. 1918–1924 гг. – Ташкент, 1968. – С. 80–81.

⁴ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 56, л. 22.

В открытом письме (1922 г.) он предупреждал, что “в Туркестане антирелигиозной пропаганды, как таковой, быть не может. В настоящий момент не приходится вести обличительным путем борьбу с исламом и его носителями – мусульманским духовенством, так как все это не даст благоприятных результатов”, здесь залогом успеха в борьбе против устоев ислама должны стать распространение научных достижений в естествознании, расширение сети школьного образования, ликвидация неграмотности. В письме особое внимание обращалось на необходимость “вытеснения религиозного сознания” у коммунистов и комсомольцев, которые своим примером отношения к религии должны служить образцом для беспартийных.

Одним из важных направлений на начальном этапе антирелигиозной работы партийных организаций являлась борьба с невежеством, борьба против патриархально-родовых пережитков, которые еще крепко удерживались в сознании и быте даже партийцев, особенно в кочевых районах. В апреле 1924 г. IV Пишпекская уездно-городская партконференция в своей резолюции с полной определенностью подчеркнула необходимость “начать работу по борьбе с идеологическими пережитками патриархально-родового и феодального быта среди членов партии”. Причем в первую очередь эта работа должна начинаться с “ответработников из коренного населения, которые должны в личной и общественной жизни проявлять пример отказа от пережитков”¹.

Такая тактическая линия, пожалуй, была наиболее правильной, во всяком случае, – достаточно реалистичной. Некоторые же партийные организации, их органы без учета реальных возможностей пытались сразу перейти к бескомпромиссной борьбе с религиозными предрассудками как среди коммунистов, так и среди беспартийных. Такую задачу ставил, например, Ошский угорком РКП(б). Все это привело лишь к более активному сотрудничеству духовенства с басмачеством.

Декрет о свободе совести, терпимое отношение советской власти к религии способствовали оживлению деятельности различных религиозных направлений и течений. В сравнении с дореволюционным периодом к 1928 г. общая численность некоторых христианских общин в Кыргызстане увеличилась с 2 до

¹ Уездно-городские парторганизации Киргизии: Сб. док. и материалов. – Фрунзе, 1968. – С. 539.

50, а число их членов – со 140 почти до 1900¹. До Октябрьской революции за 17 лет в Нарынском кантоне было построено 25 мечетей и столько же их основано за 9 лет после революции. За эти же годы в Каракольском и Чуйском кантонах было построено 11 мечетей до революции и 61 – после нее².

На протяжении всего исследуемого периода сохранялось разделительное неравенство идеологических сил между непосредственными проповедниками ислама и возможными пропагандистами атеизма. К примеру, по имеющимся данным, в 1929 г. в Джалал-Абадском кантоне среди кыргызского учительства не было ни одного педагога с высшим образованием и лишь 2% – со средним, остальные 98% – с начальным, в то время как среди мусульманского духовенства высшее образование имело 36%, среднее – 12, начальное – 38% и 14% были малограмотными³.

Огромные различия между ними были и по опыту работы с людьми. Проповедники религии располагали массой проверенных форм, методов и отлаженной системой влияния на сознание верующих и неверующих. А агитаторы и пропагандисты атеизма не учитывали или неверно понимали особенности религиозных направлений, против которых должны были вести борьбу. Более того, даже у некоторых партийных работников комитетов низовых звеньев долгое время существовало представление о “вредной” и “безвредной” религии.

Несмотря на напоминания ЦК РКП(б) (август 1922 г.) о необходимости бороться “не с какими-нибудь отдельными религиозными группами, а со всяким религиозным мировоззрением вообще”⁴, в антирелигиозной пропаганде преобладала критика христианских вероучений. Не всегда и не все коммунисты признавали антиподами научного мировоззрения древние пережитки в виде шаманизма, колдовства, поклонение предметам и явлениям природы. Одни полагали, что надо бороться с религиозными предрассудками в земледельческих зонах, где якобы ислам оказывает сильное влияние на дыйканство. В свою очередь представители парторганизаций оседлых земледельческих районов настаивали на усилении антирелигиозной работы в кочевых районах, обосновывая это тем, что население там более всего

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 7, д. 99, л. 7.

² Там же, л. 8–9.

³ Советская этнография. – 1932. – № 2. – С. 96.

⁴ КПСС в резолюциях... – Т. 3. – С. 115.

подтверждено влиянию ишанов, улемистов и т.д., деятельность которых направлена против политики коммунистической партии и советской власти. К этим заблуждениям не только вела атеистическая неграмотность, но как-то сказалось, очевидно, и решение ЦК КПТ о возвращении вакфов, восстановлении судов казиев (1922 г.), его циркулярное письмо о борьбе с “ишанизмом и другими религиозными течениями” (1923 г.), в которых прямо или косвенно отражались частичные интересы суннизма. На местах партийные организации по-своему истолковали эти временные уступки, например, Ошский угорком, одобрительно отнесшийся к резолюции, принятой беспартийной конференцией, которая явно подразделяла направления в исламе на “вредные” и “безвредные”. В резолюции подчеркивалось, что ишаны и их сторонники должны прекратить проповедовать свои учения, так как они “разрушают основные принципы ислама”¹. Ошибки подобного характера в антирелигиозной пропаганде имели место и в отношении к христианским сектам. Существовало мнение, что основная борьба должна быть направлена против баптистских, иеговистских, адвентистских и других сектантских организаций. Очевидно, здесь, кроме всего прочего, сыграло свою роль прошлое отношение к сектанству в период царизма.

Все это отражалось и в практической деятельности активистов антирелигиозной борьбы: они в своих выступлениях не подвергали критике вероучения православия и суннизма, последователями которых являлись основные массы населения.

В ходе борьбы с религией велись поиски ее форм, правда, путем проб и ошибок, избежать которых в тех условиях практически было невозможно. К тому же, еще долгое время не был сформирован атеистический актив. Поэтому неудивительно, что воинствующие безбожники впадали то в одну, то в другую крайность. Вместо того, чтобы тактично и терпимо относиться к верующим, чтобы искать путь к их разуму и сердцу, допускали оскорбительные выпады. Осуждая подобные поступки в борьбе с религией, В.И. Ленин на I Всероссийском съезде работниц говорил: “Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения”². На это ориентировал местные партийные организации и XII съезд РКП(б).

¹ ЦГА ПД РК, ф. 6, оп. 1, д. 193, л. 22.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 186.

В его резолюции “О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды” предлагалось “избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма”¹.

Тем не менее на местах постоянно происходило нарушение этих указаний, особенно со стороны молодежи, комсомольцев. Во время проведения верующими религиозных праздников, обрядов они устраивали массовые манифестации с антирелигиозными лозунгами, пением частушек, содержание которых не только было направлено против священнослужителей, но и оскорбляло религиозные чувства рядовых верующих. В 1924 г. одна из таких манифестаций, в которой участвовало 80 человек, причем с участием духового оркестра, была организована у православной церкви в Пишпекке². А 18 апреля следующего года в день Пасхи, комсомольцы города устроили “суд” над Библией³.

Во второй половине 20-х годов во многих районах у местных органов власти, партийных комитетов усилился “зуд нетерпения” в ближайшее же время “освободить” верующих от религиозных предрассудков. Скоропалительность такого рода мер, без учета социально-экономического и культурного уровня населения, неминуемо приводила к негативным последствиям. Непримируемость к религиозной идеологии подменялась зачастую непримируемостью к религиозным организациям и даже верующим. Воинствующие безбожники нередко причисляли служителей культа к “классовым врагам”, в том числе и тех, кто обучал детей в старометодных школах, что было отражением сталинской установки об обострении классовой борьбы в процессе социалистического строительства.

Нарушению советского закона о свободе совести способствовало и то, что в те годы в партийных и советских органах часто происходили перестановки, обновление кадров, в том числе за счет выдвиненцев. Среди них было немало малограмотных, не имевших и представления о воспитательной работе среди масс, требовавшей осторожности. К тому же, директивные документы с грифом “совершенно секретно”, инструкции НКВД об основных принципах отношения государства к религии и церкви доводились

¹ КПСС в резолюциях... – Т. 3. – С. 115.

² ЦГА ПД РК, ф. 4, оп. 1, д. 48, л. 28.

³ Батрацкая правда. – 1925. – 24 апреля.

до сведения ограниченного круга партийных и административных работников республиканского, реже – областного масштаба.

В результате борьба с религиозной идеологией выливалась в основном в административные меры. В Кыргызстане, как и во всей Средней Азии и Казахстане, она наиболее ярко проявилась в конце 20-х годов. “Имелся целый ряд перегибов и искривлений, – отмечалось в одном из документов, – заключавшихся в самовольном, в административном порядке закрытии молитвенных зданий без согласия большинства верующих, без согласования с соответствующими партийными органами”¹.

Однако при этом нельзя не учитывать и другого. Правоохранительные органы, исходя из норм права того времени, нередко вынужденно прибегали к административному нажиму. Как свидетельствуют факты, имели место случаи, когда те или иные религиозные организации, общества, их руководство при поддержке антисоветски настроенных элементов сознательно нарушали советские законы о культах. В своей деятельности самыми разными средствами они вели агитацию против социально-экономических преобразований, принимали участие в организации басмаческих отрядов, устанавливали нелегальные связи с антисоветскими силами за рубежом. В листовках, проповедях агитировали верующих против обучения детей в советских школах. Например, муллы утверждали, что в них воспитывают “неверных” для призыва в армию для борьбы против мусульман. Под прикрытием заветов и нужд религии облагали население денежными и натуральными налогами, средства от которых использовали для своих нужд.

К работе по формированию материалистического мировоззрения трудящихся партийными организациями привлекались профессиональные, кошчийные союзы, комсомол. С помощью этих массовых организаций, советских и культурных учреждений проводились различные кампании, прежде всего такие, как “недели”, “месячники”, во время которых создавались ячейки “Союза воинствующих безбожников”, оформлялись уголки “безбожника”, распространялась атеистическая печатная продукция, накануне и в дни религиозных праздников организовывались антирелигиозные мероприятия. В периодической печати публиковались статьи с критикой неблагоприятной деятельности местных религиозных организаций.

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 7, д. 128, л. 75–79.

К началу 30-х годов профсоюзные органы начали прибегать к таким формам антирелигиозной работы, как создание так называемых “безбожных производственных коллективов”. Соревнующиеся вступали в “Союз воинствующих безбожников”, брали на себя обязательство не участвовать в культовых обрядах и праздниках, но принимать активное участие в гражданских обрядах и социалистических праздниках, в атеистической агитации среди населения. На некоторых предприятиях профсоюзные активисты придавали широкой гласности имена верующих, совершивших “прогул” по религиозным мотивам – они заносились на “черную доску”, подвергались критике в стенной печати и т.д.

В борьбе с религиозными предрассудками одной из первоочередных задач объявлялось “вытеснение религиозных ощущений из сознания женщин”. Женщины воспринимались не только как хранительницы семейного очага, но и как основной “источник воспроизводства религии в домашних условиях”, оказывающий наибольшее влияние на формирование у подрастающего поколения религиозного мировоззрения.

Далеко не все и не везде женщины-мусульманки одинаково относились к общественным мероприятиям. Многие мусульманки лишь приглядывались и не проявляли открыто живого интереса ни к учебе, ни к беседам, даже на темы общего характера. Особенно их пугало, когда работу с ними вели мужчины, поэтому большей частью приходили на те или иные мероприятия с матерями или мужчинами-родственниками. Много потребовалось времени и больших усилий, в том числе и репрессивных, прежде чем удалось преодолеть некоторые препятствия, чинимые религиозными фанатиками-мужчинами, нередко и партийцами.

Резолюция III областной партконференции “Об очередных задачах работы среди дехканок, крестьянок и работниц Киргизстана”, принятая 7 марта 1927 г., отмечала необходимость коммунистам преобразовать уклад жизни своей семьи, отказаться от калыма, многоженства и других бытовых предрассудков, уравнивать свою жену в правах в семье, предоставить ей возможность участия в общественной жизни. Практическое раскрепощение женщины, говорилось в резолюции, “должно проходить в следующем порядке: местный партийный и комсомольский актив (ответственные работники), местные коммунисты и комсомольцы, живущие в городах, затем партийная и комсомольская организация кыштака и аила и потом лишь перенесение этого вопроса в среду

беспартийных, в первую очередь членов союза “Кошчи” и “Рабземлеса”¹.

Как показывают архивные материалы, к началу 30-х годов основная часть городских коммунистов, и особенно комсомольцев, в значительной степени изменили отношение к женщинам в семье, и прежде всего к своим женам, многие из которых становились активистками. Однако в аилах, особенно в кочевых районах, работа среди женщин, как в антирелигиозном плане, так и по вовлечению их в культурное и советское строительство велась еще достаточно слабо.

Конечно, большие надежды возлагались на антирелигиозную работу среди подрастающего поколения. Партийные и комсомольские организации стремились оградить молодое поколение от религиозного влияния, противопоставить ему антирелигиозную агитацию. В городских школах совместно с женсоветами они создавали уголки “безбожников”, в некоторых выпускались стенные атеистические газеты, организовывались кружки “юного безбожника”.

Сложно было вести антирелигиозную работу среди сельской молодежи. Вплоть до середины 20-х годов во многих русских селениях школьное обучение велось по программам, существовавшим еще в царское время. В 1926 г., например, в Таласском районе учащимся преподавали еще “закон божий”. В селениях с коренным населением, охваченных басмаческим движением, основная масса детей совсем не училась или посещала старометодные школы. Здесь не могло быть и речи об атеистическом воспитании юношества.

Басмачество и мусульманское духовенство были ярыми противниками открытия не только светских, но и новометодных школ. Так, в Ошском кантоне ишан А. Джумабаев, тесно связанный с главарями басмачей, проповедовал: “Кто будет посылать своих детей в советские школы, тот будет капыром”². Темные, глубоко религиозные и запуганные родители беспрекословно исполняли такие наставления. Косвенно об этом говорит такой факт: в 1927 г. Областная контрольная комиссия и Рабоче-крестьянская инспекция установили, что в южных районах 60% детей школьного возраста вообще не было охвачено школьным образованием, а в ряде районов

¹ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 121.

² ЦГА ПД РК, ф. 8, оп. 1, д. 7, л. 8.

Ошского и Джалал-Абадского округов этот показатель достигал 70–80%¹.

С первых шагов антирелигиозной работы, особенно среди коренного населения, как уже говорилось, возникла острая проблема кадров. А потому к решению ее приходилось привлекать агитаторов с низким общеобразовательным уровнем и неустоявшимся атеистическим мировоззрением, т.е. по существу создавалась только видимость борьбы с религией. Среди “борцов с религией” были и такие, которые относились к религии индифферентно, выражали скептицизм по поводу борьбы с ней или даже в силу традиций сами исполняли простые культовые предписания. Однако большая часть сельских, особенно кочевых районов не располагала даже таким составом идеологических кадров. Сюда редко приезжали из городов агитаторы и пропагандисты атеистических знаний, а местные кадры выполняли “поручения” по агитации и пропаганде без особого успеха. Приведем один характерный пример. В 1929 г. во время религиозного праздника Курбан-байрам из Фрунзе на горное пастбище

Суусамыр прибыла группа “безбожников”. Ее представители встречались с жителям айлов, проводили беседы и выяснили, что этот праздник проходит под руководством председателей волостных и сельских исполкомов. Никто из партийцев “не подозревал”, что они отмечают религиозный праздник, хотя у них на глазах он сопровождался коллективными молениями. Прибывшие же “безбожники” разъяснить местным коммунистам их заблуждения не могли.

В 20-е годы в ходе антирелигиозной пропаганды были предприняты попытки внедрить в жизнь новые народные, трудовые нерелигиозные праздники и обряды: “день урожая”, “день скотовода”, “день хлопкороба”, “день ирригатора”, “день леса”, “комсомольская пасха и ураза”, “красные крестины”, проводы в армию. Так, в 1923 г. в Пишпеке “день урожая” был объявлен 28 октября².

В подготовке к тому или иному производственному празднику, уже по новой традиции, создавались специальные комиссии из представителей партийных и общественных организаций. Они устраивали собрания трудовых коллективов, митинги, на которых подводились итоги года, выявлялись недостатки в проведении

¹ Культурное строительство в Киргизии. 1918–1929 гг. – Т. 1. – С. 152.

² ЦГА ПД РК, ф. 4, оп. 1, д. 51, л. 55.

посевных и уборочных кампаний. Из городов в села направлялись специалисты сельского хозяйства, которые разъясняли земледельцам и скотоводам истинные причины засухи, болезней животных и растений, научные методы и средства борьбы с падежом скота и повышения урожайности; пропагандировали достижения в животноводстве, разведении высокопродуктивного племенного скота и т.д.

В Кыргызстане такие праздники устраивались не только в уездных центрах, но и в волостных селах Базар-Кургана, Гульче, Джалал-Абаде, Наукате, Узгене. По замыслу они должны были также способствовать размыванию религиозного сознания у сельского населения и утверждению материалистического миропонимания и законов природы.

Определенные надежды возлагались и на внедряемые новые гражданские обряды. Наиболее часто в виде комсомольских свадеб, октябрин эти обряды сначала проводились преимущественно среди молодежи европейских национальностей. Партийцы и комсомольцы восточных национальностей в целом редко решались нарушить нормы адата и шариата. Тем не менее были случаи, когда некоторые комсомольцы – представители местных национальностей частично отступали от религиозных обычаев и устраивали семейные торжества в духе новых обрядов. Вряд ли они предполагали, что этим самым становятся первопроходцами в отходе не только от религиозного, но и от многого традиционного, народного. Летом 1924 г., например, в Каракольском уезде было организовано 16 октябрин, из них 4 – кыргызской молодежи¹. Именно с этого времени кыргызы стали давать своим детям такие имена, как Большевик, Социал, Октябрь, Совет, Кенеш и т.д.

В те времена эффективное воздействие на людей оказывали лекции, беседы о научных достижениях в области сельского хозяйства, физики, химии, медицины и др. Знакомство с законами природы, процессами, происходящими в окружающем мире, будило у слушателей заинтересованность в углублении знаний, подводило их к переоценке духовных ценностей и т.д.

В середине 20-х годов в распоряжении пропагандистов атеизма имелась достаточно разнообразная литература. В Средней Азии и Казахстане наиболее широкое распространение получили присланные из центральных районов страны книги и брошюры: “Социализм и религия”, “Мозг и душа”, “Материя и жизнь”, “О

¹ ЦГА ПД РК, ф. 14, оп. 1, д. 9, л. 2; д. 10, л. 88; д. 437, л. 41; д. 257, л. 1.

душе и загробной жизни”, “Очерки развития религиозных верований”, “Первобытный коммунизм и религия”, “Как создавались боги” и др. Большое внимание в них уделялось истории и критике религии с позиции научных достижений в естествознании тех лет. Имелись издания, содержание которых было направлено на критику библейских писаний: “Сказание об Адаме и Еве”, “Сказки о воскресении Христа”, “Библия для верующих”. Позже появилась литература, рассчитанная на работающих среди молодежи: “Антирелигиозное воспитание в школе”, “За молодежь против поповщины”, а также сборники антирелигиозных пьес, песен и др. Тиражи научно-популярной атеистической литературы постоянно росли, более разнообразной становилась ее тематика.

Однако почти не было литературы на кыргызском языке, научно-методических разработок, пособий по работе с мусульманами, касающихся морально-этических сторон ислама.

Определенную роль в борьбе с религиозностью населения играла местная периодическая печать. С увеличением численности газет и журналов, их тиражей, а также с повышением грамотности населения появилось больше возможности широко освещать в периодике и доводить до населения антирелигиозные материалы. По “рекомендации” партийных комитетов широко публиковались материалы по распространению естественно-научных знаний, разоблачению неблагоприятных дел священнослужителей и т.п. В частности, критиковались многоженство, купля-продажа женщин, выдача замуж несовершеннолетних, “врачевание” табибов и т.д.

При “красных юртах”, чайханах, уголках, клубах велась плановая работа по ликвидации неграмотности и политпросвещению, создавались кружки по ознакомлению с вопросами ветеринарии, реже – кружки художественной самодеятельности, кройки и шитья. Организовывались беседы на медицинские, юридические темы, просмотры кинокартин и диапозитивов, иногда устраивались диспуты, дискуссии на темы атеизма и религии.

Однако во время дискуссий слабо подготовленные в вопросах ислама местные “безбожники” допускали оскорбительные выпады в отношении верующих, да и сами нередко попадали в неудобное положение.

Более удачно диспуты проводили русские агитаторы и пропагандисты. В этом плане заслуживают внимания выступления в г. Пржевальске бывшего архимандрита и иегумена Троицкого

монастыря И.С. Шемановского. Вскоре после декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” он отрекся от религиозного сана, вступил в ряды РКП(б). Ему не было равных оппонентов. Его охотно слушали и мусульмане, так как он хорошо владел кыргызским языком.

Качественно новый момент в идеологическую работу вносило радио. С его помощью расширялись масштабы идейно-воспитательной работы, повышался культурный уровень трудящихся масс. Совершенствовались формы и содержание радиовещания. С середины 20-х годов его сеть в Средней Азии и Казахстане развивалась быстрыми темпами. В начале 30-х годов более 50% бюджетного времени уже занимали радиопередачи на языках народов этих республик. Звучали в эфире и атеистические темы. В столицах республик и областных центрах стали открываться кружки по подготовке атеистов-радиолекторов, радиоуниверситеты. В середине 1931 г. культпросвет Киргизского обкома ВКП(б) в своем постановлении об открытии курсов радиолекторов указал, что из общего

числа (300 человек) слушателей 20% должны быть женщины, 30% – колхозники, 30% – рабочие и 20% – комсомольцы¹.

Элементы атеистического содержания несло в массы и сценическое искусство. Уже в трудные годы гражданской войны и восстановления народного хозяйства по-большевистски настроенная часть интеллигенции, комсомольцы стали создавать инициативные группы, выступать с концертами, спектаклями. Формировались национальные драматические студии. Если принять во внимание отрицательное отношение мусульманского духовенства к театральному искусству, то можно считать, что одно его появление уже несло в себе зачатки антирелигиозной работы. Со временем появились пьесы, в которых прямо подвергались осуждению культовые обряды, вредные обычаи и традиции, бытовые пережитки.

Как известно, в первые годы советской власти основная часть мусульманского духовенства открыто выступала против строя, отрицающего религиозные ценности. Однако бесперспективность этой борьбы и опасение потерять доверие масс заставляли служителей ислама переходить на нейтральные позиции. А вскоре они стали выступать за широкую и организованную поддержку политики коммунистической партии и советского государства. Об

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 7, д. 251, л. 75–76.

этом заявил и всероссийский съезд мусульманского духовенства, проходивший в октябре 1926 г. Его материалы широко распространялись среди мусульман страны.

Священнослужители вынуждены были пересмотреть свою прежнюю точку зрения и в отношении собственности. До земельно-водной реформы в Средней Азии они доказывали, что земля, принадлежащая богатым, дана им Аллахом и является их священной собственностью. Однако в ходе реформы некоторые из них даже отказывались от своих собственных участков в пользу бедноты, разъясняя людям, что “по шариату земельная реформа – законное дело”¹. Мусульманское духовенство г. Оша в специальном воззвании к населению признало свое прежнее отношение к земельной собственности ошибочным, осудило руководителей мусульманских общин, которые противятся реформе, защищают байские интересы, что “противоречит шариату и заветам великого пророка Магомета”, и призвало поддержать аграрную политику советской власти, как богоугодное дело².

Опасаясь влияния на народные низы, представители духовенства стали одобрять светские школы. Не выступали они столь ярко, как прежде, и против некоторых новых прав, предоставляемых властью женщинам. Но рассуждали при этом весьма оригинально, подводя все “свободы” прежде всего к религиозным. Так, по их мнению, поскольку по конституции женщины получили равные права с мужчинами в общественной жизни, они должны быть уравнены и в правах посещения мечети.

Возросший политический и культурный уровень верующих, приспособление к новым условиям и определенная переориентация религиозных организаций требовали качественного сдвига в атеистической пропаганде. Для этого нужно было совершенствовать прежние, искать новые формы и средства работы с людьми. Необходимо было больше уделять внимания формированию у людей материалистического миропонимания, а не просто обличать священнослужителей и обвинять их в “контрреволюционной” деятельности. Однако и в последующие годы все оставалось по-старому.

¹ Против религиозного обмана и мракобесия: Сб. материалов. – Фрунзе, 1970. – С. 143.

² Там же. – С. 137–139.

Но главная трагедия этого периода заключалась в том, что новая идеология, отвергая старое, не создала ничего нового, более ценного и устойчивого, чем религия, в сохранении нравственных устоев общества. Наоборот, путем подобного “искоренения” религиозности был нанесен непоправимый урон многим истинно народным, позитивным традициям, обычаям и ритуалам, составляющим основу самобытности народов.

3. Феномен “буржуазного национализма”

Объективный анализ архивных материалов показывает, что в ходе борьбы с так называемыми “проявлениями буржуазной идеологии” в Кыргызстане безвинно пострадало большое количество людей, прежде всего почти весь цвет с неимоверным трудом создаваемой национальной интеллигенции. При этом в отличие от борьбы с проявлениями родоплеменной, феодально-клерикальной идеологии разоблачение и искоренение “носителей буржуазной идеологии”, “троцкистов”, “левых и правых оппортунистов”, “буржуазных националистов” и т.д. в подавляющем большинстве случаев происходили без всяких на то оснований, по заказу авторитарного режима и напоминали средневековую “охоту на ведьм”.

Чтобы не быть обвиненным в искажении истины или в новой конъюнктурщине, остановимся на механизме, мотивах и направлениях давно и широко известных или до сих пор остававшихся вне поля зрения исследователей “разоблачений”, за исключением двух моментов: это проявления “левых” загибов со стороны представителей коренной национальности и проявление великодержавного шовинизма частью работников-европейцев, которых в недалеком прошлом подвергали лишь безадресной критике или легко “журили”.

Начнем с принципиального вопроса – могло ли быть в Кыргызстане того периода столько носителей буржуазной идеологии, которых репрессировали тысячами? Что думали об этом сами руководители областной партийной организации?

Как известно, до революции и особенно в первые годы после установления советской власти широкой экономической базы для развития капитализма, а, следовательно, и класса буржуазии, даже из числа представителей европейских национальностей, не было.

Среди коренного населения, живущего в основном по канонам родоплеменных отношений, “обуржуазивающиеся” лица вообще исчислялись единицами. А потому наличие широкого слоя носителей буржуазно-националистической идеологии было маловероятным. Примерно так же рассуждали работники, присланные из центра в областной партийный и советский аппарат. Так, В. Шубриков – первый секретарь Киробкома партии, выступая на II пленуме обкома (июнь 1927 г.), говорил: “У нас сейчас в Киргизии интеллигенции, которая была воспитанницей торгового капитала, слава тебе господи, нет. Но, поскольку нэп развивает товарные отношения, будет появляться новая интеллигенция, и не только наша, но и противостоящая нам. Это обязательное явление, и вопрос в том, насколько сильны будут эти тенденции и эти враждебные нам явления. Это будет зависеть от того, насколько правильно и хорошо мы сумеем провести свою линию”¹.

Оставим на совести этого достойного во многих отношениях партийного работника степень обоснованности подобных опасений в условиях Кыргызстана, глубину понимания новой экономической политики, введившейся на весь переходный период. Отметим лишь, что к 1927 г. значительного количества вероятных выразителей интересов торговой буржуазии не было. О промышленной и сельскохозяйственной буржуазии не могло быть и речи. Оставалась одна возможность – появление торговой буржуазии и ее идеологов в условиях новой экономической политики. Но, как известно, этого не случилось. Через семь лет, т.е. в январе 1934 г., первый секретарь Киробкома партии, теперь уже Белоцкий, выступая с отчетным докладом на VII облпартконференции, подчеркнул: “... так как Киргизия по сравнению с Украиной и Белоруссией является более отсталой страной, так как прослойка старой буржуазной контрреволюционной интеллигенции у нас несравненно тоньше и так как нашему киргизскому национализму труднее сомкнуться с иностранными интервентами, то нужно признать, что местный киргизский национализм не представляет из себя на данном этапе главной опасности в Киргизии”².

Эти слова тогдашнего первого секретаря Киробкома отражали реальное состояние общества. Но, еще не утихнет эхо от речи докладчика, как на этой же конференции местные “сверхбдительные” устроят соревнование в разоблачении

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 22, л. 50, 53.

² Там же, д. 526, л. 17.

буржуазных националистов. Булатов (секретарь Иссык-Кульского РК) “вскрывает” Чалагыза Иманкулова, Бейше Турусбаева; Орозбаев (секретарь Сталинского РК) “разоблачает” некоего У. Джалилова; Эсеналиев (комсомольский работник) – И. Тойчинова, К. Тыныстанова, З. Бектенова; Аилчинов – Чонбашева; Чонбашев – Токбаева; Токомбаев – Тыныстанова, Баишова, Татыбекова, Кененсариева; Тойчинов в свою очередь – Токобаева, Чонбашева, Саадаева и т.д.¹ Да и сам Белоцкий всего через два года, т.е. в марте 1936 г., изменит свою позицию на 180 градусов и направит секретарю ЦК ВКП(б) Ежову список из 48 человек (в основном представителей местной национальности), исключенных из партии во время чистки как “буржуазных националистов”, имеющих связь с эмигрантскими кругами и потенциальную возможность стать шпионами в пользу иностранной разведки. Все они, а в их числе были такие видные партийные и советские работники, как И. Худайбергенов, И. Айдарбеков, Т.Токобаев, Ж.Саадаев, И. Тойчинов, Н. Кульназаров и многие другие, должны были быть выселены за пределы Киргизии². Ежов в последующем “перевыполнит” просьбу Белоцкого и отправит большинство из этих, по существу безвинно обреченных, не только за пределы Кыргызстана...

Почему же так произошло, в чем главная причина? Эти вопросы сейчас волнуют всех. Не претендуя на исчерпывающий ответ, постараемся внимательно проследить ход событий и разобраться в истинных причинах тех или иных обвинений и “разоблачений”.

Как свидетельствуют архивные материалы, областная партийная организация в начальный период своей деятельности, примерно до 1927 г., главное острие своей идеологической работы направляет против проявлений родоплеменной и феодально-клерикальной идеологии. Что же касается проявлений буржуазной идеологии, то в различных партийных документах лишь отмечается необходимость бескомпромиссной борьбы с ней.

Положение изменилось после принятия XV съездом ВКП(б) (декабрь 1927 г.) решения “Об оппозиции” и исключения из партии 75 активных “троцкистов” и 23 членов группы Сапронова.

В ноябре 1928 г. Киробком партии получает директивное письмо Средазбюро ЦК ВКП(б), на основе которого принимает постановление “О работе троцкистской оппозиции”, которым

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 526, л. 25, 35–39, 60–63, 114–115, 137–139, 165.

² Там же, д. 736, л. 39, 40–48.

определялись задачи кантонных и районных комитетов партии по разоблачению троцкистских элементов, а сбор и систематизация сведений о них поручались информационному подотделу обкома партии¹.

Чем это обернулось? В марте 1927 г. областной комитет партии с полным основанием докладывал III облпартконференции, что “почти ни в одной нашей организации мы не имели оппозиционных настроений”². Почему “почти”, а не полностью? Оказывается, в Кыргызстане в ходе партдискуссий были, как отмечалось в отчете информстатотдела Средазбюро ЦК ВКП(б), выступления коммунистов, которые носили “неуверенный характер: и против ЦК партии, и вроде бы не с оппозицией”³.

Причина такой двойственности крылась в самом предмете дискуссии. Как известно, троцкистская оппозиция обвинялась в путчи́зме в вопросах международного рабочего движения, в отношении к крестьянству как к классу, враждебному социализму, в борьбе против партийного аппарата под флагом борьбы с бюрократизмом, в борьбе против “режима” в партии под флагом борьбы за внутрипартийную демократию⁴. Следовательно, все коммунисты Кыргызстана, участвовавшие в дискуссиях и высказавшиеся против бюрократизма, при всей своей правоте легко могли быть причисленными к троцкистам. Приведем один наглядный пример. Выступая на II пленуме Киробкома, Шубриков говорил: “Оппозиция дала пищу некоторым юродствующим лжемарксистам. В нашей организации тоже появился такой юродствующий марксист, который хотел организовать группу коммунистического быта. Ну что же, как будто группа хорошая, мы тоже за коммунистический быт и не только в разговорах, но и на деле всеми силами хотим, чтобы наш быт был коммунистическим. Но характерна платформа нашего новоиспеченного марксиста... Он говорит, что наша партия является правящей партией, поэтому отдельные работники, руководящие, особенно на окраине, расцениваются не как коммунисты, а как сановники, а поэтому партия не обращает внимания на их коммунистическое содержание, были бы только хорошими администраторами”⁵.

¹ Там же, д. 157, л. 64.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 157, л. 64.

³ Там же, л. 66.

⁴ КПСС в резолюциях... -- Т. 4. – С. 110–112.

⁵ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 92, л. 17.

Как видно, “новоиспеченный” был во всем прав, но мог быть легко причислен к троцкистам за идею создания “группы”, хотя бы и так называемого “коммунистического быта”.

Но вернемся к последствиям директивного письма Средазбюро ЦК ВКП(б). Через три месяца, т.е. к марту 1928 г., выявляются уже 16 оппозиционеров. Дальше – больше. Начинают наказывать и исключать из партии по нарастающей, и не только за инакомыслие, сомнения или оппозиционные действия, но и за родственные и другие связи или просто за знакомство с лицами, объявленными троцкистами. Масштабы и степень наказания обвиняемых в троцкизме усугублялись по мере нарастания зловещности сталинской оценки троцкизма. Так, на XIII конференции РКП(б) (январь 1924 г.) троцкистская оппозиция была определена лишь как “мелкобуржуазный уклон”, на XV партконференции (октябрь–ноябрь 1927 г.) – уже названа отходящим от классовой линии социал-демократическим уклоном¹. В 1931 г. в своем письме “О некоторых вопросах истории большевизма”, опубликованном в журнале “Пролетарская революция”, Сталин отказал троцкизму в праве быть даже одним из течений международного рабочего движения, “фракцией коммунизма” и определил его как “передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР”².

Таким образом, троцкизм объявляется не просто идейным течением в рабочем движении, а передовым отрядом контрреволюционной буржуазии в мировом масштабе. Следовательно, требовались разгром, искоренение, по крайней мере, “изгнание вон из партии”³.

А как поступить в Кыргызстане, если здесь не было значительного количества “ярких защитников троцкизма”? Установка: найти! И находили. Вот мотивы исключения из партии за “принадлежность к троцкизму” лиц, которые в связи с этим “удостаивались” решения самого обкома партии: в августе 1936 г. из партии исключается секретарь Кызыл-Кийского горкома партии Бурный за то, что поддерживал связь с объявленными троцкистами Ведюшенко, Афанасьевым, Гердзевичем⁴; некий Ельцов – за то, что

¹ КПСС в резолюциях... – Т. 3 – С. 156; Т. 4. – С. 110–112.

² Сталин И.В. Соч. – Т. 13. – С. 98.

³ Там же. – С. 97.

⁴ ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, д. 197, л. 54.

будто бы знал, но скрыл сведения о существовании контрреволюционной троцкистской группы, в которую входили Позднев, Данилов, Дербишев и другие; в прошлом приближенный человек самого Белоцкого начальник политотдела совхоза Стамблер – как двурушник, державший теснейшую связь с родным братом-троцкистом; Зинкин и Татыбеков, работавшие вместе со Стамблером в совхозе, наказываются за то, что не разоблачили последнего¹. Стамблер “отблагодарит” своего бывшего покровителя: будучи в заключении, через НКВД отправит письмо Сталину, в котором разоблачит не только Белоцкого, но и его жену как троцкистов. Письмо через секретариат ЦК ВКП(б) попадет к Вышинскому, а от него – прокурору республики Смирнову, который “докажет”, что Белоцкий отъявленный троцкист².

Не отставали от общего “потока” и на местах. Один характерный пример. В январе 1937 г. “за протаскивание троцкистской идеологии” исключается из партии и шельмованием и гонениями доводится до самоубийства В.Н. Хвостов. Его вина заключалась в том, что, будучи пропагандистом в коллективе Кара-Балтинского сахарного завода, на одном из занятий партпроса он сказал: “Троцкий при Ленине не выступал открыто, видя в нем гиганта”, а на другом, что “кризисы бывают и от недопроизводства, так же как от перепроизводства. Первое, как известно, имело место и в СССР в годы военного коммунизма”. Такое заявление “разоблачителями” было расценено как “смазывание роли Сталина как вождя мирового пролетариата еще при жизни Ленина”, т.е. Хвостов не признавал “теорию двух вождей” большевистской партии, утвердившуюся окончательно к этому времени с подачи Берии и стараниями самого Сталина и его фаворитов. Второе высказывание Хвостова расценивалось как клевета на советскую действительность. Из предсмертных записок Хвостова видно, что он хорошо понимал весь трагизм тогдашней обстановки. «Меня убили, – писал он, – не дали честно работать. Хотел отдать все, что мог, для нового социалистического общества... Я знаю, что моя кончина для наглых ничего не составляет, так как они должны это делать, они ведь тоже “выявили” троцкиста Хвостова»³.

¹ Там же, л. 57.

² ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, д. 197, л. 67.

³ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 790, л. 71.

Как троцкист был “разоблачен” своими коллегами языковед с мировым именем Е.Д. Поливанов только за то, что когда-то работал в аппарате МИДа у Троцкого¹.

Как видно из приведенных примеров, а они охватывают почти все крупные “разоблачения”, мотивы обвинений были выдуманными и по сути – чудовищно бесчеловечными и антигуманными.

В апреле 1931 г. в результате оперативных мероприятий ГПУ Киргизской АССР “раскрывается” и ликвидируется в различных отраслях народного хозяйства Киргизии 5 контрреволюционных вредительских организаций, объединенных одним вредительским центром Госплана республики (10 человек из аппарата Госплана, 3 – из сельскохозяйственных органов, 3 – из промышленных, 3 – снабжения, 4 – из органов финансов и кредита).

В ходе следствия добивались “признания” почти от всех. В чем же состояла их вина? Они якобы являлись членами несуществующей Трудовой крестьянской партии или приверженцами теории известных “членов” ТКП Чаянова, Кондратьева, Кострова и действовали по примеру “шахтинской” организации. А оказались в “контрреволюционной организации” из-за несогласия с установкой на обострение классовой борьбы, преждевременным свертыванием нэпа, с насильственными методами реконструкции народного хозяйства.

“Признавались” обвиняемые и в конкретных методах вредительства: в основном в “создании” хаоса в вопросах планирования и ведения народного хозяйства, при котором было бы совершенно невозможно разобраться во вредительских действиях отдельных членов организации. Следствием было “установлено”, что вредителями “очень часто применялся так называемый способ вуалирования вредительства, т.е. все члены вредительских организаций, присутствуя на том или ином заседании или совещании, при проведении того или иного вопроса, не выступали единодушно и не защищали вредительские установки, а делали так: часть членов организации активно защищает вредительские установки, а часть весьма пассивно и неубедительно противодействует. В результате этого проходят вредительские установки”². Поистине иезуитская аргументация! На примере же составления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства республики, плана

¹ *Плоских В.* Самый обычный гениальный человек / Коммунист Кыргызстана. – 1990. – № 10.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 326, л. 1–29.

хлебозаготовки на 1932 г. мы видели, что хаос в деле планирования и снабжения был обусловлен именно часто меняющимися директивами из Ташкента и Москвы.

В чем же главная причина искусственного “создания” контрреволюционной вредительской организации? В том, что были нужны “жизненные” доказательства и из Кыргызстана сталинской концепции обострения классовой борьбы в период социалистической реконструкции. Да и надо же было свалить на кого-то вину за невыполнение первого пятилетнего плана в республике.

Архивные материалы показывают, что в ходе борьбы с так называемыми носителями буржуазной идеологии имело место их своеобразное разделение: кыргызы обвинялись в основном в правом оппортунизме, национализме, а представителям других национальностей – в троцкизме, великодержавном шовинизме. Не избежали ни те, ни другие и общего обвинения – в контрреволюционном вредительстве.

Следующий мотив массового обвинения партийных, советских и хозяйственных кадров – правый оппортунизм.

В апреле 1929 г. состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), рассмотревший вопрос о внутривнутрипартийных делах. Пленум одобрил резолюцию объединенного заседания Политбюро ЦК и Президиума ЦКК по внутривнутрипартийным делам от 9 февраля 1929 г., осудив так называемую правооппортунистическую, фракционную деятельность Бухарина, Рыкова, Томского.

Документы показывают, что подготовка общественного мнения к “разоблачению” бухаринцев как правых оппортунистов началась задолго до объединенного пленума. Как писал Ю. Абдрахманов, в центральной печати начинается усиленная обработка Бухарина, Рыкова и Томского, дальнейшая судьба которых была «известна лишь одному “богу” со Старой площади»¹ – Сталину.

Докатывается эта волна и до Кыргызстана. Выступая на V областной партконференции (15–25 января 1929 г.), Т. Айтматов говорил: “У нас проработка правого уклона вначале совсем не проводилась и мы ее начали, когда получили соответствующие директивы и материалы”².

Выступавший на этой же конференции Давыдов, поставив вопрос “есть ли в Киргизии правый уклон?”, ответил однозначно

¹ Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма Сталину. – С. 131.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 184, л. 40.

утвердительно и в качестве “доказательства” привел такой пример: “В парторганизации Александровской волости секретарь парторганизации имел связь с кулачеством”¹. Не отличалось оригинальностью и “доказательство” Х.Шорукова, заявившего: «Мы провели проверку Ошской организации и выявили ряд недочетов. У нас был председатель “Кустпромсоюза” Бекназаров, член партии с 1918 г., и что ж мы увидели в результате руководства этого товарища? Полное засорение аппарата»².

Через два месяца после партконференции состоялся II пленум Киробкома, обсудивший вопрос о внутривнутрипартийном положении, посвященный “проработке” бухаринцев. Кроме докладчика из центра и Шубрикова, делавшего заключение, выступили всего три оратора. Первый из них Белкин, отметив необходимость действовать “в ногу со всей партией”, заявил: «В Джалал-Абадском кантоне мне пришлось столкнуться с извращениями в вопросе контрактации. И вот, один ответственный работник достает передовицу “Известий” и делает на нее ссылки. Я говорю ему и то, и сё, но все мои возражения разбивались о передовицу “Известий”. По приезду, здесь я нашел передовицу “Правды” и она полемизирует с передовицей “Известий”. Вывод: Бухарин, будучи главным редактором “Известий”, шагает не в ногу с партией». Второй выступающий – Зайдин, в таком же духе “разоблачив” Бухарина, заявил: “Бухарин ничего нового не открыл. И мы должны сказать т. Бухарину, чтобы он для своих прогулок подальше выбрал закоулок”. Не отличился аргументированностью речи и последний оратор – Тинхасин³.

В принятой резолюции говорилось: “...пленум считает необходимым сосредоточить главный удар на борьбе с правым уклоном, давая решительный отпор его носителям”⁴. И причисляются к правооппортунистам учительница из с. Покровки Семина и счетовод колхоза Иванова, высказавшиеся в том духе, что “налоговая политика советской власти – это есть не что иное, как разорение крестьянства”⁵.

Однако такая поверхностная, почти безадресная борьба с правым оппортунизмом не устраивала систему. Надо было найти “своего” оппортуниста, желательно среди ответственных ра-

¹ Там же, л. 107–108.

² Там же, л. 101.

³ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 198, л. 10.

⁴ Компартия Киргизии в резолюциях... – Ч. 1. – С. 253.

⁵ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 264, л. 135.

ботников. Вскоре такой был найден и “разоблачен”. Это был О. Тынаев – заведующий отделом обкома партии по работе в деревне, который 1 июня 1929 г. через секретариат обкома проводит решение о допуске кулацких хозяйств в колхозы. Через некоторое время оно было отменено как явно правооппортунистическое, а сам Тынаев станет “отъявленным правооппортунистом”.

Чтобы стала ясна неправомерность такого обвинения, стоит более подробно процитировать несколько документов. Так что же было сказано в том злосчастном постановлении секретариата Киробкома?

В нем указывалось: “1. ...усилилось движение кулацких и бай-манапских хозяйств в колхозы, причем цель этого движения сводится, во-первых, к использованию привилегий и помощи, представляемых колхозами; во-вторых, нахождению в лице колхозов того места, где можно было бы застраховать временное благополучие своего хозяйства и политическое положение.

2. Слабость партийно-советского аппарата на местах, крайне низкий уровень классового самосознания трудящихся аила и кыштака, наличие родовых отношений в быту затрудняют борьбу с кулацким движением в колхозы и требуют совершенно четкой и решительной постановки вопроса о кулацком хозяйстве и проведения следующего мероприятия, которое способствовало бы ослаблению кулацкого движения в колхозы.

Допускать вступление кулацких хозяйств в те колхозы, которые в организационно-хозяйственном отношении укреплены, произвели обобществление имущества, с учетом наличия соответствующего процента партийных и бедняцких прослоек и наличия крепкого партийного и советского аппарата поблизости, могущего обслуживать, руководить работой этих колхозов, с неременным условием полного обобществления всех видов имущества этих кулаков и баев и недопущения их в органы управления колхозов”¹.

Как видно из текста, решение направлено на ослабление движения в колхозы кулаков и бай-манапов, которые, осознав безысходность положения, действительно искали в колхозах хотя бы временную безопасность. Перед кулаками, отважившимися на вступление в колхозы, были поставлены жесткие условия: обобществление всех видов имущества, лишение права занимать руководящие посты и, наконец, вступление только в те колхозы,

¹ ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, д. 191, л. 62.

которые, как говорится, были расположены под боком у руководства.

Можно ли считать после всего этого позицию О. Тынаева правооппортунистической? Внимательное изучение партийных документов тех лет показывает, что на момент принятия решения обкома партии позиция Тынаева была, наоборот, намного “левее”, чем позиция Политбюро ЦК ВКП(б) и самого Сталина.

Обратимся к фактам. Выступая на XVI партконференции (апрель 1929 г.) с безусловно согласованным со Сталиным докладом “О путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка”, М.И. Калинин говорил: “... как наиболее полезно поступить с кулаком, можно ли навсегда закрыть перед ним двери колхоза? Я думаю, что было бы неправильно навсегда закрывать эти двери”. Касаясь принятия кулаков в колхозы, он предлагал учитывать “всю совокупность условий: насколько кулаки вредны, насколько они активны и насколько организуемые колхозы могут их ассимилировать”¹.

На конференции развернулся горячий спор по данному вопросу. При этом даже один из ярых противников принятия кулака в колхозы Ломинадзе допускал возможность этого, но в виде редких исключений, при условии обязательной сдачи им всего мертвого и живого инвентаря, денежных капиталов и натуральных запасов безвозмездно в неделимый капитал колхозов².

Конференция же в своей резолюции, обратив особое внимание партийных организаций на необходимость “всемерной поддержки инициативы перехода целых сел и деревень к коллективным формам труда”³, фактически высказалась за прием кулаков в колхозы.

Только через 2,5 месяца после партконференции и 1,5 месяца после принятия упомянутого решения Киробкома, т.е. 16 июля 1929 г., ЦК ВКП(б) принимает постановление “О выполнении решений ноябрьского Пленума ЦК по докладу Севкавказкома”, в котором говорилось: “ЦК одобряет решение Севкавказкома о нецелесообразности приема кулака в состав колхозов и необходимости систематической работы по очистке колхозов от кулацких элементов...”⁴.

¹ XVI конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. – М., 1962. – С. 296–297.

² XVI конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. – С. 312.

³ Там же. – С. 639.

⁴ Известия ЦК ВКП(б). – 1929. – 10 августа. – С. 23.

Таким образом, для обвинения О. Тынаева в правом оппортунизме за решение, подготовленное в соответствии с установкой XVI партконференции ВКП(б), не было никаких оснований. Можно было бы просто отменить указанное решение обкома как не соответствующее изменившимся обстоятельствам. Но этого не было сделано. Нужен был “свой” правый оппортунист, как и во всех регионах, на что был “социальный заказ” сверху.

Второй раз в качестве правого оппортуниста на острие “разоблачения” Тынаев оказался в 1931 г., когда работал секретарем Джалал-Абадского райкома партии. Выступая на II пленуме Киробкома (1–4 февраля 1931 г.), он возражает “нетерпеливым”, замахивающимся на завершение сплошной коллективизации в Киргизии в 1932 г., и заявляет, что в отличие от центральных районов страны в республике условия для сплошной коллективизации в форме колхозов не созрели. Поэтому “следует осуществлять коллективизацию только на основе кредитования, т.е. в простейших формах кооперирования. Далее, как указано в постановлении того же пленума, Тынаев “огульно, необоснованно панически” утверждает:

“– колхозы на практике не доказали своего преимущества перед индивидуальными хозяйствами;

– политика дачи твердых заданий кулакам и зажиточным хозяйствам деревни влечет к голому раскулачиванию и разбазариванию скота середняком;

– прием в партию в большом количестве батраков может привести к разбуханию и засорению рядов партии”¹.

Правоту Тынаева подтвердили дальнейшая история колхозного строя и результаты партчистки, осуществленной в середине 30-х годов. Но в это время, решением того же пленума выступление Тынаева осуждается как правооппортунистическое, его выводят из состава обкома партии, снимают с должности, а 25 марта того же года исключают из партии.

В Кыргызстане, как и в других национальных республиках, в годы сталинских репрессий подавляющее большинство местных кадров пострадали будучи обвиненными в национализме.

Прежде, чем перейти непосредственно к борьбе партийных организаций республики с проявлениями буржуазного национализма, уместно будет хотя бы вкратце коснуться теоретического аспекта данной проблемы.

¹ ЦГА ПД РК, ф. 391, оп. 3, д. 193, л. 42.

В марксистской литературе до сих пор считается, что национализм – один из принципов буржуазной идеологии и политики, заключающийся в проведении идеи национальной обособленности и исключительности, недоверия к другим нациям и межнациональной вражды. Национализм возник в процессе образования наций и обусловлен спецификой развития капитализма и выступает в двух формах: великодержавного шовинизма, которому свойственно пренебрежительное отношение к другим нациям, и местного национализма, отличающегося стремлением к национальной замкнутости и недоверием к другим нациям. При социализме, устанавливающем фактическое равенство наций, ликвидируются социальные корни национализма, однако еще не изжиты такие явления, как стремление к национальной замкнутости, местничеству. Принципиальная борьба против национальной ограниченности, проявлений национализма – важная задача совершенствования национальных отношений в социалистическом обществе¹.

Каркас данной теоретической концепции рассыпается, как карточный домик, при первых же сопоставлениях с реальностью, освобожденной от идеологизированных стереотипов. Так, если национализм обусловлен спецификой развития капитализма, то каким образом в 30-е годы появилось такое множество его носителей из числа кыргызов, которые в своем общественном развитии даже близко не подошли к капитализму, а в годы советской власти все делалось, чтобы не дать простора даже росткам капитализма? Где грань между нормальной заинтересованностью и заботой о судьбе своей нации и стремлением к национальной ограниченности и замкнутости, с которой нужно вести принципиальную борьбу? Почему при социализме остаются неизжитыми только проявления местного национализма, а исчезают рецидивы великодержавного и местного шовинизма, о которых, если и говорится в официальных документах, то чаще к слову, для порядка.

Если схема не отвечает даже на такие простые вопросы, то, согласитесь, теоретическая концепция, мягко говоря, несовершенна. Причина такого положения, на наш взгляд, в том, что в нашей прошлой общественной практике не было особой нужды в глубокой разработке данного вопроса, больше того, попытки что-то понять глубже жестоко пресекались. При Сталине нужна была именно размытость грани критериев между естественным национальным

¹ Философский словарь. – М., 1986. – С. 308–309.

чувством и национализмом. Это облегчало задачу репрессивной машины. А в дальнейшем, поскольку считалось, что национальный вопрос был решен, незачем было разбираться в таких реальных, но неудобных вопросах межнациональных отношений.

А за это время идеологи “загнивающего” Запада и в этом вопросе ушли вперед. Например, по мнению Эрнеста Геллнера, национализм может быть основой политики любых массовых социальных движений – как крайне левых, так и крайне правых, а не только носителей буржуазной идеологии¹. Думается, что Геллнер полностью прав. В самом деле, ведь не назовешь же наших новоявленных современных, во многом оголтелых националистов представителями класса буржуазии.

Геллнер выделяет два уровня национализма: националистическое чувство – это чувство несогласия, возмущения и негодования из-за несоответствия политических, социально-экономических порядков национальным интересам и потребностям или чувство удовлетворенности при наличии такового; националистическое движение – это движение, направленное на достижение такого соответствия. Думается, в таких проявлениях национализма, когда все идет в русле общечеловеческих норм, нет ничего вредного, требующего “принципиальной борьбы”.

У нас же в 30-е годы и позже наказание неотвратимо следовало в случаях, определенных кем-то как стремление к национальной ограниченности и замкнутости, под которое при желании легко могли подвести любое действие, направленное на защиту национальных интересов, поскольку для такой оценки нет четких критериев.

В этом плане представляет определенный интерес выяснение тенденции развития и причин усиления борьбы с национализмом в различных его проявлениях.

Пожалуй, одним из первых партийных документов, указывавших на необходимость борьбы с национализмом, стало письмо ЦК РКП(б) ко всем партийным комитетам “О работе среди народов Востока” от 21 февраля 1920 г. В нем, констатируя, что за время существования советской власти национальное движение заняло важное место в жизни народов Востока, ЦК РКП(б) указал на две стороны этого движения: на стремление каждой отдельной этнической мусульманской группы (башкиры, кыргызы, калмыки и

¹ Геллнер Э. Нации и национализм // Вопросы философии. – 1989. – № 7. – С. 120–131.

пр.) поднять свою культуру, создать свою собственную литературу, свои собственные школы, а также на поползновение националистов этих же групп использовать естественное движение масс к национальной культуре для своих политических целей¹. Такая постановка вопроса тогда имела под собой некоторые основания: у всех на памяти были и попытки антисоветского переворота в Башкирии в 1919 г., и антисоветская политика Алаш-Орды, и т.д.

Но в качестве средства преодоления такого проявления национализма предлагалась разъяснительная работа с участием членов мусульманских секций партийных организаций Востока.

X съезд РКП(б) (1921 г.), указывая на наличие двух уклонов – великодержавного шовинизма и местного буржуазно-демократического национализма, принимающего иногда форму панисламизма, пантюркизма, и осуждая оба эти уклона, указал “на особую опасность и особый вред первого уклона в сторону великодержавности, колонизаторства”². Съезд определил в качестве одной из важнейших задач партии на окраинах “ликвидацию националистических шатаний”. О репрессивных мерах пока еще речи не было.

XII съезд РКП(б) (1923 г.) правомерно указал на наличие (кроме великорусского) местного шовинизма, проявлявшегося представителями более сильных наций в республиках, направленного против более слабых и малочисленных наций³. Борьбу “с националистическими пережитками и прежде всего с шовинистическими формами этих пережитков” съезд определяет также как актуальную задачу партии.

В июне 1923 г. состоялось IV совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей. В принятой им резолюции “разоблачалась” группа “татарских буржуазных националистов” во главе с Султан-Галиевым, критиковавшим еще во время своей работы в Наркомане Сталина за унитаризм и невнимание к национальным интересам народов страны, и отмечалось, что уклон к национализму среди части местных работников республик и областей является, с одной стороны, реакцией против великорусского шовинизма, с другой – следствием недостаточно решительной и систематической борьбы.

¹ КПСС в резолюциях... – Т. 2. – С. 237.

² Там же. – С. 369–370.

³ КПСС в резолюциях... – Т. 3. – С. 84.

Деятельность этой группы могла бы быть “предупреждена или, во всяком случае, своевременно обезврежена партийным порядком”¹, если бы велась систематическая и решительная борьба с уклоном к национализму. Иными словами, была открыта дорога карательным мерам, хотя бы в виде наказания по партийной линии.

В последующем вопросы национальных отношений на высоком представительном уровне не обсуждались. Проблема борьбы с проявлениями национализма решалась в свете постановлений ЦК ВКП(б) по различным вопросам или по личному указанию Сталина.

В кыргызской областной партийной организации вопросы борьбы с проявлениями националистической идеологии на уровне конференций, пленумов или собраний широкого актива, за исключением VII объединенного пленума Киробкома и ОКК ВКП(б)

с участием актива (февраль 1927 г.), когда обсуждались итоги так называемого частного национального совещания, никогда не рассматривались. И как стало очевидным в последующем, борьба велась не на основе анализа реальной обстановки в республике, а в соответствии с общепартийными установками и указаниями Сталина.

В 1932 г., когда еще голод свирепствовал в Казахстане и заставлял миллионы людей искать помощи в сопредельных регионах, первый секретарь Казкрайкома ВКП(б) Л.И. Мирзоян получил телеграмму-директиву Сталина такого содержания: “Очередная задача казахских большевиков состоит в том, чтобы, борясь с великорусским шовинизмом, сосредоточить огонь против казахского национализма и уклонов к нему. Иначе невозможно отстоять ленинский интернационализм в Казахстане. Борьба с местным национализмом должна быть всемерно усилена, чтобы создать условия для насаждения ленинского интернационализма среди трудящихся масс национальностей Казахстана”².

Как водилось в то время, такие директивы автоматически распространялись и на другие республики, в первую очередь на соседние. Следовательно, “сосредоточить огонь против национализма” и “насаждать интернационализм”, как требовал “отец всех народов”, нужно было и соседнему Кыргызстану. Уже в июне 1933 г. ГПУ Киргизской АССР информирует Киробком о раскрытии националистической, контрреволюционно-повстанческой, анти-

¹ Там же. – С. 131.

² Казахстанская правда. – 1988. – 8 сентября.

советской организации, возглавляемой А. Сыдыковым. Это первое упоминание о мифической организации, в последующем превращенной стараниями карательных органов в Социал-Туранскую партию (СТП).

К сожалению, автор не имел доступа к следственным материалам несуществовавшей контрреволюционно-повстанческой организации и СТП. Поэтому ограничимся цитированием тех мест из тенденциозного доклада Белоцкого на VII облпартконференции, где он ссылается на следственные показания самого Сыдыкова. Думается, что отрывки даже выбитых “признаний” (а в докладе, разумеется, приводились самые “существенные”), дают определенное представление о том, как и за что навешивался ярлык “буржуазный националист”.

Итак, судя по показаниям А. Сыдыкова, платформа его “организации” заключалась в следующем:

Построение социализма в одной стране невозможно. Социализм может быть построен успешно только во всемирном масштабе при овладении высокой техникой. Отсюда логически следует, что попытки построения социализма в СССР неизбежно повлекут обнищание населения, особенно в бывших колониях царской России, как культурно отсталых, не владеющих техникой.

Крутые мероприятия политического и экономического характера, проводимые советской властью в отношении к байству и манапству Киргизии, влекут за собой хозяйственную разруху.

Выдвижение на государственные должности, технически малограмотных, теоретически неподготовленных батраков влечет за собой развал и хаос в управлении. Поэтому необходимо отказаться от принципа выдвижения (обратим внимание, что последнее очень совпадает с его платформой, изложенной в заявлении “тридцатки”).

Сопоставление этих показаний и других архивных материалов, касающихся личности А. Сыдыкова, дает возможность создать представление об истинной позиции Сыдыкова, которую он защищал до своего ареста. За такую позицию его можно было в то время обвинить в чем угодно: в троцкизме (так оно и было – Белоцкий назвал его среднеазиатским собратом Троцкого); в правом оппортунизме,

и с достаточным основанием – как носителя родоплеменной, байманапской идеологии. Однако не было никаких оснований для обвинения в национализме.

А каковы были конкретные “действия” членов организации (по выбитым под пыткой показаниям Сыдыкова)?

“1. Направить за кордон представителей для связи с иностранным консулом в Кашгарии, с одной стороны, и с другой – с китайскими властями (далее перечисляются фамилии тех, кто этим должен был заниматься. Следует отметить, что почти все они из регионов, где жили противники Сыдыкова по групповой борьбе в начале 20-х годов. – Д.Д.). Выяснить через них возможность получения оружия и боеприпасов на предмет вооружения населения Киргизии и оказания им помощи (интервенция) в случае вооруженного контрреволюционного восстания в Киргизии, что предполагали подготовить.

2. Части членов организации (и здесь следует перечисление фамилий. – Д.Д.) было предложено проводить агитацию среди байско-манапской зажиточной части населения о том, чтобы подготовиться к вооруженному восстанию”¹.

Поскольку националистической, контрреволюционно-повстанческой организации, как установлено сейчас, не было в реальности, показания, конечно, добыты путем пыток. А потому обвинять его за сказанное вряд ли можно.

С конца 1933 г. превращают в “оголтелого националиста”, а в последующем и в “шпиона” Ю. Абдрахманова, исключенного из партии решением ЦКК ВКП(б) от 14 октября 1933 г., “за непартийное поведение, выразившееся в том, что он под влиянием группы троцкистов, будучи несогласным по многим вопросам с политикой партии и высказывая перед троцкистами свое несогласие, неискренне защищая решения партии, на деле их извращал”², а на самом

деле – за крамольные по тому времени мысли о Сталине, Кагановиче, проводимой ими политике, изложенные в его “Дневниках”³ и ставшие известными руководству ЦК ВКП(б).

Однако лишённые информации об истинной причине наказания Ю. Абдрахманова в соответствии со спущенной сверху установкой о бескомпромиссном разоблачении националистов и всемерном развитии критики и самокритики, почти все делегаты VII областной партийной конференции, за исключением нескольких человек из числа рабочих, колхозников и лиц европейской национальности,

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 526, л. 42–43.

² Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. – 1976. – С. 85.

³ Там же.

устроили в буквальном смысле этого слова соревнование в “разоблачении” Сыдыкова, Абдрахманова, да и друг друга как националистов. Результаты этих разоблачительных словопрений сказались в 1937–1938 гг.

Толчком к усилению разоблачительной кампании служили статьи и речи Сталина или же просто критические материалы о Кыргызстане, опубликованные в центральной прессе. Например, в постановлении Киробкома от 17 марта 1932 г. “О киргизской литературе” прямо указывалось, что именно «письмо товарища Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция” (речь идет о статье “О некоторых вопросах истории большевизма”, опубликованной в № 6 этого журнала за 1931 г. – Д.Д.) послужило сигналом для широкого наступления партии на идеологическом фронте, усилило бдительность партийной организации в борьбе с гнилым либерализмом. В ходе проработки статьи товарища Сталина выявлены антипартийные искажения в кыргызской литературе, которые выражаются в следующем: а) протаскивание контрреволюционных, буржуазно-националистических идей Алаш-орды в киргизской литературе (Тыныстанов); б) в отражении бай-манапской идеологии, направленной против интересов пролетариата и его авангарда – Коммунистической партии (Карачев, Кокенов, Кененсариев); в) отсутствие марксистско-ленинского анализа при издании так называемого народного творчества, в котором воспеваются интересы враждебных пролетариату классов (Кошоктор, Куйгон, Курманбек, Семетей)»¹.

Обвинения действительно серьезные. А доказательства? «Учебник Тыныстанова “Наш родной язык”, ч. I, вышедший в 1927 г. и переизданный в 1929 г., хотя и является ценным, положившим основу теоретического и методического изучения киргизского языка, в то же время в нем включены отрывки из старой поэзии самого Тыныстанова и других, носящие буржуазно-националистический характер». И далее: «В учебнике Тыныстанова “Наш родной язык”, ч. II, составленном в 1928 г. и вышедшем в 1931 г., под видом “народных” пословиц протаскивается бай-манапская идеология»².

Конечно, быть может не следует включать собственные стихи в учебники, притом ранние. Однако это дело автора и, если и должно рассматриваться, то в плане этическом, а не идеологическом. А что же собой представляли те пословицы, “под видом” которых

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 415, л. 87.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 415, л. 89.

“протаскивалась” бай-манапская идеология? Пословицы и поговорки кыргызского народа, сложившиеся в условиях отсутствия классового расслоения, в большинстве своем нейтральны в отношении классовых признаков. Поэтому любую из них легко можно “пристроить” к выражению интересов того или иного класса. Но среди включенных в учебник К. Тыныстанова была одна поговорка, переведенная недоброжелателями Тыныстанова не по смыслу, а дословно, т.е. по сути повторился прием, использованный Тыныстановым при анализе стихов А. Токомбаева в 1927 г. Тогда исказился смысл слов из стихов А. Токомбаева, включенных в его сборник, посвященный памяти В.И. Ленина. Стихи в основном написаны в стиле “кошоктор” – песен-плачей. Иначе и не могло быть, ведь это почти первые стихи молодого поэта, еще не отошедшего от традиций народного фольклора и смысл их был таков: смерть безжалостно вырвала из жизни вождя, с его смертью пролетариат лишился своей опоры и т.д. Дословный же перевод назначенным обкомом партии рецензентом стихов Тыныстановым звучал следующим образом: “смерть потащила Ленина за грудки, согнулась нога пролетариата, опирающаяся на него”, и т.д.

Поговорка, включенная в учебник Тыныстанова, гласила: “Ороодо даның болсо, коородо малың болот”. При смысловом переводе это означает: “Зерно в закромах, скот во дворе”, при дословном же переводе получилось: “Зерно в яме, скот в загоне”.

В условиях хлебного кризиса, который, как заявлял Сталин, был вызван вредительством кулаков, укрывающих зерно от властей, закапывавших его в землю, а также широко развернувшейся по всей стране борьбы против них, включение такой поговорки в учебник, вполне естественно расценивалось как враждебная пропаганда.

Те, кто составлял документ и решал судьбу Тыныстанова, из-за незнания быта кыргызов не учли, а знающие не захотели учесть (нужно было разоблачить националиста!) два момента: во-первых, учебник был составлен до (!) хлебного кризиса – в 1927 г.; во-вторых, кыргызы, ведя кочевой образ жизни, “закромов” никогда не имели (юрта тесновата, да и проблематично было это при частых перекочевках), поэтому хлеб хранили всегда в “ороо”, т.е. в высланной соломой яме.

Через год в газете “Правда” публикуются передовица под заголовком “Выше знамя пролетарского интернационализма” и статья Мануйлова “Разбить до конца остатки буржуазно-кулацкого национализма”. 29 марта 1933 г. Исполбюро Киробкома принимает

постановление в связи с этими статьями, в котором «считает совершенно правильной оценку, данную “Правдой” творчеству К.Тыныстанова в его академических вечерах, т.е. постановках на сцене Кирнацтеатра (“Манас”, “Шабдан”), как проявление буржуазно-кулацкого национализма»¹.

Академические вечера К. Тыныстанова включали в себя постановку 3 пьес: 1-й вечер – пьесы “Манас” (эпоха феодализма); 2-й вечер – “Из того, что видели глаза”, поставленной под названием “Шабдан” (эпоха капитализма); 3-й вечер – “К новому обществу” (эпоха социализма), но она так и не была поставлена.

Как усмотрели в “Манасе” проявления “буржуазно-кулацкого национализма” известно, наверное, лишь одному богу. О непоставленной третьей пьесе и говорить нечего. Остается одна – “Шабдан”. Русский перевод текста этой пьесы сохранился в делах Киробкома в Центральном государственном архиве политической документации республики². Ее отличает упрощенный классовый подхода. Если и можно обвинять ее автора, то лишь в национальном нигилизме, односторонне примитивном очернительстве прошлого, но никак не “в протаскивании буржуазно-кулацкой идеологии”.

Такие разгромные статьи, по которым партийными комитетами принимались специальные решения по искоренению “буржуазных националистов”, “оппортунистов”, “троцкистов”, “контрреволюционеров” и “вредителей” регулярно печатались не только в центральной прессе. Лишь за вторую половину апреля 1934 г. Исполбюро Киробкома приняло четыре постановления по статьям, опубликованным в газете “Правда Востока”: “Классовый враг орудует на конюшнях Киргизии”, “Кызыл-кийские головотяпы”, “Дела и будни одного райкома”, «Сладко дремлет “Советская Киргизия”». Не отставала и республиканская пресса. За январь 1937 г., например, обкомом было принято решение по статьям, напечатанным в “Советской Киргизии”: “Очистить зооветтехникум от троцкистов” и “Троцкистские последыши”.

Разоблачения в буржуазном национализме велись и по местной инициативе. Например, в феврале 1935 г. заместитель наркома просвещения республики Ибрай Тойчинов был исключен из партии как “буржуазный националист”, якобы пытавшийся создать подпольную группу творческой молодежи.

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 453, л. 97.

² Там же, ф. 398, оп. 3, д. 422, л. 1–59.

Как же могло случиться, что один из самых политически грамотных кыргызов того времени, ведущий переводчик трудов классиков марксизма-ленинизма на кыргызский язык, написавший к тому времени около 40 научных статей, вскрывающих социальные корни и проявления национализма, оппортунизма, обвинялся в том, с чем сам боролся?

Главная причина, как уже было сказано, – установка на разоблачение буржуазных националистов, и прежде всего среди творческой интеллигенции, особенно если учесть, что в республике была в этот период “подходящая” для этого ситуация. Мы имеем в виду групповую борьбу, являющуюся проявлением пережитков родоплеменных отношений в новых условиях.

Противники Тойчинова использовали безотказное в то время оружие – обвинение в крамоле, построенное на неточностях перевода им некоторых терминов из книги Сталина “Вопросы ленинизма”: “Совет – кенеш” (буквально – совет), “диктатура – бийлик” (власть), “революция – озгоруш”, “боец – чоро” (дружинник) и т.д.

“Сверхбдительные” разоблачители не принимали во внимание реальное состояние кыргызской терминологии в то время, а также “забывали”, что эти понятия сами переводили так же несколько раньше, до Тойчинова. В чем же заключалось “протаскивание националистической идеологии” при этом? До революции, оказывается, манапы периодически собирались на “кенеш” для решения различных общезначимых вопросов, а термин “бийлик” прямо намекает на старые порядки (бий – судья – носитель власти). Следовательно, все эти понятия “бай-маналские”, “националистические”. Конкретных же фактов попытки Тойчинова создать сомнительную организацию литературной молодежи не было... кроме его участия в “шерине” (совместные трапезы составляющих одну компанию людей).

Хотя все обвинения Тойчинова лишены всякого реального подтверждения, “повод” для строгого наказания по тем временам, считалось, был. Дело в том, что до начала 1935 г. дальнейшее обогащение кыргызского языка, как указано в постановлении Киробкома от 31 июня 1934 г. “О терминологии киргизского языка”, должно было идти “по линии максимального использования советизмов и интернациональной, международной терминологии

через русский язык, *подчиненный законам киргизской системы словоизменения и словообразования*¹.

Однако, как видно из постановления обкома, принятого через восемь месяцев, “Об орфографии киргизского языка” (27 марта 1935 г.) это приводило к значительным искажениям в передаче многих интернациональных и русских слов на киргизском языке: “колхоз” – “калхоз”, “совхоз” – “сапкос”, “завод” – “зоот”, “комиссариат” – “кемисариат” и т.д. Главное – допускалось искажение фамилий руководителей партии и правительства: например, Молотов – Молотуп, Ворошилов – Ворошилуп². Но совершенно недопустимое по тем временам – Ысталин вместо Сталин.

Таким образом, разбор конкретных мотивов обвинения людей в троцкизме, оппортунизме, буржуазном национализме показывает, что почти все доказательства несостоятельны, необоснованны, сфабрикованы.

“Национализм” Сыдыкова очень далек от “национализма” Абдрахманова, Тойчинова, Тыныстанова и многих других репрессированных лиц. Но и “загибы” этого “попутчика” в революции, как сказал о нем Ю. Абдрахманов, не идут ни в какое сравнение с нынешним, реальным и всевозрастающим национализмом, в идеологии которого в противовес принципам общечеловеческой гуманности приобретают исключительный приоритет национальные (реальные и мнимые) ценности над личностными. Одна национальная культура противопоставляется другой, собственная государственность – иным формам социальной самоорганизации этноса, национальное прошлое и желаемое будущее – реалиям настоящего и возможному будущему, сохранение национальной культурной самобытности – веяниям нового, прогрессивного, вытекающего в новых условиях даже из собственной культурной самобытности.

Как мы видели, в 30-е годы передовые представители киргизского народа, как и всех без исключения народов страны, жестоко и в массовом порядке пострадали, будучи обвиненными в буржуазном национализме. Трагедия этой сталинской репрессивной кампании состояла не только в том, что были оборваны, погублены жизни тысяч невинных людей, что само по себе ни с чем не сравнимое

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 573, л. 21.

² Там же, д. 631, л. 162.

проявление античеловечности. Из опасения обвинений в национализме была почти прекращена работа по сохранению традиций, самобытности культуры и быта народа. Один характерный пример: 26 января 1937 г. бюро ЦК КП Киргизии рассматривает вопрос “О враждебных выступлениях артистов Осмонкула и Шаршена”.

Осмонкул Болебалаев был одним из великих кыргызских акынов-импровизаторов, которые сочиняют стихи и поют о том, что видят (за исключением песен жанра “насият” – наставления или народного фольклора), что чувствуют и как понимают. Шаршен Термечиков был неповторимым комиком, юмористом, сатириком и певцом. И вполне понятно, что по законам жанра, в выступлениях этих артистов находила отражение реальная действительность конца 30-х годов. Но тогда само упоминание о “не типичных” для советского строя явлениях считалось великой крамолой.

После обсуждения на бюро ЦК “враждебных выступлений” акынов-импровизаторов им оставалось только охаивание прошлого, восхваление всего сущего, иначе говоря, акыны оказывались оторванными от реальной жизни, той почвы, на которой только и расцветает их творчество. Не этим ли объясняется то, что после таких гигантов, как Токтогул, Калык, Алыкул, Осмонкул, Шаршен и др., сформировавшихся как акыны еще до революции, начали скудеть народные таланты в этой области. Дело дошло до того, что некоторые нынешние наши знаменитости по сравнению с названными годятся, разве что, да простят меня акыны – мои современники, на роль жамакчы (слагателей песен).

Таким образом, борьба с “троцкизмом”, “оппортунизмом”, “буржуазным национализмом” в Киргизии, а, точнее говоря, – с инакомыслием, лишила почвы творческое и всестороннее развитие личности.

4. Утверждение идеологии сталинизма

Основоположники марксизма постоянно указывали на необходимость глубокого изучения объективных процессов и явлений общества, обобщения социальной практики, развития на этой основе

марксистской науки и вооружения ею рабочего класса, в первую очередь его “организованного авангарда” – членов партии.

В условиях республики широкая пропаганда марксизма-ленинизма, вооружение трудящихся масс материалистическим знанием о закономерностях развития общества, путях и средствах его переустройства, по мнению местных идеологов, были исключительно актуальны, представляли одну из особенностей строительства социализма сокращенным путем.

Во-первых, поскольку промышленный рабочий класс в Кыргызстане был исключительно малочисленный, решающее значение имело превращение марксистского учения и политики партии в убеждение и руководство к действию всего трудового крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения.

Во-вторых, в отличие от центра даже мелкотоварный уклад хозяйствования, не говоря о более высоких формах его, здесь уступал патриархально-натуральному, социалистический же был здесь намного слабее из-за кустарного и полукустарного характера промышленности. Это обстоятельство в значительной степени мешало развитию классового самосознания коренного трудового населения.

В-третьих, необходимость целенаправленной идейно-воспитательной работы диктовалась и интересами достижения гражданского взаимопонимания и мира между представителями различных наций и народностей, проживающих в Кыргызстане, преодоления чувства отчужденности и недоверия между ними, обострившегося в результате прошлой колонизаторской политики царизма, жестокого подавления восстания 1916 г. и определенной неудовлетворенности итогами земельно-водной реформы 1921–1922 гг.

В-четвертых, почти поголовная неграмотность коренного населения ставила трудящихся почти “вне политики”. Так, даже в кампании по перевыборам Советов в конце 1925 и в начале 1926 г. участвовали лишь 43,9% имевших право голоса¹.

В-пятых, сказывалась незавершенность советизации органов власти на местах. Как отмечалось в докладе агитпропотдела Киробкома в середине 20-х годов в понимании рядового кыргыза представитель волисполкома еще был тот же “минбаши” (тысячник),

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 67, л. 6.

“болуш” (волостной управитель), а начальник милиции – “пристоп” (пристав)¹.

Необходимость усиленной работы по политическому просвещению обуславливалась и рядом причин внутрипартийного характера. Это прежде всего высокая религиозность и низкая азбучная грамотность членов партии, преимущественно крестьянско-дыйканский состав коммунистов, которые не имели опыта политической и организаторской работы в массах.

Областная партийная организация в момент ее формирования (октябрь 1924 г.) состояла из 3558 коммунистов и лишь 5,5% из них были промышленные рабочие. В целом пролетарская прослойка, включая и сельскохозяйственных рабочих и батраков, едва достигала 10%.

Основная часть коммунистов – 53,6% (данные на 1 октября 1925 г.) имели начальное образование, 41,4% были азбучно неграмотными, 4,7% имели среднее и лишь 0,3% – высшее образование.

Изменение миропонимания людей, уяснение ими своего места и роли в общественной жизни происходили в первую очередь на фоне и в результате осуществляемых социально-экономических и политических преобразований – организация возвращения из Китая кыргызских беженцев и оказания им материальной помощи, возвращение кыргызам отнятых у них колониальными властями земель, перевод при всемерной государственной помощи кочевых и полукочевых хозяйств на оседлость, мероприятия по ликвидации неграмотности, развертывание широкой сети производственных кредитных, потребительских, снабженческо-бытовых и других кооперативов, игравших определяющую роль в подъеме разграбленных и разрушенных хозяйств, создание самостоятельной киргизской государственности и т.д. – сыграли исключительную роль и в изменении сознания коренного населения Кыргызстана. Поэтому разъяснительная работа, проводимая хотя и ограниченными силами, находила благодатную почву. (Кстати, весь штат партийных работников Киргизской автономной области в 1925 г. состоял из 22 сотрудников аппарата и Обкома, и ОблКК, 33 освобожденных работников трех окружкомов и 28 ответработников 12 райкомов партии².)

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 7, д. 11, л. 3.

² Там же, д. 21, л. 1.

Располагая ограниченными собственными средствами, партийные комитеты в идейно-воспитательной работе стремились использовать возможности сети политико-просветительных учреждений.

Сеть политико-просветительных учреждений Киргизии¹

	1925 г.	1928 г.	1933 г.	1936 г.
“Красные юрты”, избы-читальни	Нет данных	53	159	52
“Красные чайханы”	«	10	180	90
Библиотеки	«	4	53	211
Клубы	9	10	97	246
Киноустановки стационарные	3	5	65	101
Кинопередвижки	–	–	40	61
Радиоузлы	Нет данных	1	18	Нет данных

Как видно из таблицы, темпы роста сети политпросветучреждений были высокими, но не отвечали потребностям времени. К тому же, число работников в учреждениях политпросвета Кыргызстана было явно недостаточно. В 1934 г., например, их было всего 518 человек, или 1 работник на 2,4 тыс. жителей. Главной формой работы “красных юрт”, “красных чайхан” и изб-читален были громкие читки, беседы и очень редко, лекции и доклады².

Значительную роль в идейно-воспитательной работе играли периодическая печать и книгоиздательство, которые довольно быстро развивались в республике.

Динамика выпуска газет в Кыргызстане³

Год	Колич. изданий	Число номеров	Разовый тираж (тыс. экз.)
1926	3	465	5

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, д. 345, л. 42.

² Там же, оп. 1, д. 613, л. 18.

³ Печать Киргизской ССР. 1964–1975 гг. – Фрунзе, 1979. – С. 132.

1930	4	735	37
1935	1814	115	Нет данных
1940	69	5631	190

Развитие книгоиздательства в Кыргызстане¹

Год	Число названий книг	Тираж (тыс. экз.)
1926	26	66
1928	100	500
1932	132	744
1937	231	2505
1940	350	1283

Более быстрому развитию книгоиздательства, как показывают архивные материалы, препятствовала кроме слабой полиграфической базы, отсутствия подготовленных авторов и переводчиков также “сверхбдительная” цензура. Только в 1936 г. было “забраковано” 23 названия книг из 163, причем 3 названия – уже после выпуска, 12 – до сдачи в производство и 8 – после частичного перевода с русского языка. Из 140 вышедших книг 18,9% составляла и издания по общественно-политической тематике, 38,3% – учебники и учебные пособия, 13,4% – сельскохозяйственная и 12,5% – художественная литература².

Значительная роль в идеологическом воспитании населения отводилась собраниям, конференциям, различным массовым мероприятиям, проводимым партийными, комсомольскими, профсоюзными, союзом “Кошчу”, пионерскими организациями, обществом “Жарды-жалчы уюму” и “Союзом безбожников” и другими, а также общеобразовательным школам, учебным заведениям, системе ликбеза, делегатским собраниям, конференциям, различным курсам, лекторам, политдокладчикам и агитаторам.

Из столь широкого арсенала средств идеологической работы остановимся на деятельности системы партийного просвещения,

¹ Печать Киргизской ССР. 1926–1963 гг. – Фрунзе, 1964. – С. 13.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 738, л. 43.

которая по сути составляла “сердцевину” всей работы по внедрению в сознание масс идеологии сталинизма.

Поскольку система партийного просвещения имела достаточно четкую структуру, стабильные учебники и программы, постоянный контингент слушателей и пропагандистских кадров, это позволяет более предметно проследить изменения в содержании, методах, организационных моментах идеологической работы и, главное, получить более приближенный к истине ответ на вопросы: с чего начали, как действовали и чего достигли?

В 1925/26 учебном году в области действовало лишь 6 школ политграмоты, которые охватывали 238 слушателей. В пишпекской и ошской совпартшколах обучалось 150 человек, из них более 100 – кыргызы и представители других местных национальностей. Политической учебой было охвачено лишь около 10% состава областной партийной организации.

Во многих школах политграмоты не всегда “выдерживались” программы, что объяснялось отсутствием учебных пособий. Как отмечалось в письме Киробкома в ЦК РКП(б) (май 1925 г.), школы политграмоты столкнулись с громадной трудностью – “абсолютным отсутствием литературы на киргизском языке. Нет ни одной брошюры даже по самым элементарным вопросам партийного строительства. Ни одна школа политграмоты, ни одна ячейка кыштака и айла не имеют материалов на родном языке”¹.

Осенью 1927 г. ЦК РКП(б) направляет в Киргизию на длительный срок пропгруппу ЦК РКП(б) в составе 10 человек. Она должна была оказать помощь местным партийным комитетам в организации партпросвещения, но самое главное – “систематически изучать настроения, запросы людей и регулярно информировать ЦК о своих наблюдениях и работе”². Пропгруппа ЦК РКП(б) в Кыргызстане совместно с группой Киробкома, созданной по аналогии, оперативно решала вопросы организации и руководства сетью политического просвещения, что было чрезвычайно важно в сложившихся условиях, когда из 6 заведующих агитпропотделами канткомов партии 5 имели начальное и лишь 1 – среднее образование³.

В подготовке кадров для идеологической, политической и хозяйственной сфер большую роль сыграли совпартшколы. Так,

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 7, д. 2, л. 108.

² Справочник партийного работника. – Вып. 5. 1926. – С. 32–325.

³ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 7, д. 31, л. 368.

областная совпартшкола (СПШ) выпустила в 1926–1927 г. 52 человека, в том числе 34 кыргыза. В 1930 г. в областной фрунзенский и межрайонной ошской совпартшколах обучалось уже 488 человек, 88% из них были представители местных национальностей. Межрайонные СПШ были организованы в Караколе и Кызыл-Кие. Кадры для Киргизии готовились также в казанской и тверской совпартшколах.

Однако совпартшколы не следует рассматривать в качестве учебных заведений в нынешнем понимании. В СПШ 1-й ступени (готовящие кадры для политпросветов и пропагандистской работы в аиле, кыштаке, деревне) принимались члены ВКП(б) и ВЛКСМ, умеющие читать и писать, знающие четыре действия арифметики с целыми числами, а в СПШ 2-й ступени (готовящие кадры районного и волостного масштаба) – умеющие бегло читать и писать, знающие четыре арифметических действия с любыми числами и имеющие понятие о географии¹. При таком уровне подготовленности поступающих за два года даже при интенсивности учебного процесса (что маловероятно, если учесть состояние материальной базы и уровень подготовки преподавателей) из СПШ выходили кадры не очень-то высокой квалификации.

В начале 30-х годов совпартшколы стали готовить и специалистов для народного хозяйства. В республиканской СПШ были созданы отделения: зерновое, животноводческое, политпросвет и газетное; в каракольской – животноводческое и зерновое; в ошской – хлопковое и животноводческое; в кызыл-кийской – промышленное и пропагандистское.

Высшее политическое образование коммунисты Кыргызстана получали в комвузах за пределами республики – в САКУ, КУТВ и др. До 1930 г. эти учебные заведения окончили не более 10 кыргызов. С 1930 г. контингент учащихся из Кыргызстана в них стал значительным: в КУТВ было направлено – 4, а в САКУ – 105 человек.

Однако пополнение контингента учащихся комвузов сдерживалось низким общеобразовательным уровнем и слабым знанием русского языка представителей коренных национальностей, что мешало полностью использовать предоставляемые для обучения центры места. Даже в 1930 г. разверстка ЦК ВКП(б) по Кыргызстану была выполнена всего на 57%.

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 247, л. 49.

В определяющей степени именно по этой причине не увенчалась успехом попытка областного комитета при поддержке Средазбюро ЦК ВКП(б) по созданию комвуза в республике. Так, VI партконференция (1930 г.) поручает обкому организовать областные курсы партработников с целью превратить их в 1931–1932 гг. в комуниверситет. С осени 1931 г. открывается подготовительное отделение комвуза на 75 человек, а в 1932 г. начинает работу основное отделение. Но из-за отсутствия условий для нормальной работы (преподавателей, материальной базы, а главное – трудности с комплектованием слушателей) через год комвуз был реорганизован в Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу (ВКСХШ). В 1933/34 г. в ней обучалось 330 человек. Осенью 1936 г. состоялся первый выпуск – 27 человек.

В 1929/30 г. сеть партийного просвещения по сравнению с 1928/29 г. расширилась почти в 2 раза, главным образом за счет школ-передвижек и предметных кружков. Количество школ увеличилось с 72 до 175, а число слушателей – с 2099 до 4072¹.

В сентябре 1930 г. ЦК ВКП(б) постановлением “О задачах партпросвещения” решительно осуждает недооценку просвещения и предлагает местным парторганизациям принять все необходимые меры к его расширению². Вскоре сталинский курс на “подстегивание темпов” отразился и на системе политической учебы.

Был отброшен принцип добровольности при выборе форм учебы, провозглашенный в постановлении ЦК ВКП(б) от 16 мая 1927 г. “Об улучшении постановки политобразования в партии и комсомоле”. Контрольные цифры охвата учебой, как и в народном хозяйстве, теперь спускаются сверху.

По разнарядке Киробкома на 1931/32 г. охват политобразованием должен был составить не менее 10 тыс. человек, при этом по каждому району детально расписывалось, сколько среди них должно быть коммунистов, комсомольцев, беспартийных активистов, рабочих, колхозников, кыргызов, женщин, какими должны быть формы учебы.

Но поскольку пятилетний план во всех отраслях “перевыполнялся”, не должна была отставать и система политпросвещения. Так, Средазбюро ЦК ВКП(б), получив разнарядку на охват

¹ В помощь партучебе. – 1930. – № 21–22. – С. 19.

² ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 7, д. 281, л. 174.

95,5 тыс. человек в четырех республиках в 1932/33 г.¹, определяет для Кыргызстана этот показатель в 22090 человек². Киробком партии в свою очередь разрядку эту доводит до 25433 человек³. Далее количество людей, охваченных учебой (лишь на бумаге), еще более увеличивается, в результате в нужное в то время дело вносятся формализм и безответственность. Но иначе и не могло быть. Местные условия еще не позволяли должным образом поставить политическое образование, а сверху требовали “покончить с недооценкой партпросвещения”. В целом в 1940 г. системой политического образования в республике было охвачено около 40 тыс. человек.

Особый интерес представляют содержание политического образования и тенденции его изменения. В Кыргызстане самой распространенной формой учебы были школы-передвижки на начальном этапе и деревенские, айльно-кыштакные школы политграмоты в последующем, что обуславливалось уровнем подготовленности слушателей системы политической учебы.

Главной задачей школ-передвижек было, конечно, разъяснение коммунистам Устава, Программы и узловых вопросов истории партии. При этом необходимо было подвести слушателя к пониманию вопросов: 1) что требует от него партия, что и как он должен делать в ее рядах; 2) что отвечать ему на требования, предъявляемые к нему как партийцу со стороны беспартийной массы⁴.

В 1925 г. программа школ-передвижек кыштак и айла включала беседы, рассчитанные на 9 занятий, со следующими темами:

1. Современное состояние дыйканского хозяйства (основные отрасли, количество производимых продуктов, скотоводство и его размеры, орошение, формы и методы обработки земли, кустарное хозяйство).

2. Мероприятия советской власти по подъему сельского хозяйства (экономические мероприятия – кредитование дыйкан, кооперация, внедрение многополья, орошения, введение машин и коллективной обработки земли, улучшение семян, вывоз

¹ Там же, л. 191.

² Там же, д. 227, л. 55.

³ Там же, ф. 56, оп. 1, д. 130, л. 1.

⁴ Коммунистическая революция. – 1925. – № 11. – С. 4.

сельхозпродуктов и ввоз промышленной продукции и сельхозорудий, т.е. обеспечение смычки).

3. Единый сельскохозяйственный налог (значение единого налога и причина его введения, ознакомление с основными постановлениями центральной власти о едином сельхозналоге, кустарно-промысловый налог, формы сбора сельхозналога, на какие нужды употребляется налог).

4. Кыштакно-айильные Советы и ВИК (Советы и самоуправление трудящихся, порядок их выборов в кыштаке и айле, задачи кыштакного и айильного Совета и ВИК: выполнение директив вышестоящих органов, работа по землеустройству и орошению, по просвещению; записи браков и рождений).

5. Советская власть и национальный вопрос (Ленин и Восток, решение национального вопроса капиталистическими странами, национальное освобождение народов Средней Азии Октябрьской революцией, возможность подъема материального благосостояния и просвещение дыйкан).

6. Советская власть и просвещение дыйканства (экономические и политические выгоды грамотности, состояние грамотности, мероприятия советской власти по ликвидации неграмотности и просвещению дыйканства).

7. Компартия и дыйканство (что такое Компартия и ее задачи, политика партии в сельском хозяйстве, Компартия и освобождение угнетенных национальностей).

8. Союз рабочих и дыйкан (связь города с кыштаком и айлом – обмен промышленными и сельскохозяйственными продуктами, политика советского государства в отношении снижения цен на промышленные товары и изделия для дыйканства как политика закрепления союза рабочих и дыйкан, мобилизация партийцев и комсомольцев из города для работы в кыштаках и айлах, выдвижение беспартийного дыйканства на советскую работу в кыштаке, айле и городе)¹.

Программа школ-передвижек предусматривала разъяснение наиболее актуальных, волнующих дыйканство вопросов, учитывая при этом уровень подготовленности основной массы слушателей. Иными словами, соблюдался принцип пропаганды – связь с жизнью и практикой, с интересами и потребностями слушателей.

Однако по мере роста уровня общей и политической подготовленности слушателей программа партийной учебы

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 7, д. 4, л. 4–5.

углублялась и усложнялась. Это наглядно видно при сравнении приведенной выше программы школ-передвижек с программой новой школы – школы политграмоты для деревни, кыштака и айла, составленной в 1929 г. Эта программа состояла из 19 бесед на следующие темы: пять хозяйственных укладов в СССР и особенности экономики Кыргызстана; советское и капиталистическое хозяйство; союз рабочего класса и крестьянства; национальная политика партии и советской власти; госпромышленность и ее роль в строительстве социалистического хозяйства в СССР; современное состояние сельского хозяйства в СССР; расслоение деревни и политика партии в отношении различных групп крестьянства; кооперация в деревне и ее роль в продвижении к социализму; партийное строительство и обязанности членов партии; партия и Советы в деревне, кыштаке и айле; комсомол, его работа в деревне, кыштаке и айле; партия, культура и религия, быт; партия, рабочий класс и крестьянство: в период войны, восстания кыргызов 1916 г. и Февральской революции, Октябрьской революции и гражданской войны, новой экономической политики; ВКП(б) и Коминтерн; ВКП(б) и ВЛКСМ; СССР и перспективы мировой революции¹.

Как видно, и на этот раз разработчики программы придерживались линии обеспечения связи политической учебы с жизнью. Однако в 1930 г. произошел крутой поворот в содержании системы политпросвещения, связанный с установкой Сталина, содержащейся в его статье “Некоторые вопросы истории большевизма”. В этой статье Сталин фактически свел всю историю партии к истории борьбы с различными оппортунистическими линиями – от меньшевизма, центризма до оппортунистов, и особенно троцкизма, якобы превратившегося в “передовой отряд контрреволюционной буржуазии”, и поставил задачу: “Поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски”².

Центральное место в системе партийной учебы заняли вопросы борьбы партии с различными идейными течениями, разоблачения троцкистов, оппортунистов, буржуазных националистов.

¹ ЦГА ЦД РК, ф. 10, оп. 7, д. 93, л. 575.

² Сталин В.И. Соч. – Т. 13. – С. 101.

Стержневыми в программах, учебных планах школ и кружков, теоретических семинаров стали темы: “Ленин и Сталин – организаторы и вожди большевистской партии”, “В борьбе с какими врагами партия добилась победы социализма в нашей стране (о внутрипартийной борьбе)”¹ и т.п.

В те годы в связи с низким уровнем подготовленности пропагандистских кадров, крайней недостаточностью учебных пособий и неграмотностью и малограмотностью слушателей, занятия в системе политического просвещения проводились в основном в форме “громкой читки” и разъяснения, или “проработки” прочитанного, как тогда говорили. Однако были и попытки механического перенесения из сферы производства в политучебу социалистического соревнования – так называемого политсоревнования. Суть нового “метода” заключалась в подведении итогов учебы путем “политбоев”. Среди слушателей двух школ, между которыми должно было состояться “политсоревнование”, распространялись стандартные вопросы по пройденным темам учебника и текущей политике и в ходе “политбоя” слушатели задавали друг другу вопросы. Жюри выставляло за ответы очки. Соревновавшиеся старались задавать наиболее каверзные вопросы, чтобы поймать соперника на “политудочку”. Побеждала та школа или группа, которая набирала больше очков. Надо признать, что это в определенной степени способствовало повышению активности слушателей, однако и здесь оставалось много шаблонного и механического, глубокое, вдумчивое и серьезное изучение теории подменялось показной шумихой и трескотней².

Попадались на “политудочку” в ходе проверок состояния политпросвещения и сами пропагандисты. Так, пропагандисты г. Фрунзе Сидельников, заявивший при изучении материалов VII конгресса Коминтерна, что “массовая политическая партия может быть создана только после создания правительства единого фронта”; Мироненко, сказавший: “Нельзя построить коммунистическое общество в одной стране”; Оболенская, забывшая сказать о возможности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую еще в 1905 г., и другие были “проработаны” в горьком партии. В итоге Сидельников должен был пообещать

¹ В помощь партучебе. – 1935. – № 26.

² В помощь партучебе. – 1932. – № 21–22. – С. 48–49.

выступить с критикой своей формулировки на следующем занятии, Мироненко был отстранен от пропагандистской работы, а коммунист Сергеев, сказавший на собрании, посвященном 30-летию декабрьского восстания 1905 г., что партия хотела тогда “создать рабочее правительство”, был обвинен в троцкизме (говорил о правительстве, а не о диктатуре) и исключен из партии¹.

Не отличались глубиной и познания самих пропагандистов и проверяющих партийные комитеты, и даже членов пропгруппы ЦК. Так, в конце 1934 г. руководитель пропгруппы ЦК ВКП(б) Пазиков сетовал на то, что парторги колхозов им. Молотова, “Мин-Булак”, “Ак-Булак” Нарынского района Итибаев, Талпаков, Умерканов не смогли ответить на вопрос: кто такие Сталин, Калинин, Молотов, Белоцкий. А на вопрос: “когда установлена Советская власть?” Итибаев ответил – в 1916 г., Умерканов вообще не знал, какая власть в стране. Талпаков на вопрос: “кто может быть членом партии?” ответил: “Все, кто признает Советскую власть”². На эти же вопросы, на том же уровне ответил работник рабочкома совхоза “Эфирос” Калининского района Чередник, а на вопрос: “кто такой Молотов?” ответил: “Наркозем. Нет. На месте Кагановича”³. Примерно так же обстояло дело с политическим образованием среди работников республиканского уровня. В том же 1935 г. Фрунзенский горком отмечал, что Вирин (наркомместпром), Уваров (наркомфин), Семенихин (уполномоченный ЦК союза строителей), Тугельбаев (Кирсовпроф) и другие ничего не делают для повышения политического уровня⁴.

Таким образом, говоря о политическом просвещении после 1930 г., нельзя не отметить, что здесь произошел отрыв от реальной действительности, вместо вдумчивого и углубленного изучения закономерностей общественного развития главенствовали зубрежка, ло-зунговость в изучении ленинизма (в сталинской интерпретации) и т.п.

И это было очевидно многим. В связи с этим менялись школа политпросвещения и программа. Вот какие темы предлагались в 1938 г. для изучения слушателям кандидатской школы:

¹ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 7, д. 438, л. 28, 137–138.

² Там же, оп. 1, д. 613, л. 3–4.

³ ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 7, д. 322, л. 67.

⁴ Там же, д. 396, л. 12.

1. СССР – страна победившего социализма (осуществленная мечта, основа советского хозяйства – социалистическая собственность, страна Советов, ее природа и население).

2. СССР – могущественная индустриальная держава (промышленность царской России, промышленный расцвет СССР в первую пятилетку, гигантский подъем индустрии во вторую пятилетку).

3. Торжество социализма в деревне (деревня при царском режиме, колхозный путь – путь социализма, победа колхозного строя).

4. Новая техника и новые люди (техническая перестройка народного хозяйства, социалистическая производительность труда).

5. Светлой, радостной жизнью живут люди страны Советов (продукты и товары трудящимся, жить стало лучше) и т.д.

Всего 12 тем такого содержания¹.

Реальными “достижениями” системы политического просвещения (во взаимодействии с другими средствами и методами идейно-политической работы) оказались высокий уровень недоверия, подозрительности и разоблачительства во всех мыслимых и немыслимых грехах; утверждение идеологии и практики культа руководителя вообще и, конечно, в первую очередь Сталина. Дело дошло до того, что текст кыргызской песни о Сталине “Солнце народа” (слова А. Токомбаева) утверждался на бюро Киробкома партии².

К середине 30-х годов в республике пышно расцвели “культики” местных руководителей. Появились колхозы, села имени Шахрая, Зеленского, Орозбекова, Белоцкого. Торжественно и пышно отметили 5-летний юбилей работы на посту председателя ЦИК Киргизской АССР А. Орозбекова, 10-летний юбилей творческой деятельности молодого поэта А.Токомбаева. Но “перешеголял” всех секретарь Фрунзенского горкома Каракозов: за два года его работы на этом посту его имени “удостоились”: фабрики-кухни, средняя школа и даже “месячный поход по развитию кустарной кооперации” и “пропагандистский поход по разъяснению шести условий тов. Сталина”³.

Все это удручающе и закономерно. Система сверхцентрализации производства и распределения, решения

¹ Там же, ф. 56, оп. 1, д. 47, л. 44–46.

² Там же, ф. 10, оп. 1, д. 715, л. 63, 69.

³ ЦГА ПД РК, ф. 10, д. 377, л. 149; д. 325, л. 162–163.

кадровых и других вопросов, о чем свидетельствует и начальный период нашей истории, не могла не способствовать созданию культа личности в союзном и “культиков” в местном масштабе.

Завершающим аккордом в процессе внедрения в сознание советского идеологии сталинизма явилось постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)“». Постановление это, превратив объявленный гениальным творением “самого” Сталина “Краткий курс истории ВКП(б)” в единственное учебное пособие для всех звеньев системы политического образования, создавало условия для окончательного утверждения в сознании масс идеи двух создателей и вождей партии, революции и советского государства. Формулой “Сталин – это Ленин сегодня” не только Сталин поднимался до уровня превращаемого в “икону” Ленина, но и ленинизм как учение сводился к его вульгаризированному изложению в сталинских трудах. Главная цель постановления заключалась в том, чтобы дальше развивать культ личности Сталина, широко пропагандируя “гениальность” и “непогрешимость” вождя. еще глубже внедрять в сознание масс идеологию сталинизма.

Постановление предлагало изучать единственную историю, целиком сфальсифицированную, каждое положение, каждая буква которой были превращены в “священную” догму. Слова постановления о том, что новый учебник не допускает никаких произвольных толкований, выполнялись буквально, и по существу до конца 70-х годов – массовое изучение истории партии в системе политического просвещения по “Краткому курсу” или по новым учебникам, никак не противоречившим его основной концепции (за исключением нескольких лет хрущевской эпохи, когда почти все занялись изучением проблем конкретной экономики), продолжалось до второй половины 70-х годов, т.е. до введения “новых”, не менее одиозных “курсов”: “Политика КПСС – марксизм-ленинизм в действии”, “Социализм и труд”, “Малая Земля”, “Возрождение”, “Развитой социализм” и т.п.

О масштабах развернутой в республике пропагандистской работы в свете названного выше постановления ЦК ВКП(б) говорят следующие факты: за 4 месяца, прошедших после его принятия, бюро ЦК КП(б) Киргизии успело подготовить и принять Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)“ и задачи

республиканской парторганизации» (17 ноября), ряд решений о выполнении этого постановления ЦК ВКП(б) в республике (27 ноября), в Иссык-Кульском и Калининском районах (27 декабря), Первомайском и Ворошиловском районах (4 января) и Иссык-Кульском округе (10 января). В 1940 г. в республике изучали “Краткий курс” около 35 тыс. коммунистов и беспартийных активистов, около 5 тыс. слушателей – в кружках партпросвещения. В помощь изучающим “Историю партии” только силами штатных и внештатных лекторов ЦК, обкомов и горкомов партии в 1940 г. было прочитано более 2500 теоретических лекций и докладов, на которых присутствовало около 200 тыс. человек¹. По данным, поступившим в ЦК КП(б) Киргизии, людей больше всего “интересовали” такие вопросы, как сущность гегелевской триады, дуализма Декарта, теории относительности Эйнштейна, отличие материи физической от материи в философском смысле и т.д.² За полтора года республиканская газета “Кызыл Кыргызстан” опубликовала 260 пропагандистских статей (из них лишь 2 подготовлены местными авторами), а “Советская Киргизия” – 147³.

Как видим, несмотря на широкие масштабы пропаганды тех лет, о ее правдивости и “тесной связи” с жизнью, с конкретными делами и заботами людей говорить не приходится. Однако в утверждении новой идеологии – идеологии сталинизма, выдаваемой за “истинный” марксизм-ленинизм, она достигла своей цели. И, на наш взгляд, определяющее значение в этом имели следующие моменты.

Во-первых, марксистско-ленинская идея о необходимости революционного переустройства общественных порядков нашла благодатную почву в сознании коренного населения республики, разбуженном “брожением умов” в начале XX в., кульминацией которого были восстание 1916 г. и Октябрьская революция.

Во-вторых, подавляющее большинство мероприятий, проводимых партией и советской властью, отвечало коренным интересам кыргызского народа. И самое главное – они давали реально ощутимые позитивные результаты. На фоне тех поистине судьбоносных достижений факты сталинского произвола

¹ ЦГА ПД РК, ф. 56, оп. 1, д. 130, л. 1.

² Там же, д. 108, л. 3.

³ Там же, д. 130, л. 15–16.

некоторыми воспринимались как вынужденная и вполне оправданная мера, другими – “с помощью” самого Сталина и его пропагандистской машины – как “извращения правильной линии партийными и государственными органами на местах”, которые постоянно приходится исправлять “отцу народов”. Так, в своей статье “Головокружение от успехов” Сталин переложил вину за насилие в отношении крестьянства на других, а в последующем виновником бесчеловечных репрессий 1937–1938 гг. объявляются Ежов и “ежовщина”.

В-третьих, по уровню интеллектуального развития подавляющее большинство коммунистов и беспартийных активистов оказались в состоянии воспринять лишь упрощенно-прагматическое, “выпрямленное” толкование марксистского учения – сталинизм.

В-четвертых, сыграла свою роль мощная пропагандистская машина, умело использованная Сталиным.

В-пятых, широко применялась тактика “большой лжи” – безосновательного восхваления и огульного охаивания. До непомерных размеров раздувались действительные и мнимые успехи, охаивалось прошлое и зарубежное. Действовал и принцип “кнута и пряника” – наряду с разоблачениями и обвинениями в различных “измах” и вредительстве, широко практиковались награждения ценными подарками, почетными званиями, правительственными наградами.

В-шестых, в стране сложилась обстановка всеобщей “бдительности” и подозрительности, когда не допускалось никакого инакомыслия.

Главным результатом всей этой работы стало внедрение в сознание масс антигуманной, оправдывающей и стимулирующей репрессивные методы идеологии сталинизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политические, социально-экономические, культурно-духовные и иные преобразования, произошедшие в Кыргызстане в 20–30-е годы, и их последствия нуждаются в многоплановой оценке, свободной как от стереотипов канонизированного мышления по “краткокурсовой” схеме, так и от измышлений огульного очернительства периода перестройки. При этом критерием оценки должно быть соответствие направлений и последствий преобразований с тенденциями общеисторического прогресса человечества и коренными интересами народа, ибо стремление любого народа – лучшая доля и перспективное будущее, а строительство социализма или же подход к дикому капитализму – лишь предполагаемое средство достижения этой главной цели.

Анализ истории Кыргызстана исследуемого периода с предлагаемой позиции, на наш взгляд, дает основание для вывода о том, что многие стороны политики советской власти сыграли исключительную, поистине судьбоносную роль в жизни кыргызов и всего населения республики. Прежде всего, была снята реальная опасность исчезновения народности кыргызов как самобытной этнической единицы в результате скитаний на положении беженцев на чужбине – одной части, насильственного переселения в малопригодные для жизни места – другой, ассимиляции кыргызов более многочисленными соседними народами, а также постоянно сопровождающих кочевников голода, эпидемий и джута, межплеменных и межродовых столкновений и т.д.

Неоценимо значение образования самостоятельной кыргызской государственности, возвращения кыргызам их исконных земель. Подавляющее большинство раздробленных и колониальных народов добивалось этого в результате многолетних, зачастую братоубийственных междоусобиц или изнурительных освободительных войн. История знает немало случаев исчезновения целых народов в ходе таких столкновений. Обретенная в 1924 г. государственность, ее развитие в течение 67 лет стали политико-правовой основой для провозглашения в 1991 г. полного суверенитета Кыргызской Республики без политических и междунаrodnо-правовых осложнений.

Перевод кочевников на оседлость, широкое внедрение прогрессивных форм ведения хозяйства через кооперацию и хозрасчет в условиях нэпа, преимущественное развитие новых, более эффективных отраслей производства и т.п., осуществленные всего за десятилетие, явились столь важными историческими преобразованиями, на которые у иных народов уходили столетия. Они создали условия для повышения жизненного уровня и более быстрого роста численности коренного населения Кыргызстана.

С помощью других союзных республик была создана база и достигнуто реальное ускорение социально-экономического, политического и культурного развития. Эту бесспорную для любого здравомыслящего истину не замутить никакими истеричными криками, кликушеством и очернением более чем семидесятилетнего периода совместного пути всех живших в СССР и ныне живущих на постсоветском пространстве народов.

Критерий социального прогресса в Кыргызстане в те годы совпал со специфическими критериями социалистического прогресса. Это единство (так распорядилась наша история) было нерасторжимым. Однако, вопреки прежним пропагандистским утверждениям, к началу 40-х годов в Кыргызстане социализм не был построен ни «в основном», ни как соответствующий в полной мере даже критериям, обозначенным в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Самостоятельная национальная государственность кыргызов в формате СССР с самого начала была ограниченной автономией, под «тройным подчинением». В системе управления по настоящему не утвердились принципы самоуправления народа и полновластия Советов, имело место отчуждение масс от политической власти. Власть Советов на первых порах ограничивалась ревкомками, парткомками, чрезвычайными комитетами и комиссиями, «тройками», представительными органами центра, бесчисленными уполномоченными вышестоящих инстанций на местах и т.п., а в последующем – всевозможными подзаконными документами, инструкциями, особенно ведомственным диктатом.

В 20–30-е годы в общем государстве советских народов республикой в какой-то мере была преодолена недостаточность исходных предпосылок социализма, созданы начальные экономические, политические, идейные основы, отдельные элементы социализма. Причем в той мере, в какой позволили сталинские извращения сути, деформации форм, методов и средств построения социализма, уровень политической зрелости и

“революционная нетерпеливость” местных прорабов строительства социализма.

Кроме того, экономический и политический прогресс тормозился из-за относительно низкого уровня подготовленности коренного населения к сельскохозяйственному и промышленному производству на новой технологической и организационной основе. Сказывались пережитки родоплеменных отношений и другие моменты, определявшие менталитет кочевого и полукочевого народа.

Несмотря на это, путь кыргызского, как и других отсталых в прошлом народов, к новым ступеням общественного развития, хотя и не к “подлинному социализму”, оказался действительно сокращенным. Кыргызы, имевшие худшие, чем афганцы, иракцы, иранцы, пакистанцы стартовые возможности в 1917 г. (не было общей территории, государственности, выхода к морским торговым путям, богатых нефтяных и других месторождений), далеко обогнали их не только в интеллектуальном, но и в экономическом развитии.

Но путь этот, вопреки утверждениям официальной пропаганды и огромной массы идеологизированных сверх меры публикаций, был далеко не простым и не легким. Может быть поэтому он не был принят освободившимися позже от империализма и колониализма народами как путь для их дальнейшего развития и не был повторен ни одним из них, хотя бы в близких формах.

Созданные в исследуемые годы “основы” и “отдельные элементы” социализма имели еще неустойчивый и противоречивый характер: стали предпосылкой целого ряда сложных проблем, к решению которых общество приступило с большим опозданием и лишь после того, как стало совершенно очевидным, что сохранение прежнего невозможно.

Провозглашенные партией коммунистов, советской властью идеи социальной справедливости, отвечавшие коренным интересам трудящихся, практические социально-экономические, политические, культурные преобразования, заметное повышение жизненного уровня народа разбудили творческую активность масс, установили дух неподдельного энтузиазма, благородства и подвижничества во имя социалистического выбора.

Однако социально-политическая активность масс не всегда направлялась гуманно-конструктивными методами созидания. Это проявилось особенно в неприятии или даже прямом отторжении

всего, что было отнесено к категории “классово чуждого”, хотя и представлявшего определенные общечеловеческие ценности. Сложившаяся обстановка всеобщей “бдительности”, нетерпимости к малейшим проявлениям “инакомыслия”, установленная сталинским режимом, не давала простора для свободного и всестороннего развития личности. И такое положение сохранялось не одно десятилетие и после смерти Сталина.

За годы советской власти, не говоря уже о 20–30-х годах, была реализована лишь первая часть центральной идеи всех социалистических учений – отмена частной собственности на средства производства. Но не было достигнуто самого главного – превращения их в собственность общественную. Произошло отчуждение трудящихся и от собственности, и от результатов труда. Средства производства и производимая продукция фактически стали государственно-казенной собственностью. В последующем они превратились в “ничейную” собственность, что давало простор для злоупотреблений дельцов теневой экономики, любителей незаработанных денег, расхитителей, взяточников и т.д.

Из социальной жизни общества действительно была исключена эксплуатация человека человеком, создана база для торжества издревле известного высшего принципа социальной справедливости для людей труда: “кто не работает, тот не ест”. Однако вместо эксплуатации человека человеком установилась эксплуатация административно-командной системы от имени общества. Выход из этого положения, как теперь однозначно определено, – непростые рыночные отношения с социальной гарантией.

Народнохозяйственные преобразования, включавшие в себя и процессы индустриализации и коллективизации, проводились при исключительной приоритетности общегосударственных интересов, игнорировании местных и региональных потребностей. Такая практика, дополненная централизованным распределением на принципах “уровниловки” привела к утрате заинтересованности у работников в конечных результатах своего труда, к однобокости в развитии народного хозяйства – в его сырьевой направленности. Положение, терпимое в условиях единой державы со сверхцентрализацией производства и распределения, стало кризисным для республики в условиях полной самостоятельности и перехода к рыночным отношениям.

Неоднозначные последствия имели и изменения, произошедшие в духовной сфере народа. Повышение грамотности обусловило быстрый рост информированности, научных знаний и общекультурного уровня людей, изменило многие моменты традиционного миропонимания, мышления и поведения. Усилилась тенденция освобождения грамотной молодежи от влияния старшего поколения.

Постепенно начала терять прежнюю силу массовая тяга людей к традиционным источникам духовного развития и воспитания. И это было закономерной платой за образованность, чего не избежал ни один народ.

Сказались в этом и результаты деятельности по утверждению научного, свободного от религиозных догм и предрассудков мировоззрения. Особый, иногда трагический акцент этой работе придавало искусственное обострение классовой борьбы, которая питала и “революционную нетерпеливость”, и взаимную ненависть.

Антирелигиозная работа в те годы, хотя ней отсутствовала системность и компетентность, преобладали кампанейщина и запретительство, отодвинула веру на позиции бытового ритуала и нанесла урон многим позитивным традициям и обычаям, являющимся неотъемлемой частью духовной жизни и самобытности народа.

Почти весь цвет с невероятным трудом создаваемой национальной интеллигенции пострадал в ходе борьбы с “носителями буржуазной идеологии”.

Действия репрессивных кампаний облегчались, а иногда и провоцировались групповыми кампаниями местных кадров, сопровождавшимися взаимными обвинениями в троцкизме, правом или левом оппортунизме, буржуазном национализме и в других мыслимых и немыслимых грехах.

Трагедия тех лет заключается не только в том, что от репрессий пострадали безвинно тысячи. Страх быть обвиненными в национализме стал причиной прекращения у людей заботы о сохранении самобытности, традиций и культуры народа.

С помощью широкого арсенала средств и методов идейно-политической работы к концу 30-х годов в основном была решена главная пропагандистская задача – утверждение идеологии сталинизма, преподносившегося как “истинный марксизм”.

Зародившиеся на начальном этапе строительства социализма или еще раньше, не снятые, а загнанные внутрь, “законсерви-

рованные” причины нестабильности общества проявляются и в нынешних условиях. Есть все основания полагать, что к ним прибавятся и неоднозначные последствия некоторых “реформ” последнего десятилетия, таких, как разгосударствление собственности, а также “дикого” рынка, действий националистических, фундаменталистских сил, деструктивных элементов и проявления трайбализма.

В нынешних сложных условиях социально-экономических и политических реформ могли бы быть полезными главные уроки преобразовательных процессов 20–30-х годов, которые, на наш взгляд, заключаются в следующем.

Программные задачи, конкретные планы государственной политики прежде всего должны исходить из коренных интересов, реальных возможностей и специфических особенностей собственного народа, а не из интересов “мирового пролетариата”, “мировой цивилизации” при использовании только чужого опыта. В противном случае преобразования сопровождаются насилием, массовым обнищанием, оборачиваются трагедией для народа и прежде всего в сохранении его самобытности.

Нельзя давать простора национал-экстремизму, сепаратизму, фундаментализму, проявлениям трайбализма, особенно в вопросах национальных и региональных отношений, переустройства административно-территориальной структуры республики, формирования управленческого аппарата.

Долговременное господство одной партии, не имеющей политических оппонентов и устремленной к диктатуре ради защиты интересов одной части населения и подавления сопротивления другой, является предпосылкой диктата, произвола, морально-политических и физических репрессий против любого инакомыслия.

Неограниченное господство одной политической линии притягивает карьеристов и политических авантюристов, которые усиливают и используют репрессивный потенциал системы в своих корыстных целях, что негативно сказывается во всех сферах жизни общества.

В нелегкий период суверенного развития страны не следует забывать и другой урок более чем 70-летней истории – необходимо знать объективные пределы воздействия на общественную жизнь, за которыми начинаются насилие, диктат, новые эксперименты над судьбой нации и ее трагедии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Глава I. СОЗДАНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ</i>	19
1. Трудный путь обретения самостоятельности	19
2. Территориальное разграничение и районирование Кыргыстана	38
3. Становление партийной диктатуры	54
4. Политика коренизации аппарата управления	71
5. Попытки преодоления пережитков родоплеменных отношений	87
<i>Глава II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗО- ВАНИЯ 20–30-х ГОДОВ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ</i>	107
1. Концепция и конкретный план строительства социализма, минуя капитализм	107
2. Судьбоносные мероприятия	116
3. Создание основ хозяйственного подъема	132
4. Ход и результаты коллективизации	148
5. Невыполненные планы	168
<i>Глава III. ИЗМЕНЕНИЯ В ДУХОВНОЙ СФЕРЕ ЖИЗНИ НАРОДА</i>	185
1. Повышение грамотности населения	185
2. Под флагом свободы совести	196
3. Феномен “буржуазного национализма”	210
4. Утверждение идеологии сталинизма	233
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	250

Джениш Джунушалиев

ВРЕМЯ
СОЗИДАНИЯ И ТРАГЕДИЙ
20–30-е годы XX в.

Редактор *Т.К. Песковая*
Технический редактор *О.А. Матвеева*
Компьютерная верстка *А.С. Котиковой*

Подписано к печати 6.01.2003.
Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.
Объем 15,5 п.л., 14,6 уч.-изд. л.
Тираж 1000

Издательство “Илим”
720071, Бишкек, проспект Чуй, 265 а